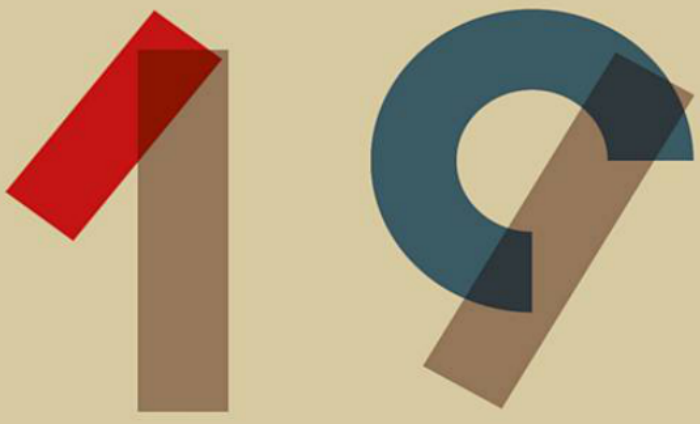
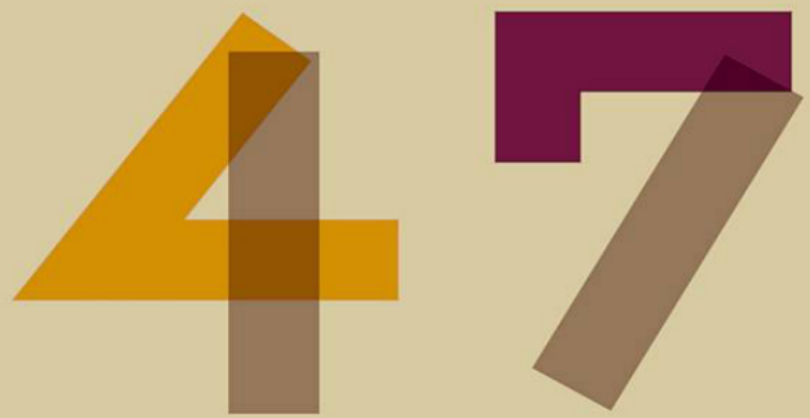
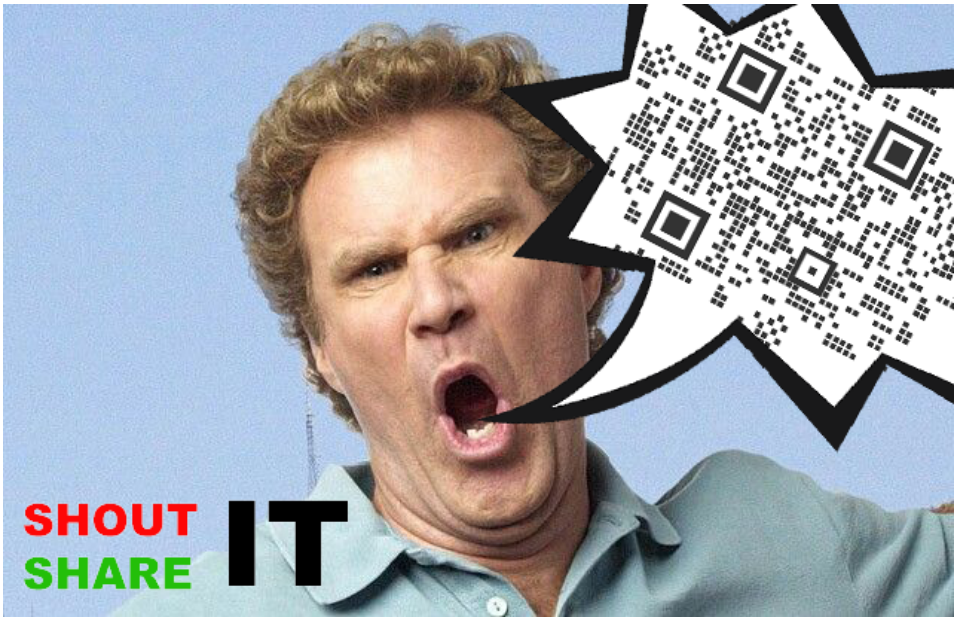


Элисабет Осбринк



Год, в который все началось


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Время идет не совсем так, как думаешь» — так начинается повествование шведской писательницы и журналистки, лауреата Августовской премии за лучший нон-фикшн (2011) и премии им. Рышарда Капущинского за лучший литературный репортаж (2013) Элисабет Осбринк. В своей биографии 1947 года, — года, в который началось восстановление послевоенной Европы, колонии получили независимость, а женщины эмансипировались, были также заложены основы холодной войны и взведены мины медленного действия на Ближнем востоке, — Осбринк перемежает цитаты из прессы и опубликованных источников, устные воспоминания и интервью с мастерски выстроенной лирической речью рассказчика, то беспристрастного наблюдателя, то участливого собеседника.

- Элисабет Осбринк
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○ Январь
  - ○ Февраль
  - ○ Март
  - ○ Апрель
  - ○ Май
  - ○ Июнь
  - ○ Дни смерти
  - ○ Июль
  - ○ Август
  - ○ Сентябрь
  - ○ Октябрь
  - ○ Ноябрь
  - ○ Декабрь
  - ○ Благодарности
  - ○ Библиография
  - ○ Неопубликованные источники
  - ○ Дополнительные источники
  - ○ Список имен
  - ○ Над книгой работали
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3

- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47

- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79

Элисабет Осбринк
1947
Год, в который все началось

Elisabeth Åsbrink
Natur & Kultur
1947

The cost of this translation was defrayed by a subsidy from the Swedish Arts Council, gratefully acknowledged
Перевод — Нина Федорова
Дизайн — ABCdesign

© Elisabeth Åsbrink 2016. Published by agreement with Hedlund Agency
© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2019

* * *

В реках — от будущего на север
—
я раскинул сети, а ты
нерешительно в них погружаешь
начертанные камнями
тени[1].

Пауль Целан

Время идет не совсем так, как думаешь.

Первого января 1947 года «Таймс» пишет, что англичанам нельзя полагаться на свои часы. Для полной уверенности, что время есть именно то, за что себя выдает, им надо слушать «Би-би-си», которая будет особо сообщать, который час на самом деле. На электрические часы воздействуют частые перебои с подачей электроэнергии, однако и механическим часам поверка тоже не помешает. Вероятно, все дело в холодах. Вероятно, ситуация улучшится.

За годы войны на Великобританию сброшено около 50 000 бомб. Повреждено свыше 4,5 миллионов построек. Небольшие

города в провинции почти стерты с лица земли, как тот шотландский портовый городок, бомбардировка которого даже получила название: Клайдбанк-блиц[2].

В австрийском городе Винер-Нойштадт некогда было 4000 домов. Уцелело только восемнадцать. В Будапеште непригодна для жилья половина домов. Во Франции разрушено в общей сложности 460 000 построек. В Советском Союзе полностью уничтожены 1700 небольших городов и деревень. В Германии разбомблено круглым счетом 3,6 миллиона жилищ, каждое пятое в стране. Половина домов в Берлине для жилья непригодна. По всей Германии остались без крова свыше 18 миллионов людей. Еще 10 миллионов бездомных — на Украине. Все они вынуждены довольствоваться ограниченным доступом к воде и нерегулярным — к электричеству.

Прав человека не существует, понятие «геноцид» почти никому не знакомо. Уцелевшие только-только начали считать своих мертвецов. Одни едут домой и не находят дома, другие едут куда угодно, только не туда, откуда пришли.

Сельские районы Европы уничтожены, разорены и отчасти затоплены, оттого что плотины выведены из строя. Возделываемые земли, леса, крестьянские усадьбы — человеческие жизни, пища и труд — сожжены дотла, затянуты глиной.

Во время немецкой оккупации Греция лишилась трети своих лесов. Сожжено более тысячи деревень. В Югославии уничтожено больше половины поголовья скота, а грабительский вывоз зерна, молока и шерсти разорил экономику. Армии Гитлера и Сталина оставляли за собой пустыню не только при наступлении, они получили приказ уничтожать все на своем пути и при отступлении. Тактика выжженной земли: вражеским войскам не должно достаться ничего. Как говорил Генрих Гиммлер: «Не оставить ни единого человека, ни единого домашнего животного, ни единого зернышка, ни единого кусочка рельсов, <…> враг должен найти землю полностью выжженной и разрушенной».

Теперь, после войны, все ищут наручные часы — крадут их, прячут, забывают, теряют. Ясности со временем по-прежнему нет. Когда в Берлине 8 вечера, в Дрездене — 7, а в Бремене — 9. В русской зоне действует русское время, тогда как англичане в своей части Германии вводят летнее время. Спросив, сколько времени, люди большей частью слышат в ответ, что оно пропало. В смысле, пропали часы. А может, пропало время?

Январь

Араб-аль-Зубайд

Хамде Джома́ — девушка энергичная, но всему есть предел. И он уже близок.

Когда приходит в деревню, этот человек с волшебным ящиком созывает детей. Малыши выпросят у матерей крупы, старшие украдут, но все они придут смотреть на волшебный ящик, который, по словам его хозяина, поедает сахар и выплевывает карамельки. Дети смеются и платят ему пшеничными хлопьями, чечевицей и овсом. Он рассказывает истории и показывает картинки, которые становятся рассказами, когда он сует в картонный ящик палку и крутит ее.

Хамде шестнадцать лет, и она глядит не наглядится на волшебство подвижных картинок. Она крадет у матери хлеб, чтобы заплатить этому человеку, горстями таскает из кладовки чечевицу. Потом вспоминает, что у дяди, брата отца, много кур и пять индюшек. Днем, когда дядя спит, она пробирается в его шатер и крадет яйца — лишь бы снова увидеть движущиеся картинки, услышать о героях и борцах за свободу, почувствовать, как мир ширится. Но когда она с добычей крадется к выходу, дядя просыпается, хватает ее и дает тумака. Яйца разбиваются, и этой ночью Хамде в грязном платье спит в пещере, прячется от дядиного гнева. Но он пройдет.

Каждый вечер, заканчивая свои рассказы, мужчина с волшебным ящиком произносит одни и те же слова: «Вот и темень, вот и ночь».

Вашингтон

В Овальном кабинете Белого дома президент Трумэн делает записи в дневнике. Шестого января он просыпается рано и успевает несколько часов поработать, а потом пешком идет на железнодорожный вокзал встречать свою семью. Хорошая тридцатипятиминутная прогулка, пишет он в дневнике, радуясь возвращению жены и детей. Чертовски неприятно быть одному в этой большой белой тюрьме. Ночами половицы скрипят и потрескивают. Не требуется большой фантазии, чтобы увидеть, как расхаживает взад-вперед старый Джеймс Бьюкенен, полный тревоги о мире, вышедшем из-под его контроля. На самом деле

вверх-вниз по лестницам бродит целая толпа мятущихся президентов, сокрушаясь обо всем, что им следовало бы сделать лучше, и обо всем, что они сделать не успели. Кое-кто из его покойных предшественников от этого воздерживается, записывает Трумэн в своем синем дневнике. Им просто недосуг, слишком они заняты контролем над царствием небесным и управлением преисподней. Но остальным, бедолагам-президентам, которые не добились своего, нет покоя. Белый дом — дьявольское место.

Лондон

Седьмого января Лондонское управление пассажирского транспорта уведомляет, что 500 его сотрудниц должны оставить работу. Пора им вернуться домой. В ближайшие месяцы будут уволены все кондукторши лондонских автобусов и трамваев. В общей сложности 10 000. Вернулись мужчины.

Мальмё

Движение возле границы, деревья, словно черные линии среди белизны пейзажа, шаги по замерзшей земле действительно почти не оставляют следов. Мир полон беглецов, стремящихся прочь, вон из страны. Некоторые границы охраняются меньше других, дороги узкие, извилистые, местное население занято своими делами.

Одна граница — между Германией и Данией. Другая — между Данией и Швецией. Водные границы, сухопутные границы, линии, прочерченные на бумажных картах, в реальности же обозначенные камнем, забором, тысячами сухих былинок, шелестящих на ветру.

Одни бегут от пережитого. Другие — от последствий своих поступков. Молчание. Секретничанье. Закодированные депеши и ночевки всякий раз на новом месте. Поток мужчин направляется из Германии в Данию и дальше, в Швецию. Заботливые руки обеспечивают их в дороге пищей и ночлегом.

Пер Энгдаль намерен вернуть себе загранпаспорт. Получает отказ и остается изолирован в своей стране, которую хочет и сохранить, и расширить, разорвав границы. Идея внутренне противоречивая, но он будет неустанно трудиться над ее осуществлением. Шведская тайная полиция классифицирует его как нациста, и после визита к Видкуну Квислингу в Норвегию во время войны и последующей поездки в Финляндию, где он

встречается с несколькими высокопоставленными представителями вермахта, загранпаспорт у него изымают. Несмотря на неоднократные попытки, вернуть паспорт пока что не удается, поэтому он принимает визитеров у себя, в Мальмё. У Энгдаля есть надежные сотрудники, которые разъезжают вместо него и занимаются организационной работой. В оставленных бумагах почти нет документов и названы лишь считаные имена. Приходится окольными путями выяснять, разыскивать и складывать в единую картину все, что происходило в течение тех месяцев, что составят 1947 год, время, когда все казалось возможным, поскольку все уже произошло.

Они едут со всей Европы. Большинство воевало в дивизиях СС на Восточном фронте, кроме того, много прибалтов, которым грозит выдача Советскому Союзу. Всем им нужна помощь, чтобы избежать последствий своих военных деяний, и человек без паспорта принимает их всех.

Пер Энгдаль — лидер шведских фашистов, но поток беглецов, ищущих его помощи, он намерен держать за пределами своего движения, деликатно и под шифром. Вот почему центром этой деятельности становится его частная квартира на мальмёской Местер-Хенриксгатан, 2. Встречи получают литературную окраску, поскольку фашист, который вдобавок пишет стихи, использует в качестве шифров для беглецов, прибежищ и перемещений названия книг — чтобы держать в неведении шведскую полицию.

Сколько их прибывает? Неясно. Кто они? Неизвестно. Но иные из этих тысяч беглецов становятся больше чем именем, возможно даже друзьями. Как профессор Йоханн фон Леерс, ближайший помощник и протеже министра пропаганды Геббельса, один из наиболее влиятельных идеологов нацистской пропаганды ненависти. Волевой и активный юдофоб в нацистском руководстве. Крупное имя, крупная дичь. Фон Леерс попал в плен к американцам и был интернирован в Дармштадт, но через полтора года сумел бежать. В дальнейшем след его размыт и противоречив. На несколько лет ему удается исчезнуть, но в 1950-м он бесспорно появляется снова, в Буэнос-Айресе. Одни утверждают, что фон Леерс несколько лет скрывался в Северной Германии, другие же — что он инкогнито жил в Италии.

Не подлежит сомнению вот что: в конце 1946 года он едет в старинный купеческий город Фленсбург, километрах в десяти от датской границы. Там его встречает датский эсэсовец-доброволец Вагнер Кристенсен и провожает в датский поселок Падборг, расположенный без малого в десяти километрах.

«Мы водили беглецов по тропе через болото и через границу».

Молодому Кристенсену нравится Йоханн фон Леерс — позднее они будут поддерживать контакт, — и он провожает нового друга дальше, через Данию в Копенгаген, где уже другие переправляют его на лодке через Эресунн.

«Я не мог путешествовать, поэтому им пришлось ездить ко мне», — будет позднее с гордостью вспоминать Энгдаль, тщательно избегая называть имена.

Несколько тысяч беглых нацистов Энгдалю и его товарищам удается обеспечить работой. Верфь «Коккум» и производитель счетных аппаратов «Аддо» охотно идут навстречу, при условии, что Энгдаль ни словом не обмолвится об этом в своей газете «Веген фрамот» («Путь вперед»). Все они понимали, что требуется: действовать, но скрытно, без света.

Пер Энгдаль — поэт, журналист, фашистский лидер. Шведская полиция считает его подлинным основоположником шведского нацизма.

«Уже перед войной он был известен как шведский нацист, имевший превосходные связи с международным нацизмом. Он был персона грата в Берлине и Риме. <…> Еще в конце 1945 года Энгдаль завязал контакт с оставшимися за рубежом нацистскими и фашистскими ячейками», — пишет центральное полицейское ведомство, Государственная полиция, в отчете начала 1950-х годов.

Рим

Всего за несколько дней до наступления нового 1947 года пятеро мужчин собираются в Риме на проспекте Реджина-Элена. Журналист, археолог, ревизор, профсоюзный лидер и человек, утверждающий, что он внебрачный сын Бенито Муссолини. Сообща они учреждают Итальянское социальное движение (Movimento Sociale Italiano), основанное на тех же идеях и идеалах, что и фашистская партия Муссолини. Это движение быстро приобретает множество приверженцев и получает от частных лиц крупные денежные дотации. Уже через несколько месяцев по всей Италии открываются местные отделения, и движение может начать свою работу, нападая на демократию и противодействуя коммунизму. И не только в Италии. Их цель — новая Европа.

Фалангисты в Испании, перонисты в Аргентине, британские фашисты во главе с Освальдом Мосли, неонацисты, нелегально собирающиеся в Висбадене под руководством Карла-Хайнца Пристера. И Пер Энгдаль в Швеции. Они в подполье и действуют,

меж тем как мир смотрит в другую сторону. Уже сейчас они создают собственную хорошо организованную курьерскую службу, чтобы обходить паспортные, визовые и валютные ограничения. Вскоре эти люди сблизятся, даже встречаться будут. Накопленная инерция маятника, который качнется вспять.

Польша

Девятнадцатого января в Польше проходят выборы. Но за последние недели полумиллиону поляков предъявили обвинение в сотрудничестве с нацистами и в наказание лишили права голоса. Более 80 000 членов антикоммунистической партии «Польске стронництво людове» арестованы прямо накануне выборов. Около 100 из них убиты польской тайной полицией.

В результате коммунисты одерживают грандиозную победу.

На Ялтинской конференции 1945 года Сталин обещал Польше свободные выборы, но это — смертельный удар по многопартийной системе.

Аль-Махмудия

Сын египетского часовщика, Хасан аль-Банна, желает повернуть время в сторону ислама. Некогда он был любознательным ребенком, своенравным и энергичным, как его мать, и более устремленным вовне, чем отец. Мировое время выверялось в отцовской мастерской, где немые циферблаты ждали стрелок, в коробках поблескивали крохотные подшипники, а сам звук отремонтированных часов становился наградой за труды. Тиканье, четкое и ровное, сообщало, что и вещь, и время пришли от беспорядка к порядку, от хаоса к контролю.

За пределами отцовской мастерской лежал Египет с его пшеничными полями, с людьми, гнущими спину под презрительными взглядами англичан. Несвободная страна. И так же густо, как пшеничные колосья в полях, стояли стихи в Коране.

Мальчик выучился ремеслу, стал часовым мастером. Когда находишься в помещении, полном часов, время становится и другом, и врагом. И когда разбираешь часы, рассматриваешь их внутренность, а затем заставляешь время снова идти, оно становится силой, которой можно управлять.

Париж

Самолет мчит Симону де Бовуар в Нью-Йорк. В салоне, рассчитанном на сорок человек, всего десять пассажиров, так что уже на борту она чувствует себя заблудшей. Словно оставляет позади, в Париже, свою жизнь. Впереди откроется что-то другое, новое, и сделает ее кем-то другим. Самолет в воздухе. Двадцать пятое января. Она пишет: «Я нигде. Я где-то в другом месте. Какое теперь время?»

Нью-Йорк

В это время еще не существует универсальных прав человека. Но ощущало ли мировое человечество нехватку того, о чем оно не ведало? Хватало ли ему защиты мировых религий, которые желали сберечь человека как частицу божества?

Мир поднимается из жирного человеческого праха. Здесь и сейчас, в случайной конторе Объединенных Наций на самолетостроительном заводе близ городка Лейк-Саксесс, будут созданы универсальные ценности. Новые идеи, новые предпосылки гуманности, новая мораль. Права человека не должны зависеть от того, кто он — христианин или буддист, рожден ли в состоятельной или неимущей семье, какое у него имя, пол, положение, страна рождения или цвет кожи.

В мировую историю вступает шестидесятилетняя женщина, которой поручено руководить этой работой. Недавно ее лишили водительских прав за небрежную езду. Где-то глубоко под потоками будничных политических событий, скорби о покойном муже, Франклине Д. Рузвельте, где-то под слоем мыслей о старости, материнстве и непривычности для людей лидера-женщины струятся слова, которые с этого первого и до последнего дня будут сопутствовать рабочей группе, те самые, что можно прочитать у философа конфуцианца Мэн-цзы или в двенадцатой главе Послания к Римлянам: «Не будь побежден злом, но побеждай зло добром»[3].

Первое заседание рабочей группы Элеонора Рузвельт назначает на 27 января. Царит некоторая эйфория. «Больше никогда», — твердят друг другу и самим себе люди во всем мире. «Больше никогда», — говорят члены рабочей группы по правам человека, вряд ли осознавая масштабы своей задачи.

«Больше никогда». Эти слова повторяются, как кисточки на таллите, на молитвенной шали, словно Бог существует.

Мальмё

Январский ветер гуляет по городу Мальмё. Случайный гость, господин фон Леерс, привлекает внимание своей шляпой. Он изучал юриспруденцию, зарабатывал на жизнь как нацистский журналист, вступил в СС, и вскоре министр пропаганды Йозеф Геббельс, впечатленный его талантами, взял его к себе в качестве главного идеолога.

С точки зрения распространения ненависти Йоханн фон Леерс оказывается весьма удачным приобретением. В книге «Евреи смотрят на тебя» он поименно называет целый ряд людей, которых считает евреями, выдающихся немецких политиков, ученых и художников, публикует их фотографии и призывает своих однопартийцев убивать их. В частности, упоминает Альберта Эйнштейна, покинувшего Германию еще в 1933-м. «Пока не повешен», — отмечает фон Леерс. Однако многих других похищают и убивают, будто его слова — приказ.

Теперь он, стало быть, прибыл в Мальмё.

Кто покупает билет, кто встречает его в порту, кто провожает к Перу Энгдалю?

Некоторое время фон Леерс остается в Мальмё, общается с Энгдалем. Что они могли обсуждать, что у них общего, у лидера шведских фашистов и у махрового геббельсовского юдофоба? Может быть, именно здесь их мечтания получают пищу, а мысли о новом будущем облекаются в слова? Может быть, именно сейчас, в первые дни года, проведенные вместе с Йоханном фон Леерсом, обретает ясность представление Пера Энгдаля о послевоенной Европе?

Поток эсэсовцев, выбравших бегство через Скандинавию, не иссякает. Пер Энгдаль полагает себя центром движения, состоящего из отдельных ячеек, причем эти ячейки не знают друг о друге, но действуют во имя общей цели — спасти храбрецов, которым грозят кара и экстрадиция вражеским державам. Энгдалем словно бы руководит огромное сочувствие к эсэсовцам, особенно к прибалтам, рискующим оказаться в руках Советского Союза: «Мы в этом участвовали. Мы знаем, чего это стоило. Мы видели людей, у которых не было на всем свете по-настоящему надежного места, людей, чья родина оккупирована, а на них самих охотятся, как на диких зверей…»

Он пишет о судах, идущих из Швеции в Испанию или в Латинскую Америку, однако в своей автобиографии упоминает, что большинство эсэсовцев переправляют в Западную Германию, которая считается относительно безопасной. Пожалуй, он и его люди помогли в общей сложности 4000 беглецов, хотя, возможно, цифра и чуть меньше.

Спустя несколько лет Йоханн фон Леерс окажется в Буэнос-

Айресе, одной из крупнейших колоний нацистских преступников. Президент Перон принимает их с распростертыми объятиями, не только потому что симпатизирует их идеям, но и потому, что из фондов Третьего рейха ему очень хорошо платят за хлопоты. И Йоханн фон Леерс и Пер Энгдаль продолжают строить свою мечту, по отдельности и сообща.

Февраль

Париж

Сейчас, 12 февраля, Кристиан словно бы рождается вновь, так он чувствует. Это — день Д, как *de luxe*, как Диор. Он показывает первую коллекцию под собственным именем.

Гадалки в его жизни — поворотные пункты. Вспомнить хотя бы тот раз, когда Кристиан дома, в Гранвиле, участвовал в благотворительном базаре, переодетый цыганом продавал амулеты на счастье. А когда пришло время собираться и идти домой, наемная провидица схватила его за руку и нагадала, что у него будет много женщин, — непонятное пророчество и для четырнадцатилетнего подростка, и для его родителей. Однако теперь заново рожденный Кристиан Диор радостно говорит: «В каждой стране есть женщины худощавые и полные, темноволосые и белокурые, женщины со скромным вкусом и те, что любят выглядеть вызывающе. Есть женщины с изумительным декольте и такие, что стараются спрятать бедра. Одни слишком высокие. Другие слишком маленькие. В мире великое множество красивых женщин, и их формы и вкусы бесконечно разнообразны».

Всего несколькими месяцами ранее он открыл свое *bureau des rêveries*[4] и с большой тщательностью набирает сотрудников. Они должны стремиться к элегантности, дополнять его и его воплощенные грезы вышивками, вуалями и тонкостью ручной работы. И он умеет угодить богине по имени Публичность, так что она велит судьбе работать на него.

Трехэтажный дом под номером 30 на авеню Монтень в Париже, с его узорными чугунными балконами и блестящей дверью-вертушкой из стекла и красного дерева, становится обителью его нового «я», без прошлого, но со всем мыслимым грядущим. Там он с коллегами работает среди рулонов ткани и клубов пара, лихорадочно и сосредоточенно.

Из-за нового закона, запрещающего во Франции все бордели, толпы женщин ищут новую работу. Кристиан Диор дает в газете объявление о наборе манекенщиц и буквально тонет в потоке соискательниц. В этой массе он находит только одну, Мари-Терезу. Остальные — Ноэль, Поль, Иоланда, Люсиль и Таня — приходят из мира *haute couture*, из модных парижских ателье.

Все они очень худенькие, *naturellement*[5], и Кристиан рекомендует им обзавестись накладным бюстом. Настало новое время, и все теперь будет иначе: изгибы, корсеты, накладные

бедра. Талия настолько тонкая, что мужчина может обхватить ее, сомкнув ладони. *The New Look, стиль «Нью-Лук»*.

По улицам ходят женщины, одетые в привычный солидный габардин, за неимением чулок красят ноги в коричневый цвет, да еще и проводят более темную вертикальную полоску, имитируя шов. Шляпы у них большие, юбки короткие, до колен, волосы длинные, валиком уложенные надо лбом и свободными локонами падающие на спину, когда они на велосипедах разъезжают по Парижу, — все одинаковые в навязанной бедностью демократичности. Кристиан называет их амазонками и ужасается их угловатым силуэтам, лишенным изящества, грубым, как военные фотографии.

Второй год кряду зимы стоят немилосердно холодные, сибирские, мрачные, а ему хочется весны. Он думает о цветах, о женщинах, о женщинах-цветах — округлые плечи вместо по-военному прямых, мягкие линии, юбки-клеш. Он непрерывно рисует, повсюду, порой сотни эскизов в сутки. Платья как архитектура. Платья как восьмерки, тюльпаны, буква «А». Платья, которые не только любят женщин, но побуждают их любить самих себя, делают счастливыми. Своим девизом он выбирает «Я останусь». Сознает ли он, что отныне все, к чему он прикоснется, станет золотом?

Мир погряз в бедности, скуден и испуган, скован продуктовыми и промтоварными карточками. Все существо Кристиана бунтует, жаждет взорваться пурпуром и тафтой, читать реальность при свете только что ограненного алмаза. Скоро его идеи воплотятся в шелку, окрашенном в нужный оттенок еще как нить, а не как готовая ткань.

Тринадцатого февраля он уже знаменит на весь мир. Показ, публикации в газетах — на все это потребовалось не больше суток. Женщины выстаивают длинные очереди, чтобы в его магазине записали их мерки. Кинозвезда Оливия де Хэвилленд покупает платье «Паспарту» из шерсти цвета морской волны. Рита Хейуорт заказывает к премьере фильма «Гильда» праздничное платье «Суаре». Даже королева богемы Жюльетт Греко непременно желает блистать в Латинском квартале туалетами от Диора. Обычные женщины тоже не в силах устоять перед соблазном. Несмотря на нехватку тканей, быстро шьются подделки для обычных магазинов, а до́ма своими руками удлиняют юбки и перешивают пальто, чтобы подчеркнуть талию.

Бледные морские жемчужины, как ярко они отсвечивают. Щелчки ножниц, режущих нити. *Révolution!*

Лондон

Британцы устали. От сионистских бомб и терактов. От того, что приходится постоянно ублажать арабов. От того, что за последние два года на Палестину истрачено 80 миллионов фунтов и что там, вдали от своих домов, поневоле находятся 100 000 англичан.

«…из-за этой бессмысленной грязной войны с евреями, которая ведется ради того, чтобы в конечном счете отдать Палестину арабам или бог знает кому еще», как говорит Уинстон Черчилль.

Великобритания, которая в свое время оккупировала эту территорию, чтобы обезопасить торговые пути и колониальную власть, более не намерена рассматривать будущее Палестины как внутреннее дело англичан и перекладывает ответственность на остальной мир. Восемнадцатого февраля, через пять дней после сказочного успеха Кристиана Диора, британцы заявляют, что передают вопрос о будущем Палестины в ведение ООН, без каких-либо рекомендаций. Они хотят убраться подальше от этой беды, как можно дальше от ответственности за разрешение этой проблемы.

Всего несколько месяцев назад Лига арабских государств (ЛАГ) думала предложить то же самое — передать всю проблему ООН, — однако теперь действия англичан вызывают бурный протест. Хотя Египет, Сирия, Ливан, Ирак, Трансиордания[6] и Саудовская Аравия по-разному относятся друг к другу, в первую очередь на них влияет один-единственный человек — хаджи Амин аль-Хусейни. Он лидер палестинских арабов и занимает два высоких поста: председателя Высшего мусульманского совета и верховного муфтия Иерусалима. Британцы устали и от него.

ООН постановляет организовать комиссию из представителей нейтральных стран. Пусть они и займутся решением обозначенной проблемы. Лига арабских государств считает, что необходимости в комиссии нет, надо просто создать на всей этой территории независимое палестинское государство, и дело с концом. Австралия предлагает делегатов из одиннадцати стран. Лига арабских государств пытается настоять, чтобы в комиссию вошли представители ее стран-членов, по одному от каждой, но безуспешно. Требование сионистов включить в состав комиссии англичан и американцев также отклонено. Кроме Австралии в новую комиссию (ЮНСКОП[7]) входят делегаты Швеции, Канады, Чехословакии, Гватемалы, Индии, Ирана, Нидерландов, Перу, Уругвая и Югославии. Особой радости никто не испытывает.

Сионисты настаивают, чтобы комиссия посетила лагеря в Европе, где собраны люди, уцелевшие после геноцида. Арабские страны протестуют: по их мнению, комиссия должна изучить

только ситуацию на месте, в пределах нынешней Палестины. Но, согласно инструкциям ООН, комиссия может работать где угодно, в Палестине или в ином удобном для нее месте.

Председателем становится шведский юрист Эмиль Сандстрём, и после первого заседания в Нью-Йорке члены комиссии решают провести пять летних недель в Палестине. В их распоряжении несколько месяцев. За это время конфликт должен быть урегулирован.

Чикаго

Симона де Бовуар постоянно записывает, как выглядят другие женщины. «Очень некрасивая». «Красивая, но глупая». «По-моему, единственная достаточно интеллигентная женщина, с которой можно общаться, но некрасивая». Так она характеризует своих знакомых по литературному Парижу. Сейчас она покинула свой четко обозначенный район, поехала в Америку, в четырехмесячное лекционное турне. Сменить реальность, стать чужестранкой — в первые дни это чрезвычайно ее занимает.

«Мое присутствие заёмно. На тротуарах для меня места нет. Этот мир, где я внезапно очутилась, не ждал меня. Он был целостен без меня — и остается целостен, без меня. В этом мире меня нет, и я цепляюсь за него в мое отсутствие».

Подруга сказала ей, что в Чикаго ей надо повидать Нельсона Альгрена. Симона де Бовуар следует совету. Двадцатого февраля она впервые встречается с писателем Альгреном. Ему тридцать восемь, она годом старше.

Однажды вечером он показывает ей свой мир, окрестности Вест-Мэдисон-авеню, которые называет чикагской глубинкой. Холостяцкие общежития, ночлежки, грязные бары. В первом баре играет маленький ансамбль, женщины раздеваются и непристойно двигаются под табличкой, запрещающей танцы. Хромые, увечные, пьяные — все танцуют. Симона наблюдает, говорит: «Красиво».

Нельсон удивлен, но ему это по душе: «Вы, французы, способны видеть, что уродливое и красивое, смехотворное и трагичное, доброе и злое существуют параллельно. Американцы так не умеют. Для них есть только или-или».

Они идут дальше, в бар для черных, потом в еще один. Улицы пустынные, холодные, заснеженные, сиротливые. На обратном пути в такси они целуются.

На другой день де Бовуар и Альгрен бродят по бедным, замызганным польским кварталам, где он провел детство и

значительную часть взрослой жизни. Снова ходят из бара в бар, мерзнут на холодном, пронизывающем ветру и согреваются водкой. Им не хочется разлучаться, но надо: у де Бовуар в этот вечер назначен ужин с двумя французами, которых она ненавидит, ведь вынуждена из-за них прервать прогулку с Нельсоном Альгреном. Наутро, перед отъездом из Чикаго, она звонит ему с вокзала, и разговор длится долго, до самого отхода поезда.

«Им придется вырезáть трубку из моей ладони».

По дороге в Лос-Анджелес она решает непременно вернуться в Чикаго.

Нельсон Альгрен живет в халупе без ванной и холодильника, на узкой улочке, полной вонючих мусорных баков и выброшенных газет. Симона де Бовуар находит, что бедность освежает. Тревожит ее только боль. Если уже сейчас ей больно уехать от него, то что же будет, если они встретятся вновь?

В письме Симона задает Нельсону этот вопрос. Он отвечает: «*Too bad for us if another separation will be difficult*»[8]. Возвращайся.

Исмаилия

Несложно перечислить то, что вызывает у Хасана аль-Банны отвращение. Сексуальная распущенность. Освобождение женщины. Демократия. Музыка. Танцы. Песни. Иностранное влияние.

Аль-Банна издавна ставит перед собою цель насаждать добро и предупреждать зло. Еще подростком в городе Аль-Махмудия он вместе с несколькими товарищами создает группу, задача которой — повысить мораль молитвами и бдениями. Однажды он идет по берегу Нила и видит вырезанную из дерева фигуру обнаженной женщины, как раз там, где матери поселка черпают воду. Видимо, корабельщики развлекались или пробовали воспроизвести женские формы, но юный Хасан аль-Банна полагает, что здесь нечто недозволенное и надо сообщить об этом властям. Сказано — сделано. Он сообщает в полицию, и в школе его ставят в пример.

Это правда? Так было на самом деле? В любом случае эта история сыграет важную роль в развитии ислама как политического движения: передаваемая из уст в уста легенда о молодом человеке, который не боится ни говорить правду, ни поправлять старших.

Двадцатилетний аль-Банна живет в одном из домов города Исмаилия. Помещения в самом низу снимают евреи, на первом

этаже живут христиане, а он и его друзья — на самом верху: метафора развития монотеистических религий, так он это понимает. Позднее он создает организацию «Братья-мусульмане».

Нидерланды

Тюльпаны не цветут, сады опустели, все выкопано. А что людям было делать? Говорят, вареные тюльпанные луковицы вкусом напоминают каштаны, нежные и сладковатые, но если съешь больше четырех, отравишься.

Не пристало говорить после войны о национальных шрамах, скорее уж о национальном параличе. Поезда толком не ходят, поскольку нет паровозов. Нацисты отдали их Румынии. Вдобавок они демонтировали и значительные участки телефонной сети, так что теперь людям приходится пользоваться времянками, по крайней мере если они хорошо платят. Того, кто платит лучше всех, соединяют в первую очередь. Голландцам не разрешено также покупать большое количество тюльпанных луковиц, во всяком случае, для личного хозяйства. Рынок принадлежит только профессионалам, поскольку весь национальный цветочный резерв пойдет на экспорт в Америку. Сады так и стоят без цветов, запасы опустошены.

И никто даже слышать не желает слово «Германия», столь велико отвращение после оккупации. Новый закон объявляет 25 000 голландцев немецкого происхождения врагами народа и приговаривает к депортации, пусть даже они оказываются евреями, либералами или антифашистами.

Насилие идет хорошо протоптанной дорогой. Голландским немцам дается час, чтобы собрать все, что они смогут унести, но не более 50 килограммов, после чего их отправляют в следственные тюрьмы или в тюремные лагеря близ границы с Германией, вплоть до депортации. Дома и предприятия конфискуются в пользу государства. Операция «Черный тюльпан».

А затем облегчение? Очищение?

Ансбах, Южная Германия,

американская зона

В Европе множество детей, чьи родители были расстреляны, отравлены газом, замучены, умерли от голода или холода. Дети остались живы, уцелели — оттого что их перекрашивали в

блондинов, обеспечивали фальшивыми христианскими метриками, прятали в монастырях, опускали в ведрах в нужник, держали взаперти за стенами, на чердаках или в подполе, оттого что родители вытолкнули их в конец очереди, когда дожидались расстрела на дунайском причале.

Часть этих тысяч детей собрана во временных детских домах и приютах, остальные бродят разрозненными шайками, живут на улицах и в развалинах. Есть и такие, как Йосеф, у которых в войну уцелел и один из родителей.

Орды детей — они мечтают о собственной стране? Может быть. Так или иначе, куда-нибудь им надо уехать.

В старом санатории в Штрюте, километрах в пяти к северо-западу от Ансбаха, ЮНРРА[9] совместно с сионистским Еврейским агентством[10] организует детский дом. Низкие белые постройки становятся временным пристанищем для детей-сирот из Восточной и Центральной Европы, ожидающих разрешения на выезд в Палестину.

Позади жилых построек расположен участок, где можно выращивать овощи. Есть там и главное здание для персонала ООН, и флигель, где разместится медпункт. Здесь истощенные дети будут получать питание, 3000 калорий ежедневно, а также посещать школу и дополнительные уроки древнееврейского языка и еврейской культуры.

Первая группа венгерских детей прибывает в штрютский лагерь в сопровождении представителей кибуцного движения «Ха-шомер Ха-цаир»[11]. Поначалу их руководители вообще отказываются иметь дело с ЮНРРА и с близлежащей военной базой, требуют полной самостоятельности. Местному персоналу лишь с большим трудом удается убедить их, что определенное сотрудничество пойдет на пользу здоровью детей, гигиене и образованию. ЮНРРА обещает быть связующим звеном с военной базой, которая сдает в аренду помещения, и никоим образом не воздействовать на политическую направленность движения. На несколько дней все более-менее успокаивается, пока сионисты не узнают, что в лагере ожидают приезда еще 220 детей из Венгрии. Тут вспыхивают протесты. Сионистское руководство не на шутку встревожено: прибывающая группа слишком велика, лагерь будет переполнен, начнутся эпидемии. Но хуже всего опасность дурного морального влияния. Новая группа научит дисциплинированных ребят из «Ха-шомер Ха-цаир» воровать, курить, отказываться от подчинения и отлынивать от работы.

Персонал ЮНРРА озабоченно пишет в нью-йоркскую штаб-квартиру. Ведет с кибуцным руководством долгие беседы о важности общей ответственности за проблему беженцев и о том,

что нельзя отворачиваться ни от кого из детей-сирот. Все напрасно. Только узнав, что прибывающая группа тоже относится к кибуцному движению — правда, к соперничающей ветви «Ха-боним Дрор», не столь социалистической в смысле идеологии, но все же, — руководители социалистической «Ха-шомер Ха-цаир» примиряются с ситуацией.

Йосефу десять лет. Раньше его звали Дьёрдь, как и его отца. Но когда мать отдает его в сионистскую общину «Ха-боним Дрор», он получает новое имя — в знак нового будущего. Он уезжает из Будапешта, он на пути в Палестину, и лагерь детей-беженцев — промежуточная станция на этом пути.

Ехать далеко. Последний отрезок пути от баварского Айнринга Йосеф и все остальные сидят в кузове грузовика больше двенадцати часов. До места они добираются замерзшие и голодные, но, как докладывает персонал ЮНРРА, на удивление в хорошем настроении.

Благовоспитанные дети из «Ха-шомер Ха-цаир» встречают детей из «Ха-боним Дрор» песней. Ведут их в белые дома, показывают спальни, туалеты и столовую. Подают ужин, а потом моют посуду. Только в два часа ночи в спальнях гасят свет и все сироты, их кибуцные руководители и персонал ООН отходят ко сну.

Группа Йосефа приезжает из Будапешта одетая до невозможности плохо, башмаки буквально разваливаются, одежда с чужого плеча, на смену ничего нет. Только у нескольких есть чулки. Иных приходится держать в постели, пока их вещи не постирают и не починят. Зато они очень ценят гигиену. И по приезде первым делом спрашивают, нельзя ли помыться.

Когда через несколько дней в белые постройки Штрюта прибывает третья группа, сионистский лагерь уже полон. В общей сложности 290 детей, частью не старше двух лет. Треть детей — в возрасте около десяти лет, как Йосеф. Примерно 70 человек — от двенадцати до тринадцати, а большинство — от четырнадцати до шестнадцати. Главным образом из Венгрии, но есть и польские дети, а несколько даже из Югославии и России.

Все очень непросто. Два соперничающих сионистских движения требуют помещать больных детей в разные отделения — чтобы не заразились неправильной политической идеологией. Персонал ЮНРРА урезонивает, умасливает, и мало-помалу в зеленеющей немецкой провинции наступают довольно спокойные будни.

Итак, теперь он здесь, этот мальчик. Когда-то он был венгром, звался Дьёрдь и жил с мамой и папой в центре большого города Будапешта. Теперь он сионистский пионер Йосеф, учит

древнееврейский, знает о важности сельского хозяйства и доброго товарищества. Посещает уроки чтения, письма и счета, а также пения, драматического искусства и рисования. В свободное время занимается боксом. Знакомится с американскими солдатами с базы в Ансбахе, которые приезжают на джипах и изредка позволяют ему сесть за руль. Ключа зажигания нет, мотор включается кнопкой. Все это очень интересно. Шмуэль, Пинхас, Дов, а еще Дина и Мирьям — его лучшие друзья. Все хорошо.

ЮНРРА отвечает в данном регионе за помощь еврейским беженцам и их реабилитацию, независимо от их политической деятельности. В документе под названием «Общие замечания и рекомендации касательно положения евреев в Центральной и Восточной Европе» один из сотрудников ООН подытоживает ситуацию. Европейских евреев можно разделить на две категории. Во-первых, это участники кибуцного движения. Они «хорошо организованы, преследуют один идеал и одну цель: свой дом, свой народ, Палестина. У них хорошие руководители, прекрасная дисциплина и высокий уровень коллективизма».

Во-вторых, те, у кого по-прежнему в крови гитлеровская отрава. «Они отказываются работать. Крадут. Занимаются сделками на черной бирже. Жизнь для них — вопрос каждодневного выживания. Их цель — отобрать все, что можно, у немцев и других врагов, в качестве минимальной платы за унижения, какие им довелось испытать. Когда разговариваешь с каждым по отдельности, они признают, что это самоубийственно, однако неизменно отвечают: „Когда я приеду в Палестину — или в США, или в Англию, — то стану совсем другим“».

Отчет констатирует, что именно с беженцами, разрушающими собственную личность, отравленными своим жизненным опытом, «должен работать самый лучший персонал, какой только может найти ЮНРРА, и относиться к ним надо с пониманием и симпатией, строго и деликатно. <…> Им нужно хорошее питание, хорошее жилье, по возможности в окружении друзей и родственников, а не бараки с соломенными тюфяками и деревянными нарами, которые изо дня в день будут напоминать им о мучениях в концлагерях». Зло надо изгонять добром.

Киев

Михаил был всего-навсего сержантом двадцати двух лет от роду, когда его вызвали к великому Жукову. Благодаря изобретению Михаила Красная армия могла точно подсчитывать число сделанных выстрелов. В награду и в знак высокой

генеральской оценки Михаилу вручили наручные часы — а как же иначе?

Это было в 1941 году. Генерал Жуков приведет Советский Союз к победе над фашистами, но назначенная встреча состоялась, когда операция «Барбаросса» еще не началась, пакт между Сталиным и Гитлером еще не был нарушен. И часы, конечно, успели потеряться. Остается только миф.

Германия

Больше никогда, больше никогда, больше никогда. Эти слова звучат уже почти два года, с первого дня германской капитуляции в мае 1945-го, пока 10 февраля 1947 года не была поставлена последняя подпись под Парижскими мирными договорами[12].

В этот день Вторая мировая война формально закончилась.

Два года победители — Советский Союз, Франция, Великобритания и США — занимались пленными, исполняли свой долг, несли ответственность. Необходимо показать людям, что победило правое дело, что демократическая система лучше авторитарной. Главная задача — денацифицировать, демилитаризировать, децентрализировать, а также демократизировать Германию. Преступления будут наказаны. Раны залечены. События, которые покуда хранятся лишь в памяти отдельных людей, будут возведены в ранг преступных деяний и предстанут перед судом.

Четыре державы-победительницы пришли к соглашению, что нацистов надо призвать к ответу. Но хотят ли они отомстить? Получить компенсацию? Гарантировать мир? Да, но еще и акцентировать определенные события и закрыть глаза на другие, остановиться и продолжать идти, одновременно.

Отчет о войне еще не написан. Историки еще не изучили сохранившиеся архивы. Протокол судебного процесса против нацистского деспотизма становится первым обобщенным изображением. Правосудие станет уроком истории, собирателем фактов, а кроме того, доказательством, что победила справедливость.

Двадцатого ноября 1945 года Международный военный трибунал (МВТ) занял места в Нюрнбергском дворце юстиции. То, что стало известно под названием Нюрнбергский процесс, было первым из в общей сложности тринадцати Нюрнбергских процессов. Двадцать четыре высокопоставленных нацистских главаря были осуждены за преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности, то есть за

убийства, истребление, порабощение, депортации и преследование по политическим, расовым или религиозным причинам, а также за конспирацию в целях осуществления этих преступлений.

Журналисты заполнили тесный зал суда, обшитый темными деревянными панелями. Бóльшую часть времени они скучали. Судебное заседание было обстоятельным, велось на четырех языках, перевод опять-таки требовал времени, а обвиняемые в массовых убийствах выглядели как самые обыкновенные люди. Но важнейшая информация о нацистской идеологии все же разнеслась по миру, дошла до тех, кто еще не понимал, до тех, кто не пострадал и оттого не задумывался, а возможно, и до тех, кто до сих пор отказывался верить.

Никогда прежде не предавались суду преступления, совершенные государством, никогда прежде не устанавливалась ответственность за действия нации, никогда прежде действия по приказу главы правительства не называли преступлениями и не осуждали в судебном порядке.

Под руководством главного обвинителя Роберта Х. Джексона американские юристы пытались доказать, как нацисты, с одной стороны, тайно строили козни, чтобы прийти к мировому господству, а с другой — вели агрессивную войну. Учитывали юристы и идею репрезентативности: согласно их анализу, гитлеровский режим базировался на нацизме, милитаризме и экономическом империализме, и теперь суду подлежали представители каждой части этой зловещей троицы.

Главный обвинитель Джексон был весьма честолюбив. Протоколы и заключительное решение процесса станут важнейшими историческими документами. Поэтому ему не хотелось допрашивать особенно много свидетелей. Собственные документы нацистов служили достаточным доказательством и были лучше, чем травматизированные, противоречивые в показаниях свидетели, чья память во время перекрестных допросов внезапно отказывала. Так что в суде выступало весьма мало свидетелей.

Двенадцать человек, в том числе Герман Геринг, Ханс Франк, Альфред Розенберг и Юлиус Штрейхер, были приговорены к смерти. Трое получили пожизненное, четверо — до двадцати лет тюремного заключения, и еще трое были оправданы. Один из обвиняемых, Мартин Борман, скрылся, один страдал маразмом и тяжело болел, а потому избежал наказания. После первого большого процесса планировались еще одиннадцать в самом Нюрнберге и еще сотни в каждой из стран, побывавших под властью нацизма.

Юридические процессы реконструируют недавние события посредством изучения документов, которые нацисты не успели уничтожить, и посредством допросов, полных лжи. Вчерашняя побежденная реальность будет воссоздана по закону.

Весь этот процесс пронизан мощными политическими силами. Одни политики стараются найти средства на сложную работу и подыскать компетентный юридический персонал, собрать доказательства, согласовать расследования меж четырьмя державами-победительницами, обеспечить одинаковый подход — словом, создать общую правовую основу для юристов четырех наций. Другие же скоро, очень скоро затрубят отбой, желая прекратить судебные процессы.

Идеологические аспекты налагают отпечаток и на приговоры, и на описания преступлений. Точно водяные знаки, заметные только в определенном свете, они отмечают юристов соответствующих наций.

Советский Союз обвиняет лагерную охрану Заксенхаузена, что она стала орудием капиталистической монополии. Поскольку русские юристы рассматривают всех погибших как мучеников фашизма, они не признают особой участи евреев в соответствующих лагерях, как не признают и особой участи гомосексуалистов или цыган.

Франция останавливается в первую очередь на жертвах среди французского движения Сопротивления и избегает сосредотачивать внимание на множестве французов, сотрудничавших с нацистами. Предъявляя обвинения, и Советский Союз, и Франция придают большое значение собственным страданиям, собственному сопротивлению и собственным жертвам. Так создается память и реконструируется автопортрет народов. В памяти возникают провалы.

В зале суда описание войны, преступлений и жертв — всего, что, вероятно, происходило, — сокращается, сводится к тому, что можно доказать. Вероятное брошено на произвол судьбы. Первый рассказ о деспотической власти нацистов обретает форму. Реальность просачивается сквозь текст законов, обвинений и судебных решений, затем через репортеров, наблюдающих за процессом. Рассказ разветвляется, центры тяжести смещаются. Какие-то части исторических событий остаются несформулированы, тогда как другие выкладываются на свет послевоенного дня.

Например, лагеря Бухенвальд и Дахау. Они освобождены американскими солдатами, и потому для американской общественности в первую очередь именно эти два лагеря становятся символами нацистской жестокости. Другие лагеря —

другие жестокости, другие способы убийства и другие жертвы — отступают во тьму и исчезают.

Берген-Бельзен — единственный лагерь, освобожденный британскими войсками. Там берут под стражу начальника лагеря Йозефа Крамера и ряд его подчиненных, все они предстают перед судом в британской зоне еще в 1945 году. То, что начальник лагеря Крамер совершал преступления также в бытность свою комендантом Освенцима, входит в обвинение, но процесс все равно называют Берген-Бельзенским, а сам Крамер именуется Бельзенским Зверем. Сообщая об этом процессе, международная пресса почти не упоминает об Освенциме.

Судит Крамера военный трибунал. Согласно законодательству, он вправе рассматривать только военные преступления и преступления против граждан стран-союзниц. Какие бы деяния начальник лагеря Крамер и его подчиненные ни совершили против германских граждан или граждан других оккупированных нацистами стран, юрисдикции трибунала эти деликты не подлежат. А ведь весной 1944 года, когда были уничтожены 400 000 венгерских евреев, Йозеф Крамер был начальником лагеря смерти Освенцим-Биркенау и ближайшим сотрудником коменданта Рудольфа Хёсса, но на процессе это не рассматривается. Ни один из пунктов обвинения не упоминает об убийстве евреев. В Великобритании символом нацистского зла становится лагерь Бельзен.

Сейчас, через два года после войны, англичане выказывают все меньше энтузиазма по поводу военных трибуналов. У них попросту нет средств. Примешиваются и политические приоритеты. В идеологической борьбе, которая намечается между Советским Союзом и США, меняется взгляд на Германию. Нельзя назвать конкретную дату, конкретный момент, когда фокус смещается с прошлого на будущее. Только этот год — когда все пребывает в напряженном движении, зыбком, лишенном цели, потому что все возможности пока открыты.

Наверно, пришло время, рассуждают англичане, прекратить демонтаж немецкой нации? Может быть, требуется что-то другое, нежели вина и наказание? Может быть, память, история и реабилитация жертв уже не самое важное? Вместо сурово наказанной Германии Европе требуется мало-мальски функционирующая Германия, как щит против распространения коммунизма.

Вот почему британская оккупация Германии ставит себе в этом году новую цель. Страна должна стать «стабильной и продуктивной». Центр внимания смещается с тогдашних изъянов и преступлений на строительство будущего и его возможности. В

результате англичане решают сократить число обвинений.

Бывший премьер-министр Уинстон Черчилль — один из наиболее резких критиков военных трибуналов. Он твердит о разнице в ответственности солдат вермахта и движимых идеологией эсэсовцев. Вермахт делал свою работу. Порой грязную, кровавую и мерзкую, но такова уж природа войны. И Черчилль участвует в сборе средств в защиту арестованного немецкого генерал-фельдмаршала Манштейна.

То, о чем не говорят на суде, исчезает в безмолвии. Нацистские преследования и убийства гомосексуалистов вообще не включены в число пунктов обвинения и на процессах не фигурируют. Некоторые руководящие нацисты говорят об уничтожении цыган, но свидетелей-цыган для дачи показаний не вызывают. Хотя в лагерях смерти Белжец и Собибор убито около миллиона польских евреев, в ходе всех тринадцати Нюрнбергских процессов об этих лагерях не упоминают ни словом. Лагерь смерти Треблинка упоминается однажды, вскользь, и именуется просто концентрационным. Участь евреев мелькает вспышками черноты, однако суть идеологии, расовая ненависть — это не главный вопрос. Доминанта — агрессивность нацистской Германии, стремление к мировому господству и преступления против мира.

Мир отстраивается на трясине забвения.

Лондон

Во вторник 18 февраля Великобритания снимает с себя ответственность за Палестину.

В четверг 20 февраля премьер-министр Клемент Эттли объявляет, что англичане предоставляют Индии самостоятельность.

В пятницу 21 февраля американцев информируют, что Великобритания прекращает поддержку Греции и Турции.

Империя трещит по швам. Владычица мира отрекается от своего господства, держава, которая правила морями и торговыми путями, определяла расстановку сил, распространяла свой язык, спорт, оружие, систему образования, свой фунт и своих солдат, обрывает связи и оборачивается к самой себе.

Непонятная неделя.

Будапешт

Двадцать пятого февраля начинается чистка антикоммунистических элементов — арестован Бела Ковач, лидер Партии мелких сельских хозяев (ПМСХ). Его обвиняют в заговоре против советских оккупационных властей и приговаривают к пожизненной ссылке в Сибирь. Он первый, но не последний.

Март

Голливуд

Билли Холидей в Голливуде, ей предстоят съемки в фильме «Новый Орлеан».

Ее роль — поющая горничная, влюбленная в музыканта, которого играет Луи Армстронг. Холидей и хочет сыграть эту роль, и не хочет. Ведь в ней изначально присутствует унизительность — само положение прислуги, а певица всю жизнь стремилась уйти от этого.

Первый раз она снимается в одиннадцатиминутном эпизоде. В черном платье, белом фартуке и белом чепце, униформе людей второго сорта, горничная на минутку садится за хозяйский рояль и поет для себя. Застав ее за этим занятием, белая хозяйка дома делает ей резкий выговор:

— Разве я не говорила, что не желаю снова видеть тебя за фортепиано?

— *I'm sorry, ma'am*. Простите, мэм.

— Что за музыку ты играла?

— Блюз, мэм.

— Блюз? Вы играете блюз[13], когда вам грустно?

— Нет, мэм. Он просто так называется. Мы играем его и когда грустим, и когда веселимся. Даже когда влюблены.

Билли Холидей страшно зла на своего агента, который заключил этот контракт. А все бы могло быть иначе. «Новый Орлеан» мог бы стать фильмом, где джаз льется рекой, фильмом, где музыка есть и язык, и содержание. Репетируется эпизод за эпизодом. Билли Холидей, в частности, поет титульную песню «Do you know what it means to miss New Orleans» и «The blues are brewin'». Луи Армстронг, который был для нее одним из первых образцов, сейчас здесь, вместе с нею, в съемках участвуют и его большой оркестр, и регтайм-бэнд. А еще оркестр Вуди Германа, где играют несколько лучших американских джазистов. Потрясающая музыка. Но затем сцены одну за другой вырезают.

Режиссер Герберт Биберман уступает нажиму кинокомпании «Рейдио-Кейт-Орфеум», которая полагает, что в фильме занято слишком много афроамериканцев. Можно подумать, будто именно они создали джаз.

Ансбах, Южная Германия,

Йосеф сидит на уроке, когда кто-то вдруг прерывает занятия и просит его выйти в коридор. Там его ждет мама — Лилли.

Целый год он провел в сионистском приюте для детей-сирот в Штрюте, Ансбах. Он — исключение, аномалия, редкий случай, когда у ребенка жив один из родителей. Этот мальчик всегда чувствовал себя не таким, как все, и даже здесь ему не дано принадлежать к большинству.

В приюте господствуют товарищество и равенство. Руководителей двое — молодой парень по фамилии Кенеди и молодая женщина по имени Кати. Мальчику Йосефу они очень по душе. Все хорошо, тепло и надежно. Сюда его отправила мама, а теперь вот она вдруг стоит в коридоре.

Йосеф и его мама уцелели. Тому есть четыре причины, есть тысячи причин, но ни одна не служит достаточным объяснением.

Лилли бегло говорит по-немецки. Это одна причина.

Адольф Эйхман, главный специалист нацистской Германии по еврейским вопросам, — вторая причина. Когда настает срок убивать венгерских евреев, он следует инструкциям Рейнхарда Гейдриха «прочесать всю страну с запада на восток». В первую очередь забирают евреев из провинции, тогда как столичным евреям дают пожить еще несколько недель.

Третья причина зовется Сталин и его Красная армия. Они занимают в Будапеште квартал за кварталом, освобождают город от немецких и венгерских нацистов, улица за улицей. Позднее они на своих зеленых танках с большими красными звездами проезжают по городу. Красивое зрелище, эти танки, так мальчик будет думать до конца жизни. Самые красивые, какие когда-либо видели люди.

Четвертая причина — кое-что иное. Порой нет вообще никакого рационального повода, чтобы один человек умер, а другой уцелел, будь то в геноциде или на войне. Такие слова, как «везение» и «чудо», суть не что иное, как орнамент, приукрашивание непостижимых обстоятельств. Никто не способен определить, что́ тяжелее — умереть или не умереть, никто не способен подсчитать цену выживания, эпизодическую уплату долгов.

Отец Йосефа пропал. В памяти — запах его бритвенного лосьона. На регистрационном бланке детского приюта в Штрюте кто-то написал: «Погиб на принудительных работах на Украине». И еще: «Мать на пути в Палестину».

Лилли отправила Йосефа сюда, а теперь вдруг приехала. В сумке у нее венгерские колбаски, и она спрашивает, как он

поступит со своим будущим, спрашивает сейчас, посреди урока.

Она что же, так и ехала из Венгрии в американскую зону Германии с колбасками в багаже?

Йосеф хочет остаться с детьми в лагере? Она рассказывает, что снова вышла замуж. Может, он вернется с нею назад, в Будапешт, к отчиму? Они стоят в коридоре. Или он поедет с сионистами в Эрец-Исраэль? Йосефу нравится вкус венгерских колбасок, сочных, красных от паприки, с белыми кусочками сала. Йосеф постоянно голоден.

Берлин

«Знак нашего времени — развалины, — пишет немецкий писатель Ханс Вернер Рихтер в своем журнале „Дер руф“ („Призыв“). — Они окружают жизнь. Это внешний символ внутренней неуверенности человека в наше время. Руины живут в нас, а мы — в них. Это наша реальность, которая требует, чтобы ей придали форму».

В центре Берлина стоит самый страшный из домов, пострадавший от бомбежек, с черными от утраченной власти окнами. Строительные камни плотно примыкают друг к другу. Ничтожен был тот, кто входил туда, ничтожен, а вскоре мертв: этот дом был штаб-квартирой гестапо на Принц-Альбрехт-штрассе, 8.

На пятом этаже находится архив гестапо, миллионов девять листов бумаги. В общей сложности две тонны документов. Там и в близлежащих берлинских развалинах десяток американских юристов предпринимает сейчас раскопки, сортирует и анализирует документы за документами, факты за фактами, преступления за преступлениями. Если состоятся судебные процессы, если будет вершиться правосудие, то для этого необходима доказательная база. И они методично раскапывают обломки тщательно выстроенного административного собора нацистской Германии.

В Берлине весна. Молодой юрист Бенджамин Ференц отвечает за подготовку будущих военных трибуналов в американской зоне. Именно в эти дни к нему в контору заходит один из его сотрудников, швейцарец, занимающийся документами одного из отделов немецкого министерства иностранных дел близ Темпельхофа. Оказывается, он обнаружил дела, о существовании которых никто не знал. Скрупулезные записи, страница за страницей, будто сделанные необычайно дотошным ревизором: детальный учет убийств евреев, цыган,

участников движения Сопротивления, душевнобольных, мужчин, женщин и детей — убийств, совершенных на советской территории. *Отчеты касательно событий в Советском Союзе*.

Бенджамин Ференц начинает читать ежедневные записи, сделанные четырьмя айнзацгруппами[14] «A», «B», «C» и «D» начиная с 22 июня 1941 года, когда нацисты напали на Советский Союз. На столе перед ним маленький арифмометр. Он складывает цифры. Когда количество убитых в сумме переваливает за миллион, он откладывает бумаги и едет в Нюрнберг, чтобы поговорить с начальником, бригадным генералом Телфордом Тейлором. Необходим еще один Нюрнбергский процесс.

Сначала Тейлор отвечает «нет». Не хватает не только денег и юристов, Пентагон вообще ограничил расходы на послевоенное правосудие. Да и народ не поддерживает многочисленность судебных процессов. Люди хотят жить дальше. Но Бенджамин Ференц ссылается на вновь найденные отчеты. Документы однозначны.

«We can’t let these guys go»[15].

Бригадный генерал Телфорд Тейлор соглашается при условии, что в роли обвинителя выступит сам Бенджамин Ференц. Ему двадцать семь лет, и никогда прежде он не вел судебных разбирательств. А теперь начнет крупнейший в мире процесс об убийстве.

Лос-Анджелес

Если Симона де Бовуар безоглядно влюбилась в Чикаго в писателя Нельсона Альгрена, по ее письмам домой, Жан-Полю Сартру, этого никак не скажешь. Она отправилась дальше, на Западное побережье, с лекциями о морали и экзистенциализме, живет у друзей.

В этот четверг 13 марта она пишет Жан-Полю письмо, сидя на террасе в Лос-Анджелесе. Она запаслась сигаретами и мартини, и перед нею открывается вид на кроны эвкалиптов и океан. Калифорнийское небо высокое и синее. Ну вот, пишет Симона, она здесь словно королева в легкомысленном, поверхностном американском мире, тогда как подлинная жизнь и Жан-Поль, на которого она целиком полагается, остались дома, во Франции. Разница между ее американским существованием и ее подлинной жизнью в Париже огромна, точно океанская бездна.

«Наверно, было бы больно, если б не сильное ощущение, дорогой мой, что ты и я — одно и что в начале мая я найду тебя

совершенно таким же, как когда мы расстались».

Нельсона Альгрена она упоминает вскользь. Сообщает о нем в конце письма, небрежно, мимоходом:

«Мой чикагский друг прислал большую посылку с книгами и милое письмо, которое меня растрогало. Не перестаю удивляться, как любезны люди здесь, по ту сторону Атлантики».

Дели

Well, you see[16], Дикки — кузен Берти, то есть Его величества короля Георга VI. Кроме того, он брат будущей королевы Швеции Луизы, а богатые индийские принцы, вероятно, ценят королевскую кровь. Вдобавок он дружит с Ноэлом Кауардом, Уинстоном Черчиллем и совсем недавно познакомился с Джавахарлалом Неру, который ценит как его общественные таланты, так и радикальные взгляды. Поэтому британский премьер-министр Клемент Эттли просит Дикки взять на себя роль последнего вице-короля Индии.

Лорд Луис Фрэнсис Альберт Виктор Николас Джордж Маунтбеттен, для друзей Дикки, дает согласие. Разумеется, он играет в поло. Задача подвести Индию к следующему этапу видится ему как последний семиминутный период в матче, где его команда проигрывает. В письме кузену, британскому королю, *my dear Bertie*[17], он резюмирует ситуацию: «*The last chukka in India — 12 goals down*»[18].

Вообще-то у него совсем другие планы, нежели ликвидация Британской империи. Он намерен восстановить честь семьи, ведь его отца, немецкого принца Людвига Баттенбергского, вынудили во время Первой мировой войны с позором уйти из флота по причине антинемецких предписаний. Назначение вице-королем сейчас весьма некстати.

Кузен Берти понимает дилемму. В письме он отвечает, что Дикки, конечно, может вернуться в британский флот и через два года, после Индии, но тогда ему, конечно, будет труднее после долгого отсутствия возобновить карьеру во флоте. И лорд Маунтбеттен принимает окончательное решение. Британское правительство, разумеется, дает ему восемнадцать месяцев, чтобы ликвидировать британскую верховную власть в Индии, но у него и в мыслях нет затягивать *the last chukka* так надолго. Он ускорит темп.

Сейчас лорд Маунтбеттен собирает надежную команду и готовится к отъезду. Ему нужны добрые советы, и не только касательно одежды. «Кажется, они там немножко леваки? —

спрашивает он у одного из друзей. — Может, надеть будничный костюм?» Друг решительно не советует:

«Ты — последний вице-король. Особа королевской крови. И должен надеть самый стильный мундир со всеми наградами, а встретить тебя должны с максимально пышными церемониями».

Так и происходит. В субботу 22 марта лорд Маунтбеттен с женой и дочерью выходит из самолета на аэродроме в Дели и принимает из рук Джавахарлала Неру букет алых роз. Последняя чукка начинается.

Европа

Нацистская система — это закрытая система, где дозволено высказывать лишь определенные мысли, а насилие есть валюта во вселенной страха. В этой системе нет места ни ошибкам, ни заблуждениям, ни разговорам. Ее движущая сила — ненависть.

Закон сохранения энергии, применим ли он здесь? Закон, постулирующий, что энергию невозможно ни уничтожить, ни создать, совокупное ее количество всегда неизменно.

Йоханн фон Леерс и Пер Энгдаль. В мировых архивах, в документах, касающихся их обоих, этот второй послевоенный год почти не упоминается. Словно 1947-го вообще не было, словно на его месте — разрыв в их линиях жизни. Но если время — карта, мы можем задним числом развернуть его, поднести ручку к бумаге и поставить точку там, где они встречаются, беседуют и расстаются. Затем оба как бы исчезают, точно надев кольцо из саги профессора Джона Роналда Руэла Толкиена, которую тот в эти дни представляет своему издателю.

Намеки, домыслы и отдельные факты о действиях этих двух людей задокументированы в архиве ЦРУ, в архиве полиции безопасности в Стокгольме, в Федеральном архиве в Берлине, в российских архивах, в Иерусалиме и т. д. Исследователь может обратиться туда, затребовать все, что есть в наличии, получить охапку документов и все равно остаться лишь с множеством вопросительных знаков и фрагментов. В развалинах Европы вполне можно спрятаться, и Йоханн фон Леерс прячется. Пер Энгдаль тихо ждет в тени. Допустимы лишь легкие движения.

Энергия постоянна, однако принимает новые формы. Встреча фон Леерса и Энгдаля — еще и точка во времени, от которой протягиваются нити в будущее, добавляются другие имена, но мечтания все те же: новая Европа, единый континент. Без классов. Без партий. Индивид подчинен коллективу. Авторитарные движения, где руководитель однозначен в своих решениях и

время не растрачивается на медленные, неудовлетворительные демократические процессы. Единый организм, гармонично белый. Нация Европа, по выражению лидера британских фашистов Освальда Мосли.

Балтимор

В порту Балтимора стоит «Президент Уорфилд», крепкий белый пароход, предназначенный для увеселительных прогулок по Чесапикскому заливу. Сейчас там демонтируют просторный бальный зал, чтобы разместить на его месте тысячи простых спальных мест, многоэтажных деревянных нар, и заготавливают спасательные жилеты. Больше никаких напитков и танцев, никаких спокойных речных прогулок. Бортовые поручни оборачивают колючей проволокой, корпус укрепляют стальными листами, устанавливают трубчатые конструкции, чтобы в случае чего встретить возможного агрессора потоками перегретого пара.

Лондон

Документы с грифом «совершенно секретно» курсируют между ответственными сотрудниками британского министерства иностранных дел. Еврейское агентство настаивает, чтобы британские власти увеличили квоту на въезд переселенцев в Палестину. По всей Европе в лагерях беженцев ждут люди — изолированные в своем стремлении к жизни, к новой жизни. В Палестину пропускают ежемесячно лишь 1500 человек, это слишком мало, дело продвигается медленно, так нельзя. Гуманитарная катастрофа и прочая.

Но британцы непоколебимы. И причин для этого у них больше прежнего. Например, арабские лидеры только что потребовали полного прекращения еврейской иммиграции. Британцы ответили отстаиванием статус-кво, а поскольку арабы не протестуют, англичане делают вывод, что установленная квота переселенцев принимается.

«Мы очень и очень хотим избежать серьезного разлада между британцами и арабами в ООН, — отмечают англичане после беседы с арабскими лидерами. В особенности решающую роль играют лидеры палестинцев. — Верховный муфтий может отреагировать весьма резко».

Кроме того, британцы уже дали отрицательный ответ на особый запрос президента Трумэна о том, чтобы пропустить в

Палестину 100 000 евреев.

Ответ сионистам из Еврейского агентства, стало быть, тоже «нет». Не более 1500 переселенцев в месяц, и точка. Палестинская проблема ставится перед ООН как взведенная мина, британцы же осторожно выжидают и хотят сохранить с арабами по возможности самые добрые отношения. Есть ли тут связь с импортом нефти? *Top secret*[19], как уже сказано.

Ансбах, Южная Германия,

американская зона

Мальчику Йосефу надо сделать выбор между знакомым и неведомым. Он может выбрать себе будущее, устроенное в соответствии с антирелигиозным сионизмом, будущее с новыми коллективными идеями, где его сиротство есть норма, более того — самоочевидность. Или совсем другое: будущее возвращения. К прежнему имени, прежнему языку, прежнему сумраку в прежних комнатах, своего рода одиночество в стране, которая превращается в коммунистическую диктатуру. Ему десять лет, и он должен принять решение.

Впоследствии он будет вспоминать это решение с бессильной печалью. Если бы десятилетний ребенок знал то, что знает взрослый мужчина, выбор, возможно, стал бы иным. Но сейчас 1947 год, и мальчик думает о вкусных венгерских колбасках, привезенных матерью.

Он выбирает Будапешт.

Думает, что выбирает родину, поскольку рос в Будапеште. Но выбирает враждебную страну, поскольку Венгрия — страна, чье население хотело убить его. Его товарищи в сионистском лагере в Штрюте продолжают посещать уроки древнееврейского и физкультуры. Часть их вскоре получит фальшивые визы. Всего через три месяца их отвезут во французский порт Сет, а там они поднимутся на борт парохода «Эксодус», сиречь «Исход».

Апрель

Берлин

Есть такое место, что расположено между вчера и завтра. Там легко заблудиться. Пустырь без укромных уголков, полный молодых немцев моложе двадцати пяти лет. Нацистская система — это все, что им знакомо. Теперь ее больше нет. Что остается? Пустота. Вот там-то у них, кажется, место сбора, там они, неуверенные, в сомнениях, хотят задержаться.

Они находятся между вчера, при Гитлере, когда им «было не так уж и плохо», и завтра, которое, пожалуй, может оказаться иным, глядишь, и получше. Но никаких гарантий нет.

Этого места не найти на географических картах. И все же оно существует, меж востоком и западом. Страны света отчетливо различимы, но куда идти молодежи, никто сказать не может. От одного другим передается мысль, становится общим мнением: пока не делают выбора, они не совершают ошибки.

Дирборн

Седьмого апреля умирает Генри Форд, хотя, как говорят, был совершенно здоров.

За свою жизнь он не только создал принцип конвейерного производства автомобилей и военного снаряжения — даже сам Иосиф Сталин считает, что это сыграло огромную роль в победе союзников над немцами, — но и финансировал в начале 1920-х годов перевод и американское издание «Протоколов сионских мудрецов»[20] тиражом 500 000 экземпляров.

В 1919 году он покупает газету «Дирборн индепендент», которая затем публикует целый ряд юдофобских статей. Они собраны в книге «The International Jew — the Worlds Foremost Problem»[21] вкупе с «Протоколами сионских мудрецов», а один из восторженных читателей зовется Бальдур фон Ширах, впоследствии руководитель гитлерюгенда. «Важнейшая книга» в его юдофобском развитии, как он говорит, давая показания на Нюрнбергском процессе. Другой читатель, который тоже весьма впечатлен, зовется Адольф Гитлер, и Генри Форд — единственный американец, упомянутый по имени в «Майн кампф».

Разумеется, в 1927 году Генри Форд публично приносит

извинения и признает, что «Протоколы сионских мудрецов» основаны на лжи и фальсификации, однако в 1938-м принимает высший нацистский орден, какой только может получить не немец: орден Германского орла вкупе с личным поздравлением Адольфа Гитлера, в мюнхенском кабинете которого, кстати, висит портрет Генри Форда.

И вот он скончался. Бывает и так.

Дели

Лорд Маунтбеттен, последний вице-король Индии, обсуждает будущее страны с тремя мужчинами, которые с трудом терпят друг друга. Лорд предпочитает Джавахарлала Неру, одного из лидеров партии «Индийский национальный конгресс». А вот в Мохандасе Ганди, представителе той же партии, видит этакого полуголого факира, непостижимую загадку духовности и считает Божией милостью, когда их встречи происходят по понедельникам, ведь в этот день недели Ганди дал обет не говорить. Третий участник, Мухаммед Али Джинна, лидер Всеиндийской мусульманской лиги, *well*[22], он психопат, по мнению Дикки, до того холодный, что, находясь с ним в одной комнате, просто коченеешь. Все трое индийских лидеров — юристы, вполне энглизированные, высокообразованные и отчасти воспитанные в Великобритании.

Могли бы они быть друзьями или хотя бы союзниками при всей своей взаимной неприязни? Могли бы держаться с вице-королем Дикки по-другому — и тогда бы удалось избежать кровавой бани раздела? Но Дикки торопится, а эти трое соперничают во власти и влиянии.

Мухаммед Али Джинна — политический лидер мусульман империи — ест свинину, пьет виски и в мечеть ходит редко. Джинна не выносит, что Ганди насаждает духовность в политике, — «преступно смешивать религию с политикой, как делает он», — и убежден, что религия порождает шовинизм и среди индусов, и среди мусульман. Поэтому он отказывается одухотворять Ганди, титулуя его *махатмой*, великой душой. Вполне сгодится и *мистер*, и этого Ганди ему простить не может. Раньше Джинна стремился объединить Национальный конгресс, где доминируют индуисты, и Мусульманскую лигу, но рост насилия заставил его все активнее выступать за различение, не только между политическими партиями, но и между их избирателями. Теперь ему необходимо отдельное мусульманское государство.

Но Ганди категорически против «вивисекции», как он это именует. Лучше объединение с мусульманином Джинной в руководстве, только не резать на куски тело Матери Индии. Джавахарлал Неру не может принять позицию Ганди, хотя поначалу тоже против раздела. Но насилие раздирает страну изнутри, и он меняет позицию. Мусульмане и индусы топят друг друга, жгут дома и дырявят друг другу черепа, а затем наблюдают, как оба истекают кровью.

Уже упоминалось, что Дикки больше всего симпатизирует Неру. Они оба согласны, что старик Ганди не контролирует ситуацию, слишком занят, разъезжая по стране и своим присутствием проливая бальзам на открытые раны. Согласны они и в том, что Джинне самое место где-нибудь еще — пусть забирает свой убогий Пакистан и будет доволен.

Десятого апреля лорд Маунтбеттен собирает своих сотрудников и сообщает, что справедливое решение найдено. Важно, чтобы ответственность за него легла на индийский народ, а тем самым избежать обвинений по адресу Великобритании. *By the way*[23], Пенджаб и Бенгалию придется разделить.

Вот так трехсотпятидесятилетняя колония Великобритании распадается на три части — Бангладеш[24] и Пакистан как географически невозможное единство, в тысячах километров друг от друга, между ними целый континент — Индия. Так распадаются народ, селения, дома, семьи. Так распадается жизнь, оборачиваясь поджогами и уничтоженными рисовыми чеками, скитаниями и бегством, тысячами непогребенных тел вдоль железных дорог. Так распадается все.

Берлин

Состояние между уже-не-войной и миром. Огромный хаос.

Во время подготовки семнадцатого номера «Дер руф» журнал запрещают. Власти американской зоны устали от бесконечного цензурирования, лучше уж сразу его закрыть.

Редактор Ханс Вернер Рихтер и все его сотрудники побывали в американском плену, но не придерживаются образа мыслей держав-победительниц. Им хочется видеть между восточной и западной зонами связующие звенья, а не все бóльшие различия, они мечтают о социализме, который станет мостом между Советским Союзом и западными державами.

Вокруг них в передовых статьях, заметках и общественных дискуссиях звучат голоса, твердящие о спасении немецкого духа — *der Geist* — от нацизма. Одно не имеет касательства к другому,

говорят они, все это злонамеренное непонимание. Немецкий дух в основе своей высококультурен и богат, он был заложником мерзкого нацизма.

Кружок молодых писателей, куда входит Ханс Вернер Рихтер, голодает, как и все, не имеет ни работы, ни положения в обществе, но все они готовы создавать новый немецкий язык, без лжи. Они отвергают идею коллективной вины, а равно не терпят и фальшивую кротость, которая все больше охватывает Германию, сравнивают ее со слизью слизняков.

Писатель Томас Манн тоже замечает, что на прежней его родине делаются попытки прикрыть насилие последних четырнадцати лет идеей о благородстве и доброте немецкой культуры. Книга, которую он недавно закончил, повествует о композиторе, который заключает сделку с дьяволом, чтобы достигнуть огромных, новых художественных высот и успеха, но взамен должен отдать способность к любви. Роман рождается из понимания, что буржуазная культура, в которой Томас Манн жил и любил, содержала зародыш нацизма. Идея дурмана сплавляется с идеей антиразума, пишет он. Результат — плачевная судьба Германии.

Джура[25]

Холодный и ясный апрельский день, часы отбивают тринадцать ударов. Эрик Артур Блэр сходит на берег шотландского острова Джура вместе с трехлетним приемным сыном Ричардом, вот и всё. Эйлин Блэр, его жена, умерла во время тривиальной операции, совершенно заурядного хирургического вмешательства, меньше чем через год после того, как они усыновили мальчика. Отец и сын остались одни.

Блэр переутомлен, беден и изо всех сил старается не пускать в сердце скорбь. После смерти Эйлин он писал как одержимый — книжные рецензии, эссе, репортажи, аналитические статьи. Друг из газеты «Обзёрвер» предложил ему пожить в его доме на Джуре, и Эрик Блэр с благодарностью принимает возможность оставить мир на произвол судьбы.

Чтобы добраться до известнякового дома в Барнхилле, километрах в десяти от Ардлассы, нужно добрести до самого конца Длинной дороги и пройти еще немного. Там светится дом, белый, как успокоительные пилюли. А внизу — море. И больше ничего, ничего другого. Это всё. Дом. Небо. Вересковая пустошь. Море.

В прошлом году он некоторое время жил в Барнхилле. И

теперь записывает в дневнике, что все не так, как раньше, все наперекосяк. Трава не растет, птиц почти нет, зайцев мало. Двенадцатого апреля море спокойно. Тюленей не видно.

Мы говорим, что время течет, что оно — капризный извилистый поток, куда дважды войти невозможно, что течет оно меандрами и все же движется вперед. Будто у него есть исток, направление и где-то его ждет океан, будто само время должно влиться в него, смешаться с ним и стать бесконечностью, всем, ничем, концом.

Иные люди, становясь в центр метафоры, превращают себя в измерительный инструмент, в аналитиков. В каком направлении мы устремляемся, куда течет кровь и что люди делают со своими мыслями? Какие слова применяются и какой смысл стараются скрыть?

Эрик Блэр — один из таких. На острове Джура с его белыми кроликами и гадюками он смотрит на окружающую реальность так же трезво и без сантиментов, как на окружающий язык. Под псевдонимом Джордж Оруэлл он пишет:

> «В наше время политическая речь и письмо в большей своей части — оправдание того, чему нет оправдания. Продление британской власти над Индией, русские чистки и депортации, атомную бомбардировку Японии, конечно, можно оправдать, но только доводами, непереносимо жестокими для большинства людей, — и к тому же они несовместимы с официальными целями политических партий. Поэтому политический язык должен состоять по большей части из эвфемизмов, тавтологий и всяческих расплывчатостей и туманностей. Беззащитные деревни бомбят, жителей выгоняют в чистое поле, скот расстреливают из пулеметов, дома сжигают: это называется *миротворчеством*. Крестьян миллионами сгоняют с земли и гонят по дорогам только с тем скарбом, какой они могут унести на себе: это называется *перемещением населения* или *уточнением границ*. Людей без суда годами держат в тюрьме, убивают пулей в затылок или отправляют умирать от цинги в арктических лагерях: это называется *устранением ненадежных элементов*. Такая фразеология нужна, когда ты хочешь называть вещи, но не хочешь их себе представить»[26].

Сейчас он бежит от своего писательского и журналистского успеха, бежит от просьб выступить с лекциями и от поручений, скрывается от публичности и необычайно холодной зимы, живет

на Внутренних Гебридах. Без электричества и воды, но с рюмкой коньяка днем, замыслом очередной книги и безлюдьем, необходимым, чтобы его реализовать.

Марсель

В это самое время британцы узнают о белом корабле, который был переоснащен в порту Балтимора, а сейчас идет в Марсель. Фактически им известно о нескольких старых судах, используемых для незаконной тайной перевозки беженцев. Лишь за последний месяц они не пропустили в Палестину восемь судов, на каждом из которых находилось примерно 1000 уцелевших узников лагерей. Этих евреев отправили на Кипр, в уже и без того переполненные лагеря, где им придется ждать своей законной очереди эмигрировать.

Британцы требуют, чтобы Франция приняла меры и перекрыла поток беженцев со своего побережья, в частности остановила американский пассажирский пароход «Президент Уорфилд». Используйте административные рогатки, пишут они французскому министерству иностранных дел, не давайте этому судну запастись топливом, сошлитесь на морское страхование, делайте, черт побери, что угодно, только не выпускайте его из Марсельского порта.

Сотни тысяч людей кочуют по Европе, едут прочь, возвращаются домой, едут туда, где никогда не бывали, ибо не могут более жить в прошлом.

Свыше 5000 евреев собираются у румынской границы с Венгрией. Куда они направляются? Дальше. Венгры решают арестовать всех, кто перейдет границу без законных документов, и выслать их назад, в Румынию.

Ходят слухи, упорные и тревожные, причем из таких надежных источников, что не иначе как правдивые: более 125 000 человек только в американской зоне Германии готовятся осуществить одно и то же — перебраться в Палестину, нелегально, по фальшивым документам.

Колумбия, Южная Каролина

Нынешнюю обстановку можно охарактеризовать как состояние воинственного мира.

Стоя под собственным портретом, американский миллионер и советник президента Бернард Барух произносит речь,

написанную кем-то другим. Сегодня 16 апреля. Он требует от рабочих еще более интенсивного труда, требует сокращения забастовок и единства между профсоюзами и работодателями.

Миру необходимо обновиться и материально, и духовно, говорит Барух. Эта простая фраза достаточно расплывчата, чтобы вместить всю боязнь обновления, смешанную опять-таки со всею же надеждой, что обновление состоится, — слова, словно емкость с легковоспламеняющимся газом.

«Нам не стоит обманывать себя. Мы находимся в состоянии холодной войны. Наши враги — за рубежом и среди нас».

Американская пресса цитирует Баруха, расточает ему похвалы, вывод о холодной войне импонирует своей резкостью, и принимают это понятие так, будто оно прозвучало впервые. На самом деле оно заимствовано из эссе об атомной бомбе[27], написанного Джорджем Оруэллом еще в 1945 году. Слова Оруэлла схватывают современность, но уже через два года современность сбегает, вновь похитив эти слова.

Понятие «холодная война» распространяется еще шире, когда в скором времени журналист Уолтер Липпман выпускает книгу «Холодная война»[28]. Это подборка статей, резко критикующих внешнюю политику и антисоветскую стратегию президента Трумэна. Трещина в мире, которая стремительно расширяется, холодная война, на самом деле создана американской жаждой господства и некомпетентностью, констатирует Липпман.

Он не одинок. Целый ряд крупных американских политиков обвиняет США в том, что они заменяют империализм Великобритании на Ближнем Востоке своим собственным, рискуют начать войну с Советским Союзом, отказываются от важных дипломатических переговоров, неверно оценивают гражданскую войну в Греции, поддерживая там тоталитарные силы, и пугают американский народ.

В дневнике президента Трумэна не упомянут ни Липпман, ни его критика.

Нью-Йорк

Девятнадцатого апреля Симона де Бовуар обедает с Марселем Дюшаном. А затем идет на вечеринку, устроенную в ее честь. Там присутствуют Ле Корбюзье, Курт Вайль и Чарли Чаплин.

Вашингтон

Рафаэль Лемкин никогда не забудет тот день, когда услышал речь Уинстона Черчилля. Он выступал по радио, через два месяца после внезапного нападения Гитлера на Советский Союз в июне 1941 года, и говорил о том, что, собственно, происходило под прикрытием сказочно звучащего кодового наименования «операция „Барбаросса“».

«Агрессор… отвечает ужаснейшими жестокостями. По мере продвижения его армий целые районы были уничтожены. Германские полицейские подразделения тысячами — буквально тысячами — хладнокровно убивали русских патриотов, которые защищают свою родную землю. Никогда со времен нашествия монголов на Европу в XVI веке не бывало даже приблизительно столь масштабного, методичного, беспощадного истребления. <…> Мы — свидетели преступления, которому нет названия».

Эти слова запали в память. Юрист, специалист по международному праву Рафаэль Лемкин бежал из оккупированной нацистами Польши, жил в эмиграции. Он размышлял о преступлении, которому нет названия. И решил дать ему имя.

В США Лемкин приехал за несколько месяцев до выступления Черчилля. Мало-помалу он приобрел известность, особенно благодаря книге «Правление государств „Оси“ в оккупированной Европе» (*Axis Rule in Occupied Europe*), опубликованной в ноябре 1944 года; в ней он анализирует преступление, которое назвал геноцидом, и дает ему определение.

После войны, получив работу в Пентагоне, Рафаэль Лемкин занимался проверкой официальных распоряжений нацистов и приказов, связанных с преследованием и убийством евреев в оккупированных странах. Но он хотел большего, хотел изменить мир.

Честно говоря, все это правда, но вместе с тем и ложь. Ни одну человеческую жизнь невозможно свести к единичным фразам. Фрагменты переписки Лемкина, его заметки и незаконченная автобиография позволяют увидеть и другие стороны личности Рафаэля Лемкина. Следы горечи и тоски по любви. Теплую, счастливую близость к матери, воспоминания о детстве, когда он обнимал березы и ездил верхом без седла, чувствовал глубокое единение со всем живым. Есть и глубокая незаживающая рана — от известия, что мать убита в Треблинке. Витают здесь и взаимоотношения с женщинами, стремящимися позаботиться о нем, и нежность, какую он пробуждает. Неясность вокруг его чувств. Куда ведет его страсть? Секреты, ненаписанные дневники. Добровольное одиночество, в которое он погружен, отчаяние, которым он дышит. И то, чем будет отмечен остаток его

жизни: одержимость сделать геноцид международно признанным преступлением.

Чтобы приблизиться к власти, способной изменить мир, он связался с одним из судей Верховного суда США, Робертом Х. Джексоном. Послал ему статьи о своей работе и предложил взять в библиотеке Верховного суда свою книгу. Роберт Х. Джексон ее прочитал. И когда затем президент Трумэн назначил Джексона главным обвинителем на первом Нюрнбергском процессе, мысли и слова Лемкина просочились в эту работу.

Исподволь, но целенаправленно Рафаэль Лемкин приближался к центру круга юристов, работавших над подготовкой процесса. Требовались новые законы. Прежде не существовало преступлений, равных по жестокости и насилию тем, что произошли недавно. Возникли два новых международных преступления — преступление против человечности и преступление против мира.

Через Роберта Х. Джексона Лемкина приглашают участвовать в подготовительной работе, но, по сути, без должности как таковой. Он встречал друзей, но и недругов тоже. В списке участников рабочей группы его имя вписано карандашом, а не чернилами. Ему даже персонального телефона не выделили. Часть коллег считала его неотесанным, он-де шокировал окружающих, хвастаясь своей книгой. Тем не менее он оставил след. По его упорному настоянию в обвинительное заключение по делу Германа Геринга, Иоахима фон Риббентропа, Ханса Франка и других нацистских лидеров включили понятие геноцида. И на слушаниях Международного военного трибунала, первого большого процесса в Нюрнберге, в зале суда впервые прозвучало слово *геноцид*. Британский обвинитель даже прямо процитировал книгу Лемкина в ходе одного из допросов.

Сам Лемкин обретался наполовину на свету, наполовину в тени. Пока шел процесс, он искал информацию о том, что случилось с его родителями и остальными членами семьи. И при этом выяснил, что американская администрация в Германии ежедневно выпускала на свободу 500 эсэсовцев по той простой причине, что не имела средств на их содержание. Не сохраняла ни фотографий, ни отпечатков пальцев. От тревоги и печали его мучила бессонница.

Небритый, нестриженый, неухоженный бродил Лемкин по коридорам нюрнбергского «Гранд-отеля», где жили американские юристы. Несчастная добрая душа, тьма, желавшая сделать мир светлее. Коллеги симпатизировали ему, но терпели с трудом.

Лемкин даже просил одного из обвинителей повлиять на

председателя суда, чтобы понятие геноцида было записано в приговор нюрнбергского суда:

«Нельзя же до бесконечности твердить миру: не убивайте членов национальных, расовых или религиозных групп, не стерилизуйте их, не принуждайте к абортам, не крадите у них детей, не заставляйте их женщин вынашивать детей для вашей страны, и так далее. Необходимо сейчас, при этой уникальной возможности сказать миру: не занимайтесь геноцидом».

Когда оглашали приговор, Рафаэль Лемкин лежал больной в Париже. Несколько лет — война, мир, убийство миллионов людей и судебный процесс — минуло с тех пор, как он слышал речь Уинстона Черчилля, упомянувшего о преступлении, которому нет названия. А сейчас слушал радиопередачу из Нюрнберга и, пока приговор не был дочитан до конца, еще надеялся. Но о геноциде не прозвучало ни слова, ни единого слова.

Мальмё

Пер Энгдаль собирает силы. Паутина, линии знакомств, передача импульсов.

Шведской тайной полиции известно, что еще в 1945 году Энгдаль завязывает контакт с остатками нацистских и фашистских ячеек в Европе. Известно ей и то, что сейчас он сотрудничает со шведским финансистом Карлом-Эрнфридом Карлбергом. Этот Карлберг владеет в Стокгольме издательством, которое, в частности, переводило и выпускало книги Адольфа Гитлера и Йозефа Геббельса, а также опубликовало «Протоколы сионских мудрецов». В годы войны Карлберг собирал информацию и анонсировал выпуск двухтомного «шведского еврейского календаря», поименного списка всех шведских евреев и их жен, а кроме того, отвечал за шведское издание пропагандистской газеты вермахта «Сигнал».

Карл-Эрнфрид Карлберг твердо и непоколебимо привержен нацизму. Накануне пятидесятилетия Гитлера он собирал деньги на подарок фюреру. В 1939-м, узнав о покушении на фюрера[29], он лично послал ему телеграмму с пожеланиями здоровья.

Шведская полиция знает, что миллионер Карлберг — член фашистского движения Пера Энгдаля и что Карлберг и графиня Лили Гамильтон выступили с инициативой создать Комитет помощи детям Германии, а позднее Комитет помощи немецким офицерам. За несколько лет они собрали круглым счетом 40 миллионов шведских крон, и эти деньги пойдут не только на бедных немецких детей, но и на большое количество нацистских

офицеров. Позднее графиня Гамильтон станет вице-председателем «Тихой помощи» (*Stille Hilfe*) — организации поддержки прячущихся, осужденных и беглых нацистов.

Однако же шведской полиции пока неизвестно, что Карлберг поддерживает контакт с эсэсовским офицером Людвигом Линхардом, который еще в 1944 году переправлял высокообразованных нацистов через Швецию в Аргентину. В ходе сложной операции, действуя по поручению как шведского правительства, так и нацистской Германии, он якобы сумел вывезти несколько тысяч эстонских шведов, которым грозили советские репрессии, и с помощью Карла-Эрнфрида Карлберга спрятал их в Стокгольме.

Теперь Линхард сам хочет уехать в Аргентину и финансирует поездку, продавая беглецам места на старом пароходе «Фалькен», который стоит в Стокгольме на ремонте. Судно в плачевном состоянии, ремонт требуется серьезный. Связываются с Карлбергом, он осматривает судно и инвестирует в проект минимум 30 000 шведских крон.

На полицейских допросах, происходивших позднее в том же 1947 году, Карлберг будет изображать тяжелую амнезию и делать все возможное, чтобы затушевать связь между собой и Людвигом Линхардом. Но сейчас, этой прохладной весной, обоих навещает молодой аргентинец немецкого происхождения — Карлос Шульц. Президент Перон поручил ему завербовать 1000 человек в Аргентину, лучше всего эстонцев или эстонских шведов, но в первую очередь людей с высшим образованием и арийских кровей. Карлос Шульц и Людвиг Линхард составляют длинные списки шведских нацистов и столь же длинные — датчан и норвежцев, состоявших на нацистской службе. Эти списки отсылают в Буэнос-Айрес, а ответной почтой получают паспорта и разрешения на въезд. Аргентинские дипломаты в Стокгольме и Копенгагене помогают. Паспорта крадут, паспорта подделывают, идентичности скрывают.

Нелегальный поток беглецов через границу меж Германией и Южной Ютландией не иссякает, постоянный поток белых, образованных беглецов, которых через Данию переправляют в Швецию и дальше, в Латинскую Америку.

Май

Дели

Лидер Всеиндийской мусульманской лиги Мухаммед Али Джинна хочет получить свой Пакистан и возглавить его. Но он полагает, что лорд Маунтбеттен ведет процесс раздела Британской Индии чересчур поспешно. Встреча с одним из сотрудников лорда заканчивается тем, что Джинна хватает англичанина за плечо и серьезно заявляет, что раздел территорий Пенджаба и Бенгалии окажется огромной ошибкой. Он просит сотрудника доложить об этом лорду Маунтбеттену.

Для изгнания сикхов и индусов мусульманские группировки в Лахоре жгут их дома. Индусы и сикхи вооружаются, намереваясь нанести ответный удар. С марта в Лахоре и Равалпинди, по официальным данным, убито 3600 человек.

Чтобы раздел Индии стал практически возможен и религиозно последователен, некоторые люди должны переехать или умереть. В результате набегов целые деревни сжигают дотла. Нападают на поезда, вырезают пассажиров. Нападают на беженские обозы. Мужчин кастрируют. Женщин похищают и насилуют. Похищают и отрезают им грудь. Отрезают носы и руки. Выцарапывают на их коже имена насильников. Похищено и подвергнуто сексуальному насилию по меньшей мере 75 000 женщин, только затем, чтобы ослабить род, к которому они принадлежат, оскорбить его. Иные отвечают на это, убивая своих женщин еще до того, как враг их похитит. Отцы перерезают горло своим дочерям, сестрам и женам или сжигают их. Колодцы Пенджаба наполняются телами, когда женщинам приказывают совершить самоубийство. В деревушке Тоа-Хальса в округе Равалпинди 93 женщины бросаются в общественный колодец. Три из них выживают, поскольку воды недостаточно, чтобы утопить всех.

Раздел — его поспешность, способ осуществления — вынуждает 4,5 миллиона немусульман и 5,5 миллионов мусульман бежать соответственно в разные части Пенджаба. С насиженных мест снялось круглым счетом 13 миллионов человек.

Позднее Дикки так прокомментирует свои действия на посту последнего, ответственного за уход англичан вице-короля Индии: «*I fucked it up*»[30].

Нью-Йорк

Симона де Бовуар и Нельсон Альгрен встречаются вновь 10 мая. Он дарит ей серебряное кольцо.

Лондон,

британский парламент

М а й о р Т а ф т о н. Какие меры мы предпринимаем, чтобы прекратить нелегальную иммиграцию в Палестину?

М и с т е р М а к н и л, з а м е с т и т е л ь м и н и с т р а и н о- с т р а н н ы х д е л В е л и к о б р и т а н и и. Этого мы сказать не можем, так как огласка уменьшит их эффективность. Но могу заверить, что это меры энергичные, масштабные и разные по характеру.

М а й о р Т а ф т о н. Вы можете утверждать, что они эффективны?

М и с т е р М а к н и л. В определенной степени.

М и с т е р Н а т т и н г. Вы можете сказать, какой смысл просить другие страны, например Италию, остановить эмиграцию, коль скоро вы не просите беженские организации прекратить ее поддержку? <…> Ведь совершенно очевидно, что итальянцам эти евреи не нужны, а если их там бросят, то вы не можете не понимать, что итальянцы будут весьма склонны от них отделаться.

Джура

Джордж Оруэлл снова болен. Уже три дня лежит в постели, а когда встает, его шатает от слабости.

Белый дом на большой вересковой пустоши у бесконечного океана состоит из четырех маленьких спален и просторной кухни. Джордж Оруэлл пишет при свете фонарей «летучая мышь», одну за другой курит самокрутки из черного табака, отчего комнаты наполняются вредным серым дымом. Он нездоров, но к врачам не обращается, чтобы ему не поставили диагноз. Когда-то он был разъездным корреспондентом и репортером, теперь же его связывает с остальным миром лишь батарейный радиоприемник.

Непромокаемый плащ, тишина, тревога в глазах.

Его сестра Аврил приезжает на Джуру, берет на себя заботы о

мальчике, чтобы Оруэлл мог работать над своей книгой. Двеннадцатого мая тихо и жарко. Предгрозовая погода. Цветут дикие вишни.

Нью-Йорк

Билли Холидей тридцать два года, она на вершине карьеры. Выросшая в Балтиморе, изнасилованная, скитавшаяся по детским приютам, в четырнадцать лет арестованная за проституцию, теперь она зарабатывает пением около 1000 долларов в неделю.

Второй год подряд она занимает второе место в списке фаворитов джазового журнала «Даун-бит». Успех ведет ее из клуба в клуб, от сцены к сцене, в верхние строчки списков популярности, одного за другим. Билли Холидей повсюду. У нее есть любовник, агент и собака по кличке Мистер. А еще алкоголь, деньги и зависимость. Агент пытается положить конец зависимости — в феврале он помещал ее в наркологическую клинику, — но уже через несколько недель все началось сначала. В Голливуде, во время съемок «Нового Орлеана», ее любовник Джо Гай привозит ей дозы из Нью-Йорка. Почти все, что она зарабатывает, уходит на героин.

Двадцать четвертого мая она выступает в нью-йоркском Карнеги-Холле, второй раз в этом году. Публике нравится, как она поет «There is no greater love». А четыре дня спустя она стоит перед судьей как обвиняемая в хранении наркотиков, после полицейского обыска в ее квартире. Процесс носит название «The United States of America versus Billie Holiday»[31], так она это и ощущает. Адвоката у нее нет, она очень устала, страдает от ломки и обезвоживания. Признает себя виновной. Двадцать восьмого мая ее приговаривают к году тюрьмы.

Каир

На начальном этапе, кроме отца Хасана аль-Банны, часовщика, о его ассоциации, о «Братьях-мусульманах», мало кто знает.

Кодовых слов два. Одно привычно и всем хорошо известно: *умма*. Все мусульмане объединены в универсум, где нет ни расизма, ни угнетения. Сообщество выходит за географические и национальные пределы, не проводит различий между людьми. В сердце и в душе существуют узы веры, связующие всех мусульман. Ислам, по мысли сына часовщика, это и родина, и

национальность.

Второе кодовое слово было погружено в тысячелетний сон и забыто: *джихад*.

Движение Хасана аль-Банны изначально ставит перед собой две параллельные цели — работу социальную и работу политическую. Благожелательность и благотворительность — идеалы одной, национальная независимость и исламское государство — цель второй.

Но растущее число иммигрантов-евреев в Палестине заставляет сына часовщика устремить взгляд за пределы угнетенного Египта. Хасан аль-Банна не сомневается, что евреи ненавидят ислам и каждый мусульманин, независимо от возраста и пола, должен противодействовать еврейским заговорам и ненависти. Джихад входит в обычай. Цель — уничтожать угнетение, где бы оно ни возникало, освобождать угнетенных от угнетателей.

Один из тех, кого уже на раннем этапе посвящают в священные задачи «Братьев-мусульман», — это хаджи Амин аль-Хусейни, человек, занимающий религиозный пост верховного муфтия Иерусалима, политический лидер палестинских арабов.

В нацистской Германии верховный муфтий был избран почетным арийцем, и солдаты Гитлера читали его сочинения о внутреннем враге, которого надлежит истреблять. Аль-Хусейни завербовал в СС как минимум 20 000 боснийских мусульман. С 1941 по 1945 год он жил в Берлине, встречался со своим другом Гитлером и обсуждал с ним свой план разрешить проблему с евреями на Ближнем Востоке таким же образом, как в Европе.

Гитлер симпатизировал его замыслам, соглашался. Придет время, и верховный муфтий развяжет борьбу арабов против тех, кто под подкровительством англичан занял арабское жизненное пространство. Однако Гитлер полагал, что время еще не пришло. Верховный муфтий может подождать? Вероятно, потом они вместе пили лимонад. После встречи хаджи Амин аль-Хусейни ровным, красивым почерком записал в дневнике, на бумаге в клеточку, что́ сказал его друг: «Я знаю историю твоей жизни. С интересом следил твой долгий и опасный путь. Очень за тебя тревожился. И рад, что теперь ты с нами и достиг такого положения, где твоя сила может содействовать борьбе за наше общее лучшее будущее».

В ходе четырех берлинских лет хаджи Амин аль-Хусейни регулярно участвовал в немецких коротковолновых передачах для арабскоязычного мира, выступая своего рода исламским переводчиком-синхронистом, который твердил одну только фразу: «Евреи — это враг». В 1943-м он заявил, что немцы нашли

окончательное решение еврейского вопроса. Гитлеровский министр пропаганды Геббельс называл такие радиопередачи «наш дальнобойный пистолет в эфире».

Но все было очень непросто. Верховный муфтий знал, что нацисты и сами способствовали иммиграции немецких евреев в Палестину. По так называемому соглашению Хаавара[32] в 1933–1941 годах 60 000 евреев получили разрешение выехать в Палестину. Судя по всему, это было выгодно и сионистам, и нацистам: евреи спасались от гонений, в Палестине росло еврейское население, а нацисты имели экономические преимущества благодаря принудительному экспорту немецких товаров. Хаджи Амин аль-Хусейни проклинал то и другое. Правда, в годы войны его связь с нацистами укрепилась. Он писал письма Гиммлеру и Риббентропу, напоминая об их обещаниях, о заверениях, что сообща они победят, и всякий раз просил разбомбить евреев в Тель-Авиве и в Иерусалиме.

Хаджи Амин аль-Хусейни получал от нацистской Германии как идеологическую, так и экономическую помощь и часть средств передавал своему другу Хасану аль-Банне.

Однако меж друзьями есть и различия. Когда война кончилась поражением нацистов и фашистов, Хасан аль-Банна исходит из того, что побеждена и сама идея еврейского государства. Коль скоро преследования евреев прекратились, то никакой поддержки их национальному государству просто уже не будет. В 1945-м он предлагает союзникам конфисковать ресурсы нацистов и распределить их среди оставшихся евреев. Таким образом справедливость восторжествует вдвойне, преступники понесут наказание, а жертвы получат компенсацию. Что же до бездомных евреев в Европе, то их надо отправить в Австралию. Или же пусть каждая десятая семья в Америке примет еврея-беженца, тогда проблемы тысяч евреев будут решены.

Нью-Йорк

Между тем время делает шаг в новом направлении, от одного мыслимого будущего к другому. Несколько тщательно выбранных слов, особый момент, секретная записка. Непредсказуемый вывод — и все резко меняется.

Вестником выступает 14 мая Андрей Громыко, советский представитель в ООН. Его слова молниями вспыхивают во тьме большой политики, когда он сообщает о новом взгляде Советского Союза на будущее Палестины.

Ранее советская политика исходила из ленинско-сталинской

теории, что евреи не удовлетворяют критериям, необходимым для создания нации, что сионистское движение — буржуазный прихвостень на службе империализма, порождение лишенных корней евреев-космополитов. Но теперь.

«Непреложный факт», что еврейский народ имеет в Палестине «исторические корни». Ни о каком «одностороннем решении», не принимающем во внимание «законные права еврейского народа», не может быть и речи.

«Ни одно государство в Западной Европе не оказалось в состоянии предоставить должную помощь еврейскому народу в защите его прав и самого его существования от насилия со стороны гитлеровцев и их союзников. Это обстоятельство <…> объясняет стремление евреев к созданию своего государства. Было бы несправедливо… отрицать право еврейского народа на осуществление такого стремления. Отрицание такого права за еврейским народом нельзя оправдать, учитывая все то, что он пережил за Вторую мировую войну».

Никто не ожидает таких слов. Им нет объяснения. Возможно, Советский Союз хочет убрать Великобританию с Ближнего Востока, чтобы усилить там собственное влияние. Возможно, есть и внутриполитические мотивы. Но как бы то ни было, все меняется. Отныне сегодняшний день озарен новым будущим, осиян новым светом. Тени тоже меняют форму.

Варшава

Тепло проникает в городские подвалы, отверстые, без крыш, распахнутые бомбами и рухнувшими домами. В войну люди не имели времени как следует похоронить трупы, слишком много их было, четверть миллиона убитых в одном-единственном городе. Теперь неглубокие могилы оказались никуда не годными. Этой весной Варшава смердит трупами.

Париж

Перелет из Нью-Йорка во Францию занимает 24 часа. Когда Симона де Бовуар возвращается в свой Париж, она находит город скучным и неприветливым. Сбегает оттуда в пансион подле Версаля, чтобы отдыхать, работать, гулять и думать о Нельсоне Альгрене.

Восемнадцатого мая она пишет ему подаренной им авторучкой с красными чернилами, на пальце у нее серебряное

кольцо. Раньше она никогда не носила колец. Заметив кольцо, парижские друзья удивляются, находят его очень красивым.

Симона пишет, как она тоскует по Нельсону. По его губам, его рукам, его горячему, сильному телу, его лицу и улыбке. И тоска оборачивается блаженством, ведь ее сила доказывает, что он не сновидение. Он вправду есть, он существует, и они встретятся вновь.

«Я твоя жена навеки».

Нью-Йорк

Великобритания обращается к ООН с призывом, Генеральный секретарь Трюгве Ли оглашает его на заседании Ассамблеи. Не будут ли все страны-члены любезны пресечь поток беженцев в Палестину?

С 1939 года в Палестину переселились 97 000 евреев. Сейчас законная квота иммиграции составляет 18 000 в год, но только за последние месяцы были задержаны 15 000 беженцев, пытавшихся пробраться туда через Средиземное море.

Не позволяйте им транзит через вашу территорию, не пропускайте их через границу, не выпускайте из портов их суда. Спасибо.

Июнь

Джура

Легкая дымка над той частью острова, где живет Джордж Оруэлл. Море совершенно спокойно. Он записывает температуру воздуха и состояние моря, день за днем. Напоминает себе купить бензин для генератора и заказать к следующей весне саженцы фруктовых деревьев и тюльпанные луковицы. Ничто в его будничных записях не указывает, кто он и о чем думает. Ничто не указывает, что он вообще пишет книгу.

Иной раз он убивает гадюку. Их в окрестностях тьма-тьмущая. Друзьям Оруэлл охотно рассказывает о лечении с помощью сигар, на случай если кого-нибудь укусит гадюка: надо просто раскурить сигару и прижечь ею место укуса. Никто не верит, что он сам так поступит.

Будапешт

Постороннего Будапешт приводит в полное замешательство. Каждая встреча дает новую, противоречивую версию реальности. Никто не рассказывает одинаковых историй. Бытие взорвалось.

Часть людей живет в постоянном страхе перед тайной полицией, которая может нагрянуть в любую минуту и силой их увести. Друзья и соседи пропали. Никто не вернется, повторяют они. Другие полагают, что у страха глаза велики, что коммунисты такие же, как русские, добрые и симпатичные, а кто утверждает иное, тот «реакционер». Кто-то подсчитал, что число политических узников в стране достигает 15 000–20 000, тогда как коммунистический лидер Матьяш Ракоши заявляет, что их, вероятно, всего несколько сотен. Но политическое беспокойство, конечно же, имеет место, признаёт господин Ракоши. Многие венгры встревожены ослаблением позиций церкви и отменой уроков религии в школах. С другой стороны, очень даже хорошо, что собственность церкви национализирована, поскольку раньше служители церкви слишком уж много времени уделяли сельскому хозяйству. Венгерская аристократия покинула страну или влачит смиренное существование, занимаясь простой работой и продавая на улицах свои вещи.

Средний класс мало-помалу переходит к пролетарскому образу жизни, сообщает 3 июня некий журналист, специально

направленный в Венгрию газетой «Сидней морнинг геральд». Многие по неведомым причинам занесены в черные списки, и им очень трудно найти работу. Попрошаек больше, чем когда-либо; инвалиды войны, бывшие солдаты, не получающие никакой пенсии, заполонили Будапешт, ковыляют повсюду, шепотом просят о помощи. Русские грузовики с громкоговорителями передают советские марши. Мимоездом вонь дизельных выхлопов, грязь и страх. По улицам шагают на принудительные работы политические узники, в том числе женщины и дети.

Всем жителям Будапешта предписано десять дней в году отработать на очистке города от мусора и развалин, но тот, кто имеет деньги, откупается. Товары в магазинах есть, ночью работает уличное освещение, люди ходят в театры и кафе, покупают новые шляпы, едят пирожные с абрикосовым джемом и сливками — и все твердят одно и то же, как мантру, как заклинание: «О, будь у нас средства на такую жизнь!»

Где-то здесь мой отец.

Араб-аль-Зубайд

Уже сейчас существует предел. Хамде Джома дарит подарки своим еврейским друзьям, но они никогда вместе не играют. Такова жизнь. И хотя от каждой тропинки, ведущей вниз с галилейских гор, может ответвиться новая, большинство людей ходят по тем, что уже проложены.

В соседней деревне живет Фифа Хадеве, ее еврейская сестра, которая умеет читать и писать. Хамде и Фифа в самом деле похожи как сестры, как «кровные сестры», говорят они друг дружке, и обе одинаково красивы. Фифа уверенный ездок. Едва лишь какой-нибудь мужчина норовит подойти ближе, она бежит к мотоциклу, велосипеду или лошади — все равно, что найдется рядом. Своей сестре Хамде она говорит, чтобы та нашла себе хорошего мужа, не выходила за первого встречного.

«По крайней мере найди такого, что хотя бы читать умеет. Даже если он беден, тебя он сделает богатой. А выберешь сегодня мужа за внешность, завтра будешь страдать».

Когда у Хамде умирает мать, Фифа приходит, присматривает, чтобы Хамде и ее семья все сделали как надо, чтобы всего хватило — и турецкого гороха, и бобов. И чтобы все осталось по-прежнему, не надо ничего менять.

Как-то раз Фифа рассказывает, что Господь послал ей жениха. Отец у него англичанин, а мать еврейка, и живет он в Хайфе. Может, Хамде съездит с ней в Хайфу посмотреть, годится ли он?

Хамде охотно соглашается и спрашивает разрешения у отца. Он говорит «нет». Пусть они кровные сестры, близкие подруги, обе красавицы и все такое, но всему есть предел, и они его достигли.

Кембридж, Массачусетс

В Греции страшная гражданская война уносит жизни, одну за другой. Февральское решение Великобритании прекратить помощь истерзанной стране вызывает усиленную активность американцев. После войны Великобритания, чтобы предотвратить советское вторжение, поддерживала Иран, Турцию и Грецию. Теперь президент Гарри Трумэн решает занять место англичан, иначе эти страны станут уязвимы и могут попасть в железные объятия Сталина.

Всего через три недели после февральского решения британцев Трумэн излагает Конгрессу свою доктрину: Америка берет на себя ответственность за весь мир.

Товарищ Сталин и его идеология встретят жесточайшее возможное сопротивление. Коммунизм необходимо побороть. Может ли конгресс ассигновать 400 миллионов долларов для Греции и Турции?

Одно тянет за собой другое. За доктриной Трумэна следуют ожесточенные дебаты, и у государственного секретаря Маршалла возникает идея. 5 июня он выступает в Гарвардском университете, и земной шар вновь поворачивается еще на градус в направлении будущего, которое мы зовем настоящим.

«Правда в том, что на следующие три или четыре года потребности Европы в иностранном продовольствии и других важнейших продуктах — в основном из Америки — настолько превышают ее нынешнюю платежную способность, что ей нужно оказать значительную дополнительную помощь, или она столкнется с очень серьезным обострением ситуации в экономической, социальной и политической областях»[33].

Он предлагает Америке предоставить Европе помощь в размере 17 миллиардов долларов, которые на протяжении четырех лет будут инвестированы в восемнадцать стран. США разом получат совершенно новую внешнеполитическую ситуацию, а Европа — возможность перевести дух после военных тягот. Когда Советский Союз запрещает странам Восточной Европы участвовать в плане Маршалла, трещина между Востоком и Западом расширяется до пропасти.

С 21 февраля до 5 июня: эффект домино в большой политике, достигнутый за двенадцать недель.

София

Пока государственный секретарь Джордж К. Маршалл произносит свою речь, антикоммунистического лидера Николу Петкова арестуют прямо в болгарском парламенте. Его обвиняют в шпионаже, подвергают пыткам и приговаривают к смерти через повешение.

Каир

В тот же день в Каире встречаются лидеры Лиги арабских государств — верховный муфтий, а также главы Сирии, Трансиордании, Ливана, Ирака и Египта. Некоторые движения раздувают конфликт вокруг Палестины. Верховный муфтий хаджи Амин аль-Хусейни, лидер палестинских арабов, настроен категорически против евреев. Его поддерживают Сирия и Ирак, тогда как Египет и Трансиордания готовы к компромиссам. Одни различают евреев и сионистов, другие нет. Идут переговоры.

В первую очередь они намерены обсудить новую комиссию ООН, рабочую группу, которая должна найти решение палестинской проблемы. Как быть с этой комиссией?

Декларация Бальфура, Белая книга Черчилля[34], комиссия Вудхеда[35], Белая книга 1939 года[36], англо-американский комитет… Столько комитетов и комиссий уже изучали эту проблему и писали отчеты. Столько предлагалось проектов, столько сделано предложений о проведении границ — и как мало достигнуто. Довольно, заявляет хаджи Амин аль-Хусейни. Его линия одерживает верх.

Пятого июня Лига арабских государств постановляет не сотрудничать с ООН в решении палестинского конфликта.

Берлин

Последние два месяца достать продукты почти невозможно. Порой немцы не дотягивают даже до допустимой суточной нормы в 1550 калорий. Люди исхудали, лица, колени и щиколотки опухли. Трое берлинцев вполне умещаются в метро на двухместной лавке.

Историю детям в берлинских школах не преподают. И связано это не с дефицитом продуктов питания, а с тем, что сама история должна быть одобрена администрацией всех четырех наций-союзниц, а они никак не могут договориться. Ни в чем.

Сначала русские предлагают учебник, где подчеркиваются материалистические аспекты минувшего времени и общественные изменения объясняются экономическими и социальными обстоятельствами. Но американцы считают такую трактовку истории неприемлемой и составляют учебник, по их мнению, более широкого плана.

Одновременно французы готовят свою подборку важных событий прошлого и иллюстрируют ее репродукциями Эжена Делакруа. Французский вариант остальные союзники оценивают как шовинистский, его вообще никто не одобряет.

Британцы берутся за дело основательно и составляют два тома, настолько насыщенные деталями, что первый том добирается только до изобретения маятника.

Но американцы так легко не сдаются. Вместе с немецкими учителями истории они разрабатывают краткий учебник, включающий важные даты и события.

Вот таково положение. Историю не преподают. Еды нет.

Если уж прошлое — вопрос открытый, то и будущее столь же неясно. Куда пойдет Германия?

Одни думают, Германия примет сторону Запада по той простой причине, что многие ее обитатели по-прежнему нацисты, фанатично настроенные против коммунизма. По мнению других, она пойдет на Восток, поскольку советская система дает немцам, верящим в авторитеты, ощущение надежности. В общем-то демократия как государственный строй уже миновала свой кульминационный пункт, говорят в народе, так что, если немцы хотят быть по-прежнему сильными, им надо ставить на Советы.

Между тем есть еще одна идея, получающая все большее распространение, странная идея, о которой годом раньше никто и не помышлял, она вообще была немыслима. Но теперь ее формулируют как еще один возможный вариант: две Германии.

Многие находят эту идею абсурдной. Два немецких государства, две немецкие столицы, два немецких гражданства?

Турин

Любовь и ярость. Примо Леви двадцать восемь лет, и он работает над своим текстом то в одном настроении, то в другом, попеременно меж двумя крайностями, которые можно считать и близнецами. Начиная с января он пытался опубликовать рукопись и в шести разных издательствах получил отказ.

Сейчас в Турине почти лето. Своего рода будни. Своего рода тишина. Кому охота оглядываться назад, когда воспоминания

причиняют столько боли, что было, то было, и постоянные разговоры не загладят уже совершённые кошмары, верно? Большинство, кажется, именно так и считает, хотя и молчит. Оставить прошлое, идти дальше.

Примо Леви работает, разговаривает с сестрой, общается с друзьями, пишет своей Лючии любовные стихи, но не сдается. Особенно его огорчает отказ престижного издательства «Эйнауди». И теперь он перерабатывает текст, ищет новые пути напечатать свое свидетельство, свою книгу, и обдумывает название. Неожиданно у него образуются свободные деньги, он отставляет велосипед и покупает мотороллер — «Ламбретту». И отмечает новую свободу поездкой во Францию, где вновь встречается со своим другом Жаном Самюэлем.

Рассказывает ли Примо Леви, что оно закончено, описание времени, когда они были рабами в Освенциме? Печатать его, конечно, никто не хочет, но он ведь все равно рассказывает Жану о той главе, что родилась из их плена и дружбы? Да, рассказывает.

Жан — в книге его зовут Пиколо — тоже все помнит, только иначе, может назвать те же детали, но под другим углом зрения. Он придает особую важность их первой встрече, среди страха погибнуть от бомбежки, когда они открываются друг другу в разговоре о своих матерях. Воспоминания у Жана не такие, как у Примо, но это не играет роли. Он слушает, не говоря ни слова.

Рассказ о двух молодых парнях, узниках концлагеря в Польше — сердце неопубликованной книги. Больное место. Это человек? Вопрос вмещает не только низведение жертвы до просто жертвы, но и низведение преступника до просто палача.

Вспомни июньский день под польским небом. Вспомни насилие, вспомни его внезапную отсрочку. Примо и Пиколо должны отнести суп остальным в рабочей команде и идут кружным путем, чтобы немного затянуть время, глотнуть чуть больше воздуха, вспомнить, что существует то, что зовется свободой, хотя бы и на десять минут. Земля пахнет краской и смолой, и Примо Леви вдруг вспоминает песчаные пляжи детства, а затем приходят слова, строки из «Божественной комедии» Данте, остатки гимназических познаний. Он объясняет терпеливому Пиколо, кто такой Данте, что такое «Комедия», из чего состоит «Ад», и его охватывает горячка. Он словно впервые слышит эти слова, в крещендо фрагментов памяти, ему кажется, он вот-вот сумеет вполне объяснить природу человека, его историю и способность к добру и злу.

«Послушай, Пиколо, открой уши и чувства, мне важно, чтобы ты понял».

Почему он вспоминает именно песнь об Одиссее, ему и самому толком непонятно. Но в этот миг поэт Данте встречается с лагерем смерти Освенцимом — одно из сложнейших поэтических творений человечества соединяется в душе молодого Примо Леви с одной из изощреннейших мерзостей человечества. А сам он — переломный пункт, цивилизация и беглец, пересекающий собственный след.

Нью-Йорк

Если это человек, то каков же тогда человек? Такой вопрос стоит и здесь, перед Элеонорой Рузвельт и ее рабочей группой в Лейк-Саксесс.

Девятого июня погода в округе Нассо, штат Нью-Йорк, мягкая, теплая и безоблачная. Одному из членов рабочей группы по правам человека была поставлена сверхчеловеческая задача сравнить всю древнюю мудрость и идеи последних двух столетий касательно ценности и достоинства человека, и теперь он предъявляет четырехсотстраничный документ. Восемнадцать представителей от шестнадцати стран должны выжать несколько капель истины из тысяч идей, уже экстрагированных из ранних источников. Слово, которое звездой сияет над уже проделанным и грядущим трудом и ведет их вперед, — это «универсальность».

Философ-конфуцианец Мэн-цзы цитируется ради формулировки, которой уже две тысячи лет: «Самое ценное в стране — народ, затем следует власть, а наименьшую ценность имеет правитель»[37].

Обращаются и к индуистским философам и их опальным, вольным, как птицы, идеям: свобода от насилия, от алчности, от эксплуатации, от унижения, ранней смерти и болезни, отсутствие нетерпимости, страха и отчаяния. Птицы, что редко слетают на землю.

Осло

Десятого июня Скандинавский страховой конгресс постановляет как можно скорее ввести новое форс-мажорное предписание: ущерб, нанесенный атомными бомбами, не возмещается.

Иерусалим

Представители ООН, которым поручено найти решение палестинского конфликта, регистрируются 14 июня в иерусалимском отеле «Кадима-хаус». Город выглядит как военный лагерь, всюду войска, баррикады и колючая проволока. Коль скоро комиссия на месте, британцы категорически не намерены терпеть ни нелегальную еврейскую иммиграцию, ни антибританский террор «Иргун»[38] и «Лиги Штерна»[39].

Политика вокруг комиссии ООН весьма запутанна и щекотлива. Британцы выказывают к ней безразличие, граничащее с враждебностью. Арабские страны, судя по всему, стоят единым фронтом в резкой оппозиции. Сионисты делают все возможное, чтобы выдвинуть свои аргументы. Американцы делают все возможное, чтобы избежать открытого участия: каковы бы ни были выводы комиссии, США не желают упреков в свой адрес.

Комиссия собирается 16 июня. Ее встречают листовками, памфлетами и газетными статьями — полное неприятие. Верховный муфтий и Высший мусульманский совет направляют Генеральному секретарю ООН телеграмму с официальным уведомлением, что палестинцы сотрудничать не станут.

В газетах напечатано заявление, черным по белому, совершенно недвусмысленно: Палестина принадлежит арабам по самоочевидному естественному праву. Не требуется никакой комиссии ООН, нужно лишь признать этот факт. Если данное заявление останется непонятым, будет объявлена всеобщая забастовка. Все предприятия, кафе, кинотеатры, школы, автобусы, такси и поезда прекратят работу. Ни одному человеку или группе не дозволено давать информацию комиссии ООН. Арабам запрещено писать в комиссию или участвовать в публичных или тайных ее заседаниях. Высший мусульманский совет завершает свое обращение к населению шестым — и последним — пунктом: все протесты должны происходить с большим уважением и в гармонии с арабскими традициями и национальным достоинством.

В 13:30 этого второго дня пребывания в Палестине председатель комиссии ООН Эмиль Сандстрём выступает по радио. Он подчеркивает, что комиссия не имеет никаких предвзятых мнений, ничто не определено заранее, участники готовы без предубеждения принять к сведению любые точки зрения и что он лично желает только сотрудничества с палестинским руководством. Комиссия будет рада всем, кто захочет написать, дать информацию или иным способом завязать с нею контакт. Передача ведется по-английски, и ее можно услышать по всей Палестине. Но кто слушает?

Симона де Бовуар называет Нельсона Альгрена Крокодилом за его веселую зубастую улыбку, а он ее — Французской Лягушкой.

Двадцать четвертого июня де Бовуар покидает свою сельскую идиллию под Версалем и возвращается в Париж. Ночи она проводит во хмелю в случайных клубах, которые зовет пещерами; интеллектуалы следуют там негласной, но установившейся привычке: ровно в одиннадцать подходят на некой особенной улице к некой двери, за которой обыкновенно расположено кафе. Ночью будничная реальность преображается в нечто секретное, почти незаконное. За деревянными дверьми, которые открывают мистические женщины, прячутся лестницы, ведущие в погребки с красными коврами, глубокими креслами, джазовой музыкой, баром, фортепиано. Художники из Сен-Жермен-де-Пре танцуют и все больше пьянеют. Многие зримо заявляют о своих политических взглядах нарукавными повязками, атмосфера зачастую мало-помалу накаляется, и часам к трем фашисты начинают драку с коммунистами, а их девушки между тем зевают. Другие же блюют в углу или засыпают прямо на полу. Когда коммунисты уходят, битву продолжают экзистенциалисты.

Нельсону Альгрену от этих описаний ночной жизни, красивых молодых мужчин и женщин, поэтов и актеров, становится не по себе, ведь, может статься, она проводит ночи с другими. Де Бовуар сердится, но успокаивает его любовью.

«Писать тебе — все равно что целовать тебя. Это нечто плотское. Я ощущаю свою любовь к тебе в руках, когда пишу, и так приятно, что любовь живет в плоти, а не только в голове. Письмо доставляет не такое наслаждение, как поцелуй, оно, пожалуй, суховато, чувствуешь одиночество и скуку, но все же это лучше, чем ничего, ведь выбора у меня нет».

Сам Альгрен — любитель покера и скачек. Он пьет бурбон и изображает в своих романах и новеллах тот мир, который знает лучше всего; они полнятся пьянством, сутенерами, наркоманами, мужчинами, которые дерутся за деньги, продажными политиками и хулиганами. Он на пороге самого успешного периода своей жизни. Через несколько лет он напишет роман «Человек с золотой рукой», а затем «Прогулку по джунглям». Будет награжден премиями, его книги будут экранизированы, он добьется успеха.

Вырос Альгрен в Чикаго, отец-швед перешел в иудаизм, мать — немецкая еврейка, сам он называет себя шведоевреем. Симона де Бовуар планирует поездку в Швецию вместе с Жан-Полем Сартром и спрашивает, не может ли Нельсон рассказать что-

нибудь о родине своего отца. Нет, он почти ничего не знает ни о Швеции, ни о еврействе. И в свою очередь спрашивает, не вернется ли она в США, к нему. Да. Когда? Скоро.

Всякий раз, когда она видит над Парижем плавно снижающийся самолет, она думает о Нельсоне в Чикаго. И когда не видит самолетов, тоже думает о нем.

Палестина

Ходят слухи. Говорят, что комиссия ООН уже приняла решение в пользу раздела, что члены ее, собственно говоря, изначально были за предложение сионистов, что американцы выбрали их именно по этой причине.

Правда? Ложь? Конечно, предвзятые мнения в комиссии существуют. Индийский и иранский представители как будто бы поддерживают дело арабов — что окажется правдой. Из латиноамериканских представителей двое склонны поддержать еврейское государство — уругваец, поскольку верит в сионистскую идею, и гватемалец, поскольку желает нанести британцам как можно больший ущерб.

Перуанский представитель не одобряет предвзятых мнений, но в дальнейшем отойдет от линии своего правительства, которое поддерживает идею еврейского государства. Югослав принципиально выступает против раздела — иная позиция могла бы дать импульс расколу югославского государства, ведь ему постоянно угрожают сепаратистские притязания разных группировок.

Чехословацкий представитель испытывает сомнения, хотя и принадлежит к близкому окружению министра иностранных дел, всем сердцем поддерживающего идею еврейского государства. Остальные страны, входящие в комиссию, — Австралия, Канада, Швеция и Нидерланды — считаются в целом пробританскими, но как раз в этом вопросе, судя по всему, выказывают понимание как сионистских, так и арабских интересов. В Палестине не жалуют никого из них.

Швед Эмиль Сандстрём, председатель комиссии, обеспокоен арабским бойкотом. Он устраивает пресс-конференцию — палестинские журналисты не приходят. Назначает открытые заседания — из палестинского населения никто в них не участвует. Неофициально, кружным путем Сандстрём пытается связаться с верховным муфтием, но тот не желает ни встреч, ни переговоров. Даже телефонную трубку не берет.

Комиссия намерена совершить поездку по территории,

посмотреть своими глазами, встретиться с людьми на местах. Начинают они с двух мечетей, четырех синагог, одной церкви и штаб-квартиры Мусульманского совета в Иерусалиме. Затем едут в Хайфу, чтобы посетить еврея-мыловара, арабскую табачную фабрику, еврейскую текстильную фабрику и арабский нефтеперерабатывающий завод, а также гору Кармель.

В Хайфе есть также арабско-еврейские кооперативы, находящиеся в коммунальном управлении, но когда комиссия посещает их, арабские служащие отсутствуют. Бойкот. На табачной фабрике «Караман Дик» на порог не пускают ни журналистов, ни евреев-шоферов. Все ознакомительные визиты к арабам — только при условии, что участие евреев исключено. Вот так и продолжается работа Особой комиссии ООН по разрешению палестинского конфликта: в глубоком разочаровании, на грани унижения.

Двадцать первого июня в школах Беэр-Шевы: когда они заходят в классы, ни учителя, ни ученики не обращают на них внимания, продолжают урок, будто их и нет. В галилейском поселке Рами: население отсутствует, осталась лишь кучка подростков, выкрикивающих проклятия. Мэр, обещавший принять гостей, появляется очень ненадолго, и вскоре приезжим остается попросту закусить собственными бутербродами, поскольку обещанный ланч так и не состоялся.

Верховный муфтий дает понять, что любой ослушник рискует жизнью. Согласны с ним не все. Кое-кто в Лиге арабских государств считает бойкот ошибкой, которая дорого обойдется палестинскому делу. Однако муфтию никто не препятствует.

В эти безоблачные июньские дни комиссия продолжает свою поездку по арабской Палестине. Все в белых рубашках и соломенных шляпах, держатся в тени, когда она есть. Посещают больницы, школы и предприятия. Просвещение, сельское хозяйство и здравоохранение производят впечатление неполноценности и запущенности. Коллективный вывод комиссии — идея самостоятельного палестинского государства «не имеет связи с реальностью».

В точности тот же вывод, правда по иным причинам, будет сформулирован и после поездки по еврейским районам. Здесь существует развитая инфраструктура, проложены дороги и водопровод, есть квалифицированные работники и труднообъяснимый оптимизм. Придет время, когда арабы и евреи будут жить в мире, твердят сионисты, погодите, придет такое время. Их гости, представители ООН, переглядываются и снова бормочут «не имеет связи с реальностью».

Н-да, особым оптимизмом эта группа, колесящая в

автомобилях по летним палестинским дорогам, не отличается. Черные, как жуки, автомобили блестят в пустыне на дороге, которая бежит то вверх, то вниз по холмам. Черные, словно насекомые среди зноя.

«Расовая враждебность слишком сильна, — записывает австралиец и подытоживает: — Ситуация опасна и решения не имеет».

Нью-Йорк

Чарли «Бёрд» Паркер и Джон Бёркс «Диззи» Гиллеспи прославились, ездят в европейские турне, играют в Карнеги-Холле, и все такое. Телониус Монк живет на гроши и без кредитов под свои композиции. Он слышит свои мелодии по радио, *sure thing*[40]. И «I mean you», и «Bean and the boys» популярны, но исполняет их Коулмен Хокинс. Мелодии Монка, но слава не его. Дохода нет. Другие, скажет он позднее, толкутся рядом, копируют его гармонии, приходят со своими нотами и просят совета, а он сам даже в концертах не выступает.

«Иной раз меня даже не пускали в „Бёрдленд“. Представьте себе: быть музыкантом, слышать, как исполняют твои собственные композиции, но не иметь права даже войти!»

Настало новое время, рожденное из жестокости войны, в тени опасного мира. Музыка дисгармонична, ритмична и атональна. Манхэттенским клубам несть числа, они открываются и закрываются так быстро, что не уследишь, мелодии Монка плывут в дымном ночном воздухе. Но сам он зарабатывает на жизнь как пианист в чужих джаз-бэндах или как учитель. Один из его учеников — семнадцатилетний тенор-саксофонист Теодор Роллинс, по прозвищу Сонни, каждый день после школы он приходит к Монку домой, на урок.

Билл Готлиб, журналист из джазового журнала «Даун-бит», замечает, что Бёрд и Диззи в каждом интервью говорят о Телониусе Монке как вдохновителе и образце, и в нем просыпается любопытство. Он едет в Нью-Йорк, чтобы разыскать человека, которого великие считают более великим, чем они сами, и которого он вскоре провозгласит Джорджем Вашингтоном бибопа.

Лондон

Слова «черная пропаганда» вороном летают от одного

британского чиновника к другому. Министерство иностранных дел обдумывает анонимную кампанию, чтобы успокоить беженцев, настроенных поскорее уехать в Палестину, но отказывается от своей затеи еще прежде, чем она обретает форму. Это не выход. Тут ничем не поможешь. Что вообще можно поделать, если беженцы хотят только одного — покинуть Европу, место убийств, и отправиться в США или хоть в Великобританию, но ни США, ни Великобритания не намерены их впускать?

Британский премьер-министр Эрнест Бевин нисколько не сомневается, что сионисты тайком провозят беженцев, чтобы воздействовать на щекотливую ситуацию в Палестине. Положение серьезное. Все попытки евреев нелегально пробраться в страну необходимо пресекать. Поэтому он пишет неофициальное письмо министрам иностранных дел нескольких европейских стран и просит о помощи.

Датское правительство отвечает быстро и сообщает, что запретило двум подозрительным судам покидать страну. Достойный пример и превосходное свидетельство дружеской лояльности, восклицают британцы и немедля рассылают сведения о чрезвычайных акциях датчан в Париж, Брюссель, Гаагу, Стокгольм, Афины, Лиссабон, Рим, Белград и Бухарест.

В Швеции британские дипломаты встречаются с чиновниками шведского правительства. Ёста Энгцелль, советник министерства иностранных дел Швеции и глава юридического департамента, выражает опасение — «*he rather fears*», — что многие евреи в британской зоне Германии только и ждут оказии выехать в Швецию. Швеция, конечно, имеет законное право отказать им во въезде, говорит Энгцелль, но реакция шведского народа будет настолько мощной, что выслать их назад, в Германию, окажется невозможно. Не может ли британская администрация в Германии удержать евреев от пересечения шведской границы?

Буэнос-Айрес

Учрежден журнал «Дер вег» («Путь»). Адрес редакции — Суйпача, 156, самый обыкновенный дом в солидном районе, на той же улице, что и шведское посольство, только вот на двери нет таблички, чтобы не привлекать внимание. Здесь подготовлен первый номер ежемесячника, который станет связующим звеном между нацистами Латинской Америки и Европы. Распространяться он будет среди как минимум 16 000 немцев и 2500 подписчиков в Южной Африке.

Редактор журнала — Эберхард Фрич, уроженец Аргентины,

убежденный нацист. Издатель — «Дюрер-ферлаг», печатающий множество нацистских авторов. Сотрудники бойко снуют меж аргентинским президентским дворцом и отдаленными кроличьими фермами.

Находящийся в розыске Адольф Эйхман войдет в сокровенный круг немецкой колонии через несколько лет, когда Эберхард Фрич и его сотрудник Виллем Сассен надумают записать его мемуары. Чтобы собрать материал, они запишут на пленку многочасовые беседы с Эйхманом, происходившие в присутствии особо избранной публики. Но в свет мемуары так и не выйдут. Эберхард Фрич и Виллем Сассен хотят видеть свою идеологию реабилитированной, избавленной от обвинений в массовых убийствах и звериной жестокости, но разговоры с Эйхманом не оправдывают их надежд. Проект утрачивает блеск и визионерство, когда Эйхман фактически подтверждает число уничтоженных евреев, даже злится, что не удалось истребить еще больше, и позднее эти магнитные пленки станут решающей уликой на процессе против него. Но все это в будущем, которое еще не наступило.

Каскадные горы

Все это обернется огромным летающим недоразумением. Пилот Кеннет Арнолд ни разу не утверждает, что они выглядят как блюдца. Он говорит, что они двигаются как блюдца, брошенные по воде. Но кто бросает блюдца по воде?

Двадцать четвертое июня, на часах самое начало четвертого. Вершины гор покрыты снегом. Небо озаряет вспышка. Девять аппаратов пролетают в поле зрения Кеннета Арнолда, словно птичий караван, восемь полукруглых объектов, ведомых девятым, серповидным. Что правда, то правда, на блюдца они совершенно непохожи.

Тишина. Направление на север. Исчезли.

Нью-Йорк

Рафаэль Лемкин решает бросить все, кроме борьбы за то, чтобы геноцид законодательно признали международным преступлением. Разочарование после первого нюрнбергского приговора и мучительное сознание, что его мать, отец и бóльшая часть родственников убиты, сливаются в одну-единственную силу: остановить мировое зло. Для этого ему нужна ООН. Итак,

он оставляет работу в Вашингтоне, отказывается от годового дохода в 7500 долларов и переезжает в грязную съемную комнату на 102-й улице в Манхэттене.

Поскольку постоянной работы у него теперь нет, то нет и денег. Потрепанная одежда, залатанные дыры и беспрестанная борьба за то, чтобы оплатить поездки, письма и жилье, — таковы его будни. Вскоре он занимает деньги у вашингтонских друзей, чтобы отдать долги друзьям в Нью-Йорке. Ему стыдно, но выбора нет. Очень скоро друзей становится меньше.

ООН все еще организация новая, непривычная для себя самой и пока что не утонула в формальностях и регламентах. Лемкин проникает в систему, хотя и не представляет никакую нацию. Если он сумеет убедить хотя бы одну страну поддержать резолюцию ООН о признании геноцида международным преступлением, за нею последуют и другие. Он начинает в одиночку обрабатывать каждого, кто, по его мнению, может иметь влияние в этом вопросе.

Делегаты ООН испытывают чувство вины — ему оно тоже знакомо — перед многими миллионами убитых. Вина становится козырем Лемкина, и он пускает его в ход. Выигрывает поддержку и подписи, пользуется им, покуда возможно, во благо человечества.

Панама и Куба — первые страны, поддерживающие его предложение. Затем Лемкину удается привлечь на свою сторону индийскую делегацию. Тогда он берется за журналистов. Каждый день посещает журналистские офисы ООН, дает подсказки, информацию, подробные примеры геноцида. Пока что такие деяния не включены в разряд преступлений, пока что возможно понести наказание за убийство одного человека, но избежать наказания за убийство многих людей. Вскоре журналисты норовят сбежать, едва завидев в коридорах Лемкина с его потертым портфелем, где вместе с газетными вырезками лежат бутерброды. Седой мужчина, в двубортном костюме и изношенных, но вычищенных ботинках.

Рафаэль Лемкин, неофициальный лоббист. Всегда один и всегда готов свести любой разговор к теме геноцида. Он неглуп и прекрасно понимает, что его одержимость мешает порядку. В конце концов, знакомясь с кем-нибудь, он представляется так: «Я чумовой Лемкин». Но это не имеет значения. Главное — попытаться остановить мировое зло, все прочее значения не имеет.

В борьбе за признание геноцида преступлением особенно поддерживают Лемкина женские организации, участвующие в движении за мир во всем мире. Они стараются повлиять на

ооновских делегатов своих стран, и уже вскоре Лемкин располагает бóльшим числом подписей. В мае Генеральный секретарь ООН Трюгве Ли предложил Рафаэлю Лемкину вместе с двумя другими юристами подготовить проект конвенции о геноциде. Сейчас, 26 июня, работа закончена. Документ передан в ООН. С одной стороны, Лемкин чует победу. С другой же — его удел отчаяние, одиночество и бедность, и это тоже правда.

Орегон

Новость о неопознанных летающих объектах распространяется повсюду. Уже более тысячи людей официально подтвердили наблюдения пилота Кеннета Арнолда. Самое что ни на есть будничное слово — блюдце — внезапно приобретает некий атмосферный, пугающий и совершенно странный смысл.

Когда Арнолд заходит в кафе в Орегоне, какая-то женщина, показывая на него пальцем, кричит, что этот человек видел инопланетян. Она плачет. Как ей теперь защитить своих детей?

Он огорчен и доверительно беседует с еще одним репортером. Пожалуй, эта история вышла из-под контроля.

Париж

Двадцать восьмого июня Симона де Бовуар начинает работу над «Вторым полом».

Мюнхен

Июнь бывает теплым, как кожа ребенка, но эти дни отлиты из стали. Грянула холодная война, и американцам, чтобы одолеть врага, срочно требуются антикоммунисты.

Николаус «Клаус» Барби — он же Клаус Альтман, Клаус Беккер, Хайнц Беккер, Клаус Беренс, Хайнц Беренс, Клаус Шпир, Эрнст Хольцер — больше не желает сотрудничать с британской разведкой, отдает себя в руки 66-й разведбригады американской Службы контрразведки (Си-ай-си). Его эсэсовская татуировка выжжена как вытесненная память.

Лионский мясник. Виновен в изнасилованиях, пытках, убийствах и депортации, организатор медленной смерти и огромных мучений. Ответствен за депортацию в лагеря 7500 человек, ответствен за казнь еще 4000, лично ответствен за пытки

лидера Сопротивления Жана Мулена, замученного до смерти в 1943 году, виновен в том, что 44 еврейских ребенка-сироты и их учитель из французского Изьё были убиты в Освенциме.

Си-ай-си хорошо ему платит и защищает от французских властей, которые хотят привлечь его к суду. Через несколько лет американцы помогают Барби перебраться в Боливию, где его опыт в убийствах и пытках находит применение у многих местных военных диктатур.

Щурово

Понедельник 30 июня. Михаил на северо-западе Советского Союза, наблюдает, как его детище топят в грязи, держат под водой, засыпают песком. Он нервничает. Последние шесть лет он неустанно конструировал, улучшал и выверял, а после встречи с генералом Жуковым отчетливо понимает, ради чего трудился — ради победы над фашизмом.

Миф о Михаиле по-советски прямолинеен и красив. Простой паренек из народа становится солдатом в большой войне, получает тяжелое ранение. Без технического образования, но обладая огромным талантом, он посвящает свою жизнь служению народу и отчизне. Ни слова о том, что одиннадцатилетним мальчиком он и вся его семья были депортированы в Сибирь, когда Сталин производил большую чистку своего народа. Ни слова о нужде, о клейме кулацкого сына, о голоде.

В госпитале, где лечился от ран, он слышал, как другие раненые рассказывали, что воевали с никудышным оружием, что оружия не хватало, порой одна винтовка на несколько человек. Как же в таком случае выиграть войну? Там он познакомился с лейтенантом, который объяснил значение греческого слова *avtómatos*.

Дни смерти

Дьёрдь Феньё. Мой дедушка. Фамилия его переводится как «ель». Такая вот фамилия. А какое у него имя? Все дело в том, кто это имя дал.

Может быть, император Иосиф II, хотя их и разделяют две сотни лет. Мои предки были евреи и жили в австро-венгерской монархии. Поэтому им пришлось подчиниться новому закону, который с января 1788 года регламентировал их имена. Допускалось 120 мужских имен и только 37 женских.

До 1788 года каждый отец передавал свое имя дальше, уже как фамилию, в подвижном, переменчивом плетении, где каждое новое поколение несло след предшествующего. Иногда фамилии брали по месту рождения. Но по новому закону все это запретили. Еврейские фамилии надлежало онемечить и сделать постоянными.

В ту пору, когда регистрировали новые фамилии, иные из имперских чиновников забавлялись, а иные даже кой-какие деньжата зашибали. Тот, кому везло и кто мог заплатить, получал красивую фамилию — золотую, серебряную, рубиновую, брильянтовую, сверкающую металлом и драгоценными камнями. Если же чиновник не выспался или не отличался богатой фантазией, еврей принимал первую попавшуюся, что взбредет начальнику в голову. Краски. То, что виднелось за окном. Зеленый, черный, белый, камень, ветка, лес. Ну а если чиновник был мерзавец, то и фамилии придумывал издевательские: Заумаген (Свинобрюх), Ванценкниккер (Клоподав), Кюссемих (Поцелуйка).

Может, мои предки были пекарями? Может, были бедняками и мечтали о белом хлебе? Может, чиновнику вздумалось в этот день обратиться к фамилиям, связанным с сельским хозяйством? В общем, мои предки получили фамилию Вейцнер. Сеющий пшеницу. Красиво.

Однако австро-венгерская монархия беспокойно ворочалась да вертелась волчком из-за собственных властных игр. Всего пятьдесят лет спустя венгерская ее часть изыскивает способ приобрести большее влияние — достаточно только зарегистрировать внутри границ монархии большее количество граждан-венгров. Будто империя — это корабль и власть перемещается с одного борта на другой исключительно из-за веса пассажиров.

В середине XIX века проводится новая реформа — под лозунгом мадьяризации фамилий. Евреев с немецкими

фамилиями призывают сменить их на венгерские. Время повторяется. Национализм повторяется. Подкуп повторяется. В добром ли настроении венгерский чиновник, ответственный за регистрацию фамилий? Что он видит в окно? Сосну или, может, ель? Феньё. Она-то и становится нашей фамилией.

Если события происходят в один и тот же день — можно ли тогда говорить о разнице? А если они происходят с промежутком в две сотни лет — можно ли говорить об одновременности?

Когда я думаю о дедушке, идет проливной дождь, серый занавес. Дьёрдь Феньё.

Ливень дней прошел со времени его кончины, их не счесть, поскольку никто не знает, когда он умер. Вероятно, в январе или в феврале 1943-го. Возможно, близ Батурина на Украине или в Белгороде. Моему папе снова и снова снится его отец, что он выжил, что он вернется. Возвращающийся сон о возвращении. Но он не возвращается. Вместо этого — дождь, я стою под дождем; иногда он легкий, как туман, иногда колючий, напористый, но всегда такой частый, что ничегошеньки не видно.

Мне хочется думать, что в жизни Дьёрдя Феньё было несколько лет радости. Он познакомился в Будапеште с двадцатилетней девушкой и сразу влюбился. В 1931 году.

Годом позже Лилли и Дьёрдь поженились в большой синагоге на Дохань-утца, хотя религиозными их не назовешь. Она — хрупкая, остроумная, выпускница парижской Сорбонны. Он — элегантный, темпераментный, очаровательный. Их фотографировали? Да, фотографировали. Белая фата, черный цилиндр, две улыбки, целиком обращенные друг к другу.

А потом — состоялся праздник? Что подавали на свадебном обеде? Я не знаю. Все погибло. Ее состоятельное семейство не одобряло, что она полюбила малообеспеченного, необразованного мужчину, но она пошла своим путем. Несколько лет они снимали маленькую старинную виллу в процветающей Буде и ездили на кабриолете марки «ДКВ»[41].

Я знаю, что Дьёрдь Феньё обладал прекрасной музыкальной памятью, что мог, один раз услышав мелодию, сразу же сыграть ее с подходящим аккомпанементом на фортепиано. Знаю, что он играл до-мажорную *Sonata facile* Моцарта. Знаю, что бабушка Лилли любила, когда он играл «Танго» (опус 165) Исаака Альбениса. Вот и все.

Воспоминания просачиваются сквозь поколения. Сталактиты утрат.

Их сын, мой папа, родился в июне 1936-го. Я представляю себе еще два светлых года в короткой жизни Дьёрдя Феньё, пока

не настал конец его работе на гудронно-асфальтовой фабрике в Будапеште. По новому закону евреи не имели права владеть фабриками, поэтому у его дяди фабрику отобрали, а сам он стал безработным. Какое-то время пытался зарабатывать фотографией. Не вышло. Поехал искать работу в Париж. Не вышло.

Когда в сентябре 1939 года началась война, он с превеликим трудом сумел добраться из Парижа в нейтральный Лиссабон. Получил работу в Южной Америке, но вид на жительство выдали только ему — ни жене, ни сыну не выдали, — так что он никуда не поехал. Вернулся в Будапешт пароходом, с деревянным ящиком, полным апельсинов. Сколько фруктов, обернутых папиросной бумагой, пахших солнцем и свежей сладостью, сиявших оранжевым у него на коленях, да?

Он вернулся домой, чтобы умереть.

Несколько месяцев 1940-го и 1941-го он провел на принудительных работах для венгерской фашистской армии. Но опять вернулся домой, в Будапешт, к Лилли, к сыну и к своей матери Амалии Вейцнер. Осенью 1942 года его забрали в третий и последний раз.

Я не хочу писать об этом. Стою под дождем, под смертью, слова призывают смерть, и смерть призывает мои слова. Сиротство моего папы — вот что звучит в дожде.

Антиеврейские законы в Венгрии лишают евреев возможности служить в регулярной армии. Поэтому были созданы спецбатальоны для политически инакомыслящих и евреев.

Моему папе было всего шесть лет. В то утро, когда пришла третья повестка на принудительные работы, он, к своему удивлению, обнаружил, что все встали раньше его. Отец, Дьёрдь Феньё, сидел на диване, облокотясь на колени и подперев голову руками. Мальчик спросил, не поедут ли они на Дунай купаться или кататься на лодке. Ответ был «нет».

Дьёрдя Феньё, которому только что исполнилось тридцать пять, в ноябре 1942 года отправили в Надькату, в сборный лагерь, с узелком, в котором было теплое белье, цветные очки для защиты от слепящего снега и немного харчей. Грязный лагерь окружала колючая проволока. Страх поселился в бараках, и вполне оправданно. Можно назвать этих призывников узниками, а можно и рабами.

Комендант лагеря поделил их на батальоны и проинструктировал соответствующих командиров: живыми эти враги нации вернуться не должны. Охранники зачастую принадлежали к крайне антисемитской партии «Скрещенные стрелы»[42] и обращались с евреями необычайно жестоко и

беспощадно.

Что произошло с Дьёрдем Феньё? Его повесили или расстреляли? Приказали расчищать путь наступающим нацистским войскам на Восточном фронте, идти по минному полю, пока не взорвется? Заставляли ползать на четвереньках с миской в зубах и повизгивать? Отправили больного в барак, который затем подожгли? Велели влезть на дерево, прыгать с ветки на ветку и застрелили, когда он упал? Подвесили за связанные руки и избивали? Обливали висящего холодной водой, пока он не заледенел и не умер на тридцатиградусном морозе?

Тридцать первого декабря 1942 года Дьёрдь Феньё был еще жив где-то на Украине. Он написал тогда Лилли открытку со словами «ты была лучшей половиной моей жизни». Мне неясно, что, собственно, означают эти слова. А потом он канул в смерть, и его отсутствие столь же реально, как дождь. Ему нет конца.

Жила-была женщина по имени Алиса Хоффман. Моя прабабушка.

Сохранилась ее фотография 1910-х годов — в белом платье с высоким воротом. Совсем молодая женщина, в профиль. Волосы как у меня. Лицо напоминает мое, я выглядела так же в свои двадцать лет. И родилась она 29 апреля, как и я.

Алиса Хоффман из Будапешта вышла за Белу Воллака, и у них родилась дочка, Лилли. Единственный ребенок, она рано, в четыре года, осталась без матери, когда кроткая Алиса умерла от дизентерии, выпив непастеризованного молока.

Мне бы очень хотелось поговорить с Лилли, с моей бабушкой, о ее раннем детстве, трудном и одиноком. Помнится, однажды мы, держась за руки, кружились под музыку. А вообще я мало знаю о том, что значит иметь семью. Нет ничего, кроме имен, дождя, что падает на имена, имен, что падают сквозь поколения. Алиса, Лилли и мальчик, который станет моим папой. Его назвали так же, как его отца, хотя это не принято и никто не может объяснить почему.

Несколько лет они жили все вместе — мальчик, его мама Лилли, его папа Дьёрдь и бабушка Амалия — в квартире из двух комнат, прихожей, кухни и ванной. Там стояло фортепиано. А на стене висела картина маслом, портрет Алисы Хоффман. В ненормальном еще была нормальность.

Когда 19 марта 1944 года немцы оккупировали Венгрию, восьмилетний мальчик, который станет моим папой, уже остался без отца. Он успел пойти в школу, но проучился недолго, потому что был евреем. Ни его мать, ни отец в Бога не веровали, и только когда ему исполнилось пять лет, он соединил слово «еврей» с

самим собой. Чужой человек проходил мимо того места, где он играл, и обозвал его вонючим евреем. Мальчик пошел к маме и спросил, что значит «еврей». Лилли ответила просто: «Есть два сорта людей, добрые и злые. Вот и все, что имеет значение».

Расскажу о моей бабушке Лилли. Она делала все, что могла.

В Кракове жили родственники: Имре, его жена Эржебет и их дети — Ида и Янош. В 1939-м, когда нацисты оккупировали Польшу, им грозила депортация, но они могли спастись, если сумеют доказать, что они венгры. Лилли продала свои драгоценности, подкупом добыла необходимые документы, чтобы четыре человека получили отсрочку и надежду на спасение, правда, как оказалось, ненадолго. Кто-то из соседей донес на них в гестапо. Венгры ли, поляки ли — роли не играло, они были евреи, и семью вывезли в польский городок Освенцим, который немцы называли Аушвиц. Имре, Эржебет и пятнадцатилетний Янош в тот же день попали в газовую камеру. Двадцатилетней Иде сохранили жизнь для рабского труда, сперва в Освенциме, потом в Берген-Бельзене. Я нахожу сведения о них в лагерном архиве. Уничтожить всё не успели. Имя соседа не указано. Ида никогда ни слова не говорила о том, что́ ей довелось пережить.

Невозможно спокойно записать все это, слова не способны течь ровным потоком, нет примирения, и связного рассказа не получается. Фразы отрывисты и обрывочны. Все рвется, постоянно рвется, натыкаясь на колючую проволоку. Время, не ведавшее жалости. Три раза Лилли спасала жизнь своему сыну, который станет моим папой. Но я опережаю события.

Мальчик жил со своей мамой Лилли и бабушкой Амалией. Многие тогдашние дни никто уже и припомнить не может. Такова жизнь, дни исчезают, и припомнить их невозможно, они просто проходят сквозь тебя, оставляя просто слой времени. И вот, стало быть, пришла весна 1944 года, с желтыми звездами на одежде.

Нацистам надоело, что Венгрия ничего не предпринимает в отношении своих евреев. Правитель Миклош Хорти вроде как норовил увильнуть. Невзирая на все антиеврейские законы и нескрываемую ненависть, он, казалось, не хотел сделать последний, решающий шаг к истреблению. Вдобавок один из его приближенных (с его ведома) вел с союзниками переговоры о сепаратном мире — а это было уже предательство, которое Гитлер принял лично на свой счет. Он пригласил правителя Хорти к себе, в замок Клессхайм в Австрии, и пока они сидели за столом, нацисты осуществили операцию «Маргарете». То есть оккупировали Венгрию.

Хорти сохранил свой пост с условием, что он уберет упомянутого ближайшего сотрудника и впредь будет подчиняться

приказам.

Затем прибыл Адольф Эйхман. За восемь недель были депортированы и убиты 424 000 евреев и 28 000 цыган. Чрезвычайно эффективно. Специально проложенные железнодорожные пути в Биркенау, специально построенный перрон, спецкоманда СС. Есть фотографии. Один из эсэсовцев стоял на перроне с фотоаппаратом. Получился альбом. Он его спрятал. А кто-то нашел.

Среди смерти, охватившей Венгрию, возникали пустоты. Необитаемые дома, квартиры с одеждой в гардеробах, семьи с нежностью в опустевших объятиях.

Лилли, мальчик и его бабушка Амалия в своей квартире не остались. Однажды июньским вечером в половине одиннадцатого явились солдаты «Скрещенных стрел» и выгнали их за порог. Лилли, мальчику и бабушке разрешили захватить с собой только сумку или рюкзак с вещами да постели и отправили в другой опустевший дом, к месту сбора. Там царили теснота, скученность, хаос. Мой папа, мальчик, и его бабушка устраивались на матрасе валетом. Дом был еврейский. Воспоминания — детские.

Лето кончилось, и хрупкую, но проворную Лилли послали на принудительные работы — делать уборку и прочую черную работу в казармах «Скрещенных стрел», Радецкий-лактанья. Ей выдали особую карточку, позволявшую передвигаться по городу, несмотря на звезду. И она могла брать домой немного остатков еды.

Пятнадцатого октября 1944 года нилашисты совершили государственный переворот и сместили правителя Хорти. Повсюду солдаты. Тогда-то Лилли первый раз спасла жизнь моему папе.

На следующий день, 16 октября, погода стояла пасмурная. По какой-то причине Лилли, папа и Амалия собрались проведать христианку, подругу Лилли. Им надо было пешком пройти несколько километров через Будапешт, хотя евреям ходить по улицам запрещалось, Лилли отпорола желтые звезды. Но вскоре их приметили, молодой парень погнался за ними на велосипеде. Он работал продавцом в булочной, где они покупали хлеб, узнал их, громко окликнул и поехал следом. Другие венгры на улице тоже всполошились. Опасность, тяжелая, как гроза.

На площади Баттьянитер располагался крытый рынок, перестроенный под казарму для обычных серых немецких солдат — не для страшных черных эсэсовцев, — и продавец на велосипеде и трое преследуемых привлекли внимание одного из офицеров. Он вмешался — с заряженной винтовкой в руках — и сказал, что Лилли, мальчика и Амалию надо расстрелять, ведь

они разгуливают по городу без звезд.

Что́ и как ответила офицеру Лилли, восьмилетний мальчик, мой будущий папа, не понял, а потому и рассказать не мог. Он и по-немецки тогда не понимал. Помнит только страх, не слова. Помнит, как немецкий офицер уступил и позволил им вернуться назад, как он крикнул немецким солдатам-часовым: «*Diese Juden passieren lassen*»[43].

Лилли, мальчик и Амалия отправились обратно, от поста к посту, той же дорогой, какой пришли. Часовые передавали команду офицера от поста к посту. О-о, как смотрели на них венгры на улице. Молодой парень из булочной остановился. Никто теперь не смел их тронуть, эти слова летели над их головами, точно птицы-стражи следовали за ними всю дорогу до еврейского дома. *Diese Juden passieren lassen*.

Каждый день Лилли ходила в казарму нилашистов, исполняла там свою подневольную работу. Наверняка она говорила с иными юдофобами о справедливости и несправедливости. Называла такие разговоры «идеологическими дискуссиями» и верила, что может повлиять на этих людей. Через несколько дней она во второй раз спасла жизнь моему папе.

Лилли была в казарме, когда узнала: что-то случилось. Кто ей рассказал? А узнала она вот что: всех обитателей еврейского дома забрали и увели на сборную площадку возле полицейского участка на Бимбо-утца. Она бросила работу. Поспешила к полицейскому участку. И взяла с собой офицера «Скрещенных стрел».

Почему он пошел с ней, а не наоборот?

Моя бабушка Лилли — какая нежность охватывает меня. Нежность вопросов, оставшихся без ответа.

Во дворе полицейского участка шеренгами стояли люди. Дети. Старики. Ждали марша смерти. Ждали часами, построенные во дворе участка. Лилли с венгерским офицером успели вовремя. Вбежали во двор, нашли восьмилетнего мальчика и его бабушку Амалию. Успели вытащить их из строя.

Это был второй раз.

Время без жалости, для него нет слов. Оставшихся будапештских евреев собрали на изолированной территории вокруг большой синагоги. Так легче их отлавливать, легче держать под контролем. Офицер-нилашист отвел там жилье мальчику, Лилли и Амалии. Лилли пришлось сразу же вернуться на работу в казарму, и она взяла мальчика с собой. Бабушка Амалия пошла в гетто, в указанное жилье. Позднее этим же вечером, когда Лилли, закончив работу, пришла с мальчиком в тот дом, там никого не было. Рота нилашистов забрала всех

стариков и детей.

Амалия Вейцнер. Папа помнит ее как очень добрую и любящую бабушку. Ей было семьдесят три года.

Раньше в этой квартире жил кто-то другой. Депортация происходила и до депортации, людей просто похищали. Теперь здесь поселились Лилли и мальчик. В кладовке они нашли банки с домашним вареньем.

Когда Красная армия подошла к Будапешту, гетто заперли. Восьмилетний мальчик, мой будущий папа, тяжело больной дизентерией, лежал на одеяле, поверх мешка с песком.

Они с Лилли и еще несколько человек укрылись в подвале.

Как долго они там жили? Ответа нет. Отступающие немецкие солдаты забрали все часы.

Январь выдался холодный. Запах дыма при каждом вздохе, когда они прямо на полу разводили костер. Где-то тишина, где-то звуки войны. Где-то наверху по улицам громыхали танки.

От соседнего подвала их отделяла стена. Не знаю, какого она была цвета или состояла из голых кирпичей. Мальчик на мешке с песком не помнит подвальной стены, но все же помнит, что она наверняка была, поскольку внезапно разлетелась на куски. А в пробитую брешь пролезли русские. В этом переданном мне фрагменте папиной памяти нет ничего пугающего. Он, мальчик, лежал тогда на мешке с песком, слабый от болезни. Воспоминанию семьдесят лет, но оно есть, оно датировано, решающий миг в веренице неясностей. Стена сохранилась в памяти, потому что разлетелась и внутрь пролезли русские солдаты. Лилли и мальчик получили свободу. 18 января 1945 года. Они вышли из подвала и покинули гетто.

Искореженные грузовики, оборванные провода, мертвые лошади на улицах, грязь, мусор, люди в лохмотьях, железные балки, обнажившиеся от взрывов. Дома без фасадов, половинки комнат, половинки пола, половинки крыш, половинки кухонь и спален, оголенные театральные кулисы, разоренная жизнь. Все бурое и серое. С тех пор мой отец любит художника Ансельма Кифера.

Их приютила у себя подруга-христианка. Чтобы добыть для мальчика рис и порошковое молоко, Лилли за деньги сдавала кровь. Так она в третий раз спасла ему жизнь.

Дни, смерть. Лилли работала официанткой в кафе, но потеряла веру в будапештское будущее. И решила эмигрировать в Палестину. В ожидании разрешения на въезд она отправила мальчика к сионистам, а те привезли его в лагерь для детей-сирот в Штрюте, Ансбах.

Квартиру, где они когда-то жили все вместе —

очаровательный Дьёрдь, Лилли, мальчик и его бабушка Амалия, — разбомбили, фортепьяно превратилось в металлическую проволоку и щепки. Уцелела только большая картина маслом, по-прежнему висевшая на стене, портрет матери Лилли, кроткой Алисы Хоффман.

Дедушка. Чужое слово, пробел в моем лексиконе. Настоящим объявлен пропавшим без вести. Ни старые фотографии, ни архивные документы из ЮНРРА, ни убийцы не могут заполнить эту пустоту.

> «Taken for forced labour service to the Ukraine on November 28, 1942, and perished at Bielgorod in February 1943»[44].

Самое раннее воспоминание моего папы о его отце: они держатся за руки через носовой платок. Солнце палит. Они в отпускной поездке на Балатон, идут вверх по склону горы Бадачонь. На горной тропинке под ногами шуршат мелкие камешки, а носовой платок не дает рукам выскользнуть друг из друга.

Белый носовой платок — я думаю о нем, о белом средоточии памяти… он почти прозрачный от влаги меж их ладонями, будто слой времени, близость и теплая дистанция, соединяющая обоих. Если папе в ту пору четыре года, значит, у него впереди еще два года, чтобы копить воспоминания о своем отце.

И моего папу, и его отца звали Дьёрдь, но я не знаю почему. Дьёрдь — это венгерская форма имени Георг.

Человек, который стал отцом моего папы, вырос в Дебрецене, в семье портного. Но почему он бросил учебу? Потерпел неудачу? Нет никого, кто может дать ответ. Не получить аттестат зрелости — дело неслыханное, провал на экзамене — позор, доводивший иных до самоубийства. Может, поэтому он хотел оставить маленький городок и портновскую мастерскую отца? Или его обуревала жажда приключений, или не было другого выхода? Но Дьёрдю Феньё не позволили уехать из дома, пока он не сдал экзамен на портного. Он должен иметь профессию, так решил его отец Шандор.

А потом Дьёрдь отправился в Париж. Шел 1924 год, ему было семнадцать, и по-французски он не говорил. Конечно, там он голодал. И некоторое время спустя вернулся в Венгрию, на сей раз в столичный Будапешт, где один из братьев матери устроил его на своей гудронно-асфальтовой фабрике.

Он играл на банджо. На фортепиано. Умел и на гармошке. Стал на фабрике начальником. Свои густые черные волосы

бриолинил и зачесывал назад. Снимал автопортреты с помощью автоспуска, спрятав его в ладони. Таким я вижу его сейчас, таким он сам тогда хотел себя видеть. Наши взгляды встречаются сквозь серебро и свет, встреча и происходит, и не произойдет никогда.

Порой он фотографировался вместе с Лилли и сыном. Мальчик замирал от восторга и смущался, но был пока что частью троицы, которая вскоре будет разрушена, частью непостижимой серьезности, которую они пытались скрыть под улыбками. Черно-белые снимки, где они вместе смотрели в будущее, которое так и не наступило. Все это имело место раньше, когда все, можно сказать, шло беспрерывно и дни текли как положено, по порядку. До произвола и насилия.

Воспоминания — словно надгробные камни, воздвигнутые над телом, которого давным-давно нет. Можно ли сделать что-нибудь еще, кроме как постараться воскресить в рассказе его мир? Я — та, у кого всегда был отец, — беру на себя его сиротство и несу его. В ожидании будущего я — та, у кого всегда был отец, — перебираю его воспоминания, оглядываюсь назад. Перебираю его утраты, чувствую их.

В тот день, когда мне исполнился год, папа, говорят, впервые дал мне попробовать венгерскую колбаску, и мне она, говорят, пришлась очень по вкусу, но эта история явилась из его памяти, а не из моей. Зато я помню, как мы идем по тропинке через лиственный лес у озера. Мне четыре года. Он несет меня на закорках, и я держусь за его волосы.

Кладбище — это инверсия города. Люди под землей, а не сверху, заключенные в урны, прах вместо мышечной массы с температурой тридцать семь градусов тепла. Переход из бытия в небытие. Тот, кто приходит туда, навещая память мертвых, остается чужаком.

В Нормандии белые могилы американских солдат стоят как на параде, а немецкие обозначены монументами в темнеющем камне. Безмолвные города, где те, кого уже нет, поют живым беззвучные песни о небытии.

По всей Европе есть и другие места захоронений, свидетельствующие о небытии еще более глубоким безмолвием, — в Праге, в Берлине, в Кракове. Умершие лежат под слоем времени и слоем распада, их имена записаны в плюще.

Я навещаю такое место, кладу камешек на могилу моей бабушки Лилли в будапештском Ракошкерестуре. Ряды надгробий стоят изъеденные непогодой, покосившиеся, укрытые тенью. Заброшенные, потому что все те, кто бы их посещал, убиты.

1947–1974. Две даты, одни и те же цифры, а между ними двадцать семь лет. Время — место, укрытое тенью.

В декабре 1974 года папа пишет мне письмо. Незадолго до моего десятого дня рождения. «Передать сейчас» — надпись на конверте, папиным неразборчивым почерком. Он кладет конверт в банковскую ячейку вместе с заемными письмами и нотариальными документами на владение. Я, единственный папин ребенок, должна получить письмо после его кончины. Но папа жив, и я прочитала его лишь совсем недавно.

В письме девятнадцать машинописных строк. Восемнадцать из них выражают родительскую любовь. Последняя, девятнадцатая, состоит из одной фразы, из предостережения. Но эта фраза соединяет годы. Он мог бы с тем же успехом написать ее себе в 1947 году в Штрюте, Ансбах, как и мне в 1974-м на Кунгсхольме в Стокгольме. Один десятилетний ребенок соединяется с другим.

И хотя ребенком я этого письма не получила, я всегда знала это предостережение. Вот оно, вот буквы, оставленные на бумаге папиными решительными ударами по клавишам пишущей машинки:

«Никогда не жалей себя».

Я пытаюсь собрать из осколков 1947 год. Безумная затея, но то время не дает мне покоя.

Июль

Париж

Шестого июля мсье Морис Бардеш впервые держит в руках экземпляр своей книги. Она написана в порыве гнева и отвращения после поездки по Европе, которую он называет трущобами. В «Письме Франсуа Мориаку» он обрушивается на французское движение Сопротивления, которое, по его мнению, презирает закон. Он защищает режим «Виши»[45] и французское сотрудничество с нацистами и критикует узаконенную чистку, *l'épuration légale*, от коллаборационистов и попутчиков, которая проводится в судебном порядке, чтобы отмыть французское сегодня от вчерашней грязи. В глазах Мориса Бардеша мир красотой не блещет.

Только что отпечатанная книга — бомба, которая взрывается в каждом из 80 000 проданных экземпляров. Морис Бардеш называет себя фашистским писателем, но станет больше чем просто писателем.

Розуэлл

Фермер-овцевод Уильям Брейзел, по прозвищу Мак, находит в пустыне Нью-Мексико исковерканные куски металла и сообщает местным властям, что это обломки летающего блюдца. По меньшей мере одна радиостанция прерывает обычные передачи, чтобы дать в эфир эту информацию.

Дели

Сэр Сирил Радклифф, юрист, один из давних оксфордских однокашников Дикки, впервые в жизни прилетает в Индию. Восьмое июля, жара. Скрепя сердце он взял на себя задачу определить новые границы страны, потому что — как выразился лорд-канцлер, давший ему это поручение, — Неру и Джинна никогда не договорятся. По мнению лорд-канцлера, Радклифф как никто подходит для этой миссии, поскольку обладает двумя завидными качествами — компетентностью юриста и незнанием Индии.

В его распоряжении пять недель, не больше и не меньше.

Работа ведется в двух комиссиях: одна отвечает за границу между Индией и Западным Пакистаном, вторая — за границу между Индией и Восточным Пакистаном. Можно ли привлечь к работе кого-нибудь из ООН, как предлагает Джинна? Нет, это займет слишком много времени. Имеют ли остальные члены комиссий опыт в установлении границ? Радклифф обращается к советникам? Изучает обстановку на местах? Ответ отрицательный.

Однажды он совершает полет над северной Индией, смотрит в окно. Посещает Лахор и Калькутту. Но в основном сидит в своем доме в Дели, обложившись картами, множеством карт. Он в ответе за территории, где проживает 88 миллионов человек.

Сет

«Президент Уорфилд», в прошлом американский прогулочный пароход, покинул Марсель и стал на якорь во французском портовом городе Сет. Экипаж парохода состоит из молодых американских евреев. В морском деле они почти не разбираются, зато знают толк в теории интегралов, бейсболе и философии. Когда-то этот пароход построили в расчете на 400 пассажиров и спокойные воды, но скоро он войдет в мировую историю — на скорости 12 узлов и с 4500 людей на борту.

На рассвете 9 июля в Сет прибывают пассажиры, по железной дороге, на грузовиках, пешком: 1600 мужчин, 1282 женщины и 1672 ребенка и подростка, с фальшивыми колумбийскими визами. Бывшие узники лагерей с рюкзаками, одетые в три-четыре комплекта одежды, чтобы легче было нести свой скарб. Много беременных женщин, ну и дети-сироты из лагеря в Штрюте, Ансбах.

Четыре с половиной тысячи человек. Как они все сумели добраться до Сета и подняться на борт парохода, избежав вмешательства французских властей? Оттого что Сет расположен в избирательном округе французского министра транспорта, а он ярый приверженец сионизма? Оттого что многие таможенники, портовики и пограничники активные члены социалистической партии?

Или все дело в велогонке «Тур де Франс»? Именно сегодня глаза всех французов, их надежды и любовь устремлены на велогонщика Рене Вьетто, симпатичного молодого мужчину, здешнего уроженца, — он лидирует и вполне может одержать победу. Гонка (мужчины, пот, борьба, двенадцатый этап) проводится впервые после перерыва в семь тяжких лет и как раз

сегодня проходит мимо Сета, неистовая машина, с колесными спицами, молниями, сверкающими на солнце.

Беженцы тем временем поднимаются на борт. Это занимает шесть часов. Нары в бывшем бальном зале «Президента Уорфилда» быстро заполняются. Всё, возврата нет — только мужчины, женщины, дети, беременные и старики да мысль о береге в Газе, где они покинут пароход.

Ничего не происходит. «Президент Уорфилд» ждет лоцмана, чтобы покинуть гавань, но тщетно. Британцы не позволяют французам выпускать судно, и французы не дают лоцмана. Но с 4554 пассажирами на борту, запасом воды на семь дней плавания и всего тринадцатью туалетами само время становится лоцманом. Десятого июля судно выходит в море, без помощи и поддержки. Песни, молитвы, крики детей и надежды витают над морем, словно туман, полный ожиданий.

Париж

Жизнь юного Мориса Бардеша в корне переменилась, когда он расстался с городком Дён-сюр-Орон и существованием сына изготовителя зонтиков. Стипендия обеспечила ему возможность учиться в престижном парижском лицее Людовика Великого. Восемнадцатилетний неуклюжий провинциал, заблудившийся в большом городе, — вот таким он был. Но сразу по приезде в Париж имел место случай, ставший прелюдией ко всей его дальнейшей жизни.

В одной из открытых галерей, окружающих школьный двор, его взгляд привлекли двое ровесников — стоя на стульях, они хором декламировали Бодлера. Один из них — Робер Бразийяк. Загорелый, с темными, почти черными волосами, с круглым лицом, в очках, он обратил внимание на Мориса Бардеша, который в свою очередь обратил внимание на одежду Бразийяка и его веселое настроение. К удивлению Бардеша, Робер Бразийяк откликнулся на его интерес. Они так сблизились, что товарищи-лицеисты называли их Бразийеш и Бардак.

Потом Морис Бардеш влюбился в сестру Робера Бразийяка Сюзанну, они обручились, поженились и отправились в свадебное путешествие в охваченную гражданской войной Испанию. Вместе с Робером Бразийяком.

Эта дружба возымеет огромное значение. Морис Бардеш и Робер Бразийяк сообща работают, сообща выступают против демократии. В 1935-м они пишут фундаментальную книгу по истории и эстетике кино, пишут о литературе и политике. С их

точки зрения, Франция постоянно слабеет под влиянием алкоголизма, падения рождаемости и вторжения евреев. Решение проблемы они видят в идее героизма, в мужчинах с сильным телом, в культе свежего воздуха и спорта и атаках на коммунизм и буржуазность.

«Же сюи парту» («Я везде») — крупная французская фашистская газета, выходящая тиражом более 300 000 экземпляров. Робер Бразийяк становится ее главным редактором. Он именует себя «умеренным антисемитом», требует, чтобы евреев отлучили от социального сообщества, а позднее, чтобы их вообще «вывезли» из Франции, «в том числе и детей». Газета поддерживает Бенито Муссолини, позитивно настроена к испанским фалангистам, приветствует британских фашистов, румынскую «Железную гвардию» и бельгийских фашистов. С 1936 года она выказывает симпатию к Гитлеру и нацизму. Бразийяк восхищается «организованной красотой» нацистской Германии, тогда как Французскую республику сравнивает с «сифилитичкой-проституткой, воняющей дешевыми духами и гноем».

В годы войны Бразийяк своим пером выдавал и обличал участников движения Сопротивления, жаждая их истребления. По этой причине в 1945 году он был отдан под суд и приговорен к смертной казни.

Он был не одинок. После войны около 170 000 французских граждан предстали перед судом по обвинению в пособничестве нацистам и коллаборационизме. Пятьдесят тысяч из них были пожизненно лишены гражданских прав, а круглым счетом 800 человек — казнены. Еще десятки тысяч были убиты незаконно: их линчевала толпа или приговорили к смерти фальшивые суды. Свыше десяти тысяч женщин понесли наказание за так называемый *collaboration horizontale*[46] — им обрили голову и подвергли публичному унижению.

Однако смертный приговор Роберу Бразийяку вызвал бурное возмущение. Протестовала значительная часть литературной Франции, даже антифашисты. Писатель и участник движения Сопротивления Франсуа Мориак посетил генерала де Голля и попросил отменить этот приговор политическому противнику — речь-то шла как-никак о свободе слова, — и де Голль согласился. Кроме того, Франсуа Мориак был инициатором открытого письма с требованием помиловать Бразийяка, которое подписали, в частности, Поль Валери, Поль Клодель, Колетт, Альбер Камю и Жан Кокто, тогда как Симона де Бовуар, Жан-Поль Сартр, Пабло Пикассо и Андре Жид подписывать отказались.

Движение Сопротивления считало, что Робер Бразийяк предавал людей именно своим пером и что его смерть станет

символом смерти фашизма. Несмотря на прежнее обещание, де Голль уступил их нажиму и снова изменил приговор. В феврале 1945 года Бразийяка расстреляли. Морис Бардеш погрузился в безутешную скорбь.

Лишь теперь, спустя два года, он приходит в себя и возвращается в мир, пишет две книги, протестуя против того, что называет фальшью времени, против демократии и лицемерия вокруг *l'épuration*, то есть чистки, против неправомерных наказаний за якобы преступления. Он едва не пропал, но восстает в новом обличье, как политический зверь: «Я — фашистский писатель».

Едва только выходит первая книга о движении Сопротивления и военных трибуналах, «Письмо Франсуа Мориаку», он приступает к работе над следующей.

Морис Бардеш сам себя не узнает. Собственная страна чужда ему и столь же чужда ее история. Ненависть завладела правосудием и выбила его из равновесия, ненависть стала новой богиней современности. Он чует ее повсюду, ненависть к проигравшим. Не то чтобы он питал особую симпатию к Германии или к немцам, заявляет Бардеш. И любит он не немецкий народ, даже не национал-социализм, но храбрость, лояльность и боевое братство.

Ему, пишет он, ничего неизвестно и обо всех этих генералах и государственных деятелях, представших в Нюрнберге перед судом и осужденных, хотя он и прочитал все сорок томов застенографированных протоколов МВТ, первого крупного процесса. Он знает только, что они — проигравшие. И только этот факт имеет значение. Их армия, пишет он, была армией небольшого европейского государства, четыре года она сражалась против армий всего мира — и потерпела поражение. Неужели за это их теперь надо осуждать, карать и казнить?

Морис Бардеш сострадает жертве войны — народу Германии — и именно поэтому пишет книгу «Нюрнберг, или Земля обетованная».

Храбрость и страдания немецкого народа заслуживают уважения. Вот он и говорит то, чего не говорит никто другой, пишет то, чего не пишет никто другой: доказательства геноцида евреев сфальсифицированы. Конечно, евреи умирали, но от голода и болезней, никто их не убивал. Все документы, где речь идет об «окончательном решении», трактуют, собственно, лишь о выселении евреев из нацистской Германии, и только. Фактически, пишет он, во всем случившемся с евреями виноваты сами евреи. Они поддержали Версальский мир[47] и поддержали Советский Союз. Подлинные военные преступления совершили союзники,

когда бомбили Дрезден и другие города. Газовые камеры, кстати, использовались для дезинфекции узников, и только.

«Я не защищаю немцев. Я защищаю правду», — отмечает он, формулирует свое кредо и пишет свою библию. Так возник ревизионизм, и его отец — Морис Бардеш.

Лондон

Зима была очень холодная, а теперь настало очень жаркое лето. Пятнадцатого июля Симона де Бовуар и Жан-Поль Сартр гуляют по английской столице, разгоряченные и голодные.

Лондон производит плачевное впечатление. Так много разбомбленных домов, люди так плохо одеты, продуктов питания так мало. Будто продолжается война. Все тяжко и бедно, отмечает Симона в письме к возлюбленному Нельсону. С другой стороны, люди очень храбры. А руины покрыты густеющей зеленью. Лиловые, красные и желтые полевые цветы растут на пустырях, яркие нежданные сады, возникающие, где раньше стояли дома. В парках люди, лежа на траве, без стеснения целуются. К счастью, в виски и содовой недостатка нет.

Бухарест

Лидера румынского антикоммунистического движения, Иона Диаконеску, в этот день берут под стражу. Его приговаривают к пожизненному тюремному заключению.

Палестина

Американец Ральф Банч — представитель ООН в комиссии, которой предстоит решить палестинский вопрос, — значительную часть работы ведет за кулисами. Всего через год его назначат помощником Фольке Бернадота, чтобы посредничать в палестинском конфликте. Когда Бернадот будет убит «Лигой Штерна», возглавляемой Ицхаком Шамиром, именно Ральф Банч продолжит миротворческую работу и впоследствии получит за нее Нобелевскую премию мира.

Но сейчас? Как он оценивает ситуацию? Комиссию, ее деятельность?

Состав слабый, недостаточно компетентный, одна из худших групп, с какими ему доводилось работать. Люди мелочные,

тщеславные, а зачастую либо дурные, либо косные. Непонятно, как можно было возложить ответственность за столь важную проблему на таких середнячков. Семнадцатого июля Банч пишет в частном письме:

«Неплохо бы всем членам Комиссии получить благословение во всех святых местах и облобызать все священные утесы, где в свое время являлись различные божества, — ведь от Комиссии ожидают чуда. На мой взгляд, чтобы выполнить свою работу, ей не обойтись без божественного вмешательства Христа, Мухаммеда и Иеговы».

Однако никакого чуда, похоже, не случится. Ральф Банч организует работу комиссии. И он же в итоге формулирует те два предложения по решению проблемы, какие комиссия представляет Генеральной Ассамблее ООН.

Нейтральные воды

Покинув гавань Сета, «Президент Уорфилд» с 4554 беженцами на борту незамедлительно оказывается под конвоем. Рядом, с обеих сторон, следуют два британских эсминца. Предупреждения и угрозы через мегафон. Как только пароход приблизится к палестинским водам, британцы вправе пришвартоваться к борту. Все знают, все ждут.

Шестнадцатого июля подходят еще три британских эсминца. На беженском судне никто не спит. Усиливают проволочные заграждения вдоль поручней. Разбирают консервные банки с кошерным мясом и картошку — вместо боеприпасов. Семнадцатого июля беженцы поднимают флаг со звездой Давида и переименовывают судно в «Исход-47» во имя памяти, мифа и библейских ассоциаций.

О к р и к. «Нелегальное пересечение границы Палестины не будет допущено, при такой попытке ваше судно будет остановлено. <…> В случае нападения на наших матросов мы применим силу. Лидеры и разумные пассажиры! Вы должны пресечь сопротивление воинствующих».

О т в е т. «На этом судне, на „Исходе“, находятся более 4000 мужчин, женщин и детей, чье единственное преступление в том, что они родились евреями. Мы отправимся в свою страну, ибо это наше право, и не станем никого просить о помощи. Мы ничего не имеем против ваших матросов и офицеров, но, к сожалению, их задача — проводить политику, запрещающую евреям доступ в их собственную страну. Политику, которой мы никогда не подчинимся. <…> Мы не желаем кровопролития, но вы должны

понять, что мы больше никогда не позволим загнать нас в концлагеря, пусть даже и британские».

Ночью, у побережья Газы, два эсминца с погашенными огнями швартуются к бортам «Исхода» и лишают судно управления. Британские солдаты взбираются на палубу, их встречают градом освященных консервов и струями пара.

В ходе двухчасовой схватки гремит несколько выстрелов, в конце концов британцы берут судно под контроль, буксируют его в Хайфу. 146 раненых, трое убитых, щепки, судно сильно повреждено.

Евреи одним глазком видят Палестину, прежде чем их, спешно опрыскав инсектицидом от тифа, поднимают на борт трех британских судов и отправляют обратно во Францию.

Понимают ли англичане, что все обернется против них, буквально все?

Каир

Искусство убивать, *фанн аль-маут*. Искусство умирать, *аль-маут фанн*.

Хасан аль-Банна решительно устанавливает эти понятия и, включая любовь к смерти в свою версию ислама, поворачивает ход времени в нашу сторону.

Вот она, земля, оливковые деревья и розовые кусты, пыль и зелень, сушь и тень, и чужаки вторгаются туда и колонизируют, враги топчут душу страны, а потому, пишет сын часовщика, долг мусульманина и первейшая необходимость — вести джихад.

«Неизбежная обязанность».

Когда-то время выглядело иначе. Арабский мир, угнетенный французским и британским колониализмом, мечтал о возрождении империи, а расселение евреев в этом регионе могло в таком случае обеспечить хороший прирост населения. Тогдашняя панарабская идея включала как арабов, так и евреев. Когда в 1917 году англичане опубликовали декларацию Бальфура, где поддержали идею возвращения евреев в Палестину, будущий египетский премьер-министр Зивар Паша торжествовал. Через несколько лет Ахмед Заки, в прошлом египетский министр, поздравляя растущее сионистское движение, заявил: «Победа сионистской идеи есть поворотный пункт в осуществлении мечты, которая очень мне по душе, а именно возрождения Востока».

В 1925 году египетский министр внутренних дел, Исмаил Сидки, не испытывая ни малейших сомнений, открыл первый в регионе еврейский университет.

Когда стали шириться критические выступления против иммиграции в Палестину, египетская пресса откликнулась статьями о сионистах и сионизме, однако избегала слова «евреи», чтобы защитить местное еврейское население от ненависти. В 1933 году каирские нацисты с сожалением писали в Берлин, что нет смысла тратить время и деньги на антиеврейские памфлеты, поскольку никого это не интересует. И предложили ориентировать пропаганду на регион, где арабские и еврейские интересы находятся в величайшем возможном конфликте, — на Палестину.

Пожалуй, все могло бы сложиться иначе. Если б не Первая мировая война. Если б Муссолини не пришел в 1922 году к власти. Если б Гитлер не написал в 1925-м «Майн кампф». Если б аль-Банна не создал в 1928-м «Братьев-мусульман».

Добрые дела «Братьев-мусульман» — помощь бедным и старикам, открытие школ в отсталом Египте — пробуждают симпатию и находят поддержку. Но есть еще и рубашки, марши, идея о здоровом духе в здоровом теле, недоверие к демократии и многопартийной системе, мечта о революции чистоты. Эхо фашизма от одной части света к другой.

«Палестина становится рыночной площадью, где мы имеем возможность получить прибыль от двух возможных хороших сделок — победы или мученичества».

Если раньше джихад толковали как борьбу, то аль-Банна добавляет к его целям смерть. Сочиняются стихи, поются песни об избавлении от страха смерти и погребении под сенью тени.

Хайфа

Двое мужчин стоят 18 июля на набережной Хайфы, когда в гавань входит поврежденный «Исход» со своим человеческим грузом; это швед — председатель Комиссии по решению палестинской проблемы и один из его сотрудников. Оба в полотняных костюмах и в шляпах для защиты от зноя. Их привели сюда намеренно? Прибытие судна в Палестину нарочито совпало с визитом комиссии ООН?

Двое мужчин из комиссии видят, как первыми судно покидают дети, свыше 1000 детей, и спрашивают себя, не пропагандистский ли это трюк для здешних репортеров. Председателю комиссии Эмилю Сандстрёму требуется любая помощь, чтобы понять Палестину — скрытые социальные течения и течения политические. Он ищет ее и здесь, среди теней и фотовспышек в гавани Хайфы. Каким-то образом Сандстрём

завязывает контакт с единственным пассажиром-неевреем на борту «Исхода», методистским пастором Джоном Стэнли Гроэлом. «У меня нет решения палестинской проблемы», — говорит тот. Но комиссия все же расспрашивает его и придает его ответам большое значение.

М и с т е р Р а н д (Канада). Вы посещали лагеря в Европе?

М и с т е р Г р о э л. Пока «Исход» удерживали в Европе, я смог посетить лагеря.

М и с т е р Р а н д (Канада). Как бы вы охарактеризовали отношение евреев в лагерях к Палестине?

М и с т е р Г р о э л. Те, с кем я говорил, видели для себя два варианта — Америка или Палестина. <…> Насколько я понимаю, в прошлом у этих людей только страх, а впереди никакого просвета. Они терпеливо ждут в лагерях на Кипре или где-нибудь еще, потому что знают, что через год-два приедут в страну Израиля, и когда две сотни уезжают туда, еще тысяча обретает новую надежду.

М и с т е р Р а н д (Канада). Вы можете сказать, было ли на борту оружие?

М и с т е р Г р о э л. На мой взгляд, эти люди могли драться только картошкой и консервами. <…> Я бы хотел сделать заявление. Увидев все это, я совершенно уверен, что они настаивали на отъезде в Палестину и что остановят их разве только война и гибель.

Поврежденный пароход, отбуксированный в порт, уцелевшие люди, у которых нет ничего, кроме воли к выживанию, бывший «Президент Уорфилд», а ныне «Исход», который из обычного прогулочного судна превращается в символ стремлений и надежд беженцев, — рассказ об этом расходится по всему миру, попадает во все газеты, во все новостные киножурналы во всех кинотеатрах.

Когда становится ясно, что британцы намерены отправить бывших узников концлагерей назад во Францию, поднимается волна возмущения и резкой критики. Британцы выказывают непоколебимую принципиальность, запугивая людей, дабы пресечь все незаконные попытки проникнуть в Палестину, мир же усматривает в этом жестокость и отсутствие человечности. Возвращать их в Европу, во Францию, которая не имеет возможности о них позаботиться, бесчеловечно, пишет «Вашингтон пост». Британский темперамент предполагает, что закон необходимо соблюдать любой ценой, пишет бывший премьер-министр Франции Леон Блюм. Индивидуальному сочувствию здесь места нет.

Значительная часть мира с этим согласна. Отвезите их в

лагеря на Кипре, где другие евреи дожидаются визы в Палестину, или отправьте хотя бы в Северную Африку, пишут газеты. Куда угодно, только не назад в Европу. Но британцы доводят свой план до конца. Четыре с половиной тысячи евреев доставляют в Южную Францию, в Пор-де-Бук, и приказывают им сойти на берег. Словно так и надо, все кончено, словно и не начиналось. Словно ни плавания, ни переименования судна, ни картофельной битвы, ни надежды, ни разочарования не было вообще. Но беженцы на берег не сходят.

«Евреи находятся в опасном психическом состоянии, — докладывают в Форин-офис британские посланцы. — Мы не можем заставить их покинуть суда, в воздухе пахнет мятежом и схваткой, мы ничего не можем сделать».

Четыре с половиной тысячи человек с перспективой жизни после смерти.

Зной. Ожидание. Мир, наблюдающий за всем этим.

Вашингтон

Вести об «Исходе», конечно же, доходят и до президента Трумэна. Утром 21 июля в 6:00 ему звонит министр финансов Генри Моргентау, хочет обсудить ситуацию с беженцами. Разговор продолжается десять минут. Трумэну приходится пообещать, что он переговорит на эту тему с госсекретарем Маршаллом.

«Не стоило ему звонить мне. У евреев нет чувства меры, как нет и никакого понимания ситуации в мире, — записывает он позднее торопливым, небрежным почерком на листках, которые вкладывает затем в синий дневник. — Евреи, как мне кажется, чрезвычайно эгоистичны. Их не заботит, сколько эстонцев, латышей, финнов, поляков, югославов или греков гибнут или страдают от плохого обращения в лагерях для перемещенных лиц, в то время как евреям уделяется особое внимание. Когда же у них есть власть — физическая, финансовая или политическая, — они не уступят ни Гитлеру, ни Сталину в жестокости к униженным. Вознесите униженного на вершину — неважно, русского, еврея, негра, руководителя, подчиненного, мормона, баптиста, — и он сбрендит».

Лондон

Симона де Бовуар и Жан-Поль Сартр 19 июля идут на

премьеру двух его пьес в маленьком театрике в Хаммерсмите. После спектакля — обед из *corned beef*[48]. Рита Хейворт тоже присутствует, но де Бовуар она не привлекает, даже красивая грудь кинозвезды оставляет ее равнодушной, пишет она своему Нельсону в Чикаго.

Могла бы получиться забавная и интересная вечеринка, учитывая ум Сартра и красоту Хейворт, продолжает она, но лично ей скучно. Жан-Полю тоже скучно. Как и Рите. Очень скучный обед.

Нью-Йорк

Журналист Билл Готлиб, по его словам, не сразу находит в Нью-Йорке Телониуса Монка. Странным образом он и в «Минтонс-плейхаус»[49] проникает, и к роялю подходит, и здоровается.

Готлиб, разумеется, видел его на сцене, и поначалу ему больше импонирует внешность музыканта, чем его новаторские гармонии. Бородка, берет, очки с блестящими золотом дужками — Монк упрям, мелодии его полны неожиданных поворотов, с паузами и сомнениями посреди потока. Когда же оба знакомятся поближе, то находят друг друга, объединившись в огромном восхищении перед Леди Дей. Готлиб еще и фотограф, у него в коллекции есть фотографии Билли Холидей. Монк получает в подарок фото, опубликованное несколько лет назад, и пришпиливает его к потолку над своей кроватью.

Джаз, но не танцевальный. Изысканный, основанный на импровизации джаз, который вовсе не стремится понравиться, нервный и одновременно холодный. Определение бибопа становится также словесным портретом самого Телониуса «Сфера» Монка.

Диззи Гиллеспи и Чарли Паркер говорят о нем как о божестве, но когда Билл Готлиб в конце концов берет у него интервью, Монк отказывается от чести быть основателем бибопа:

«Просто я так играю».

Музыкальные идеи были и есть у многих. С другой стороны, продолжает он, фортепиано в бибопе, пожалуй, значит больше, чем думают многие. Именно фортепиано задает гармонии и ритм.

Большинство ночей он проводит за фортепиано в клубе у Минтона. Саксофонисты, трубачи и певцы приходят, делают свое дело и уходят. Приходят дни и ночи, делают свое дело и уходят. Телониус Монк продолжает работать. Вот что он делает.

Бейрут

Беспокойство среди членов Лиги арабских государств растет с каждым днем — ооновская комиссия работает, хотя они до сих пор не высказали свою точку зрения на проблему. Когда представители комиссии снова связываются с ними, снова приглашают на переговоры и снова просят прекратить бойкот, фактически возникает трехдневное окно. Назначена встреча в Ливане.

Программа составлена компактно, в течение дня — заседания, а запланированные ужины — вечером, так что у делегатов комиссии ООН будет не слишком много времени на частные беседы с отдельными людьми, но все-таки возникает просвет, до диалога рукой подать.

Двадцать первого июля делегация Лиги арабских государств собирается в Бейруте, чтобы подготовить переговоры. Надо представить общий документ. Они готовы выступить в согласии, единым фронтом. Кое-кто пытается убедить верховного муфтия прийти на встречу, слегка смягчиться, но он прикрепляет к предназначенному для него стулу лист бумаги, где изложена его точка зрения. Присутствовать лично он не желает.

На следующий день они наконец-то встречаются, комиссия ООН и Лига арабских государств.

Ливанский министр иностранных дел зачитывает общую позицию ЛАГ. Там содержится требование незамедлительно полностью прекратить еврейскую иммиграцию в Палестину. Требование создать независимое арабское государство на демократической основе. Разъяснение, что арабские страны тесно связаны с палестинскими арабами и потому напрямую обеспокоены, поскольку сионисты претендуют на территории, принадлежащие Трансиордании, Сирии и Ливану. И наконец, декларация, что арабские страны убеждены: еврейское государство приведет лишь к беспорядкам и войне на всем Ближнем Востоке.

Есть там и открытая лазейка: с созданием арабского государства арабы предоставят гражданство евреям, имеющим на это право по нынешнему закону.

Завершается декларация разъяснением: «Вы не можете ожидать, что арабы будут сидеть молча и смотреть, не защищая свои естественные интересы. Еврейское государство не просуществует долее одного поколения, ибо чуждый элемент разбудит ненависть многих тысяч арабов и они будут пользоваться любой возможностью, чтобы вернуть себе то, что потеряли».

Так заканчивается первый день конференции.

На другой день делегаты ООН могут задать вопросы. ЛАГ по-прежнему выступает единым фронтом. Чешский делегат указывает, что они не могут настаивать на стопроцентном выполнении своих требований, не мешало бы пойти хоть на небольшие компромиссы. Швед-председатель предлагает варианты для общего обсуждения: создание бинационального государства с ограниченной еврейской иммиграцией? Федеративное государство из двух самостоятельных частей? Раздел Палестины и создание двух самостоятельных государств? На все вопросы один ответ: только самостоятельное арабское государство на демократической основе.

Но за стенами конференц-зала до Эмиля Сандстрёма и его комиссии доходят и другие суждения. Голоса, звучащие наравне с единым голосом, но другим тоном, и кое-кто из Лиги арабских государств вполне готов с ними согласиться. Если решение призна́ет Египет, за ним последуют и другие, слышат они. Главное, чтобы в регион больше не въезжали новые евреи. Получи арабы соответствующие гарантии, и проблема будет разрешена.

Смятение и фрустрация. Чему довериться — единому фронту, общему голосу Лиги арабских государств или нестройному хору в кулуарах? Двадцать третьего июля комиссия покидает Ливан, по-прежнему в сомнениях.

Джура

В тот же самый день куры на Джуре наконец начали нестись. Джордж Оруэлл записывает в дневнике: «3 яйца». Он доволен.

Париж

Симона де Бовуар на своем немного детском, но искреннем английском пишет Нельсону Альгрену о том, о чем размышляла едва ли не с первого дня их знакомства: правильно ли отдавать кому-то свое сердце, если не готов отдать и свою жизнь? Она любит его. Да, любит, повторяет она, но знает, что не сможет пожертвовать своим языком, своей страной, своим Сен-Жермен-де-Пре с его пещерами-клубами даже ради него, даже ради глубокой любви, которую чувствует в себе.

«…встречаясь вновь, мы не знаем, что́ будет. Но одно я знаю: что бы ни случилось, я никогда не смогу отдать тебе все, и потому чувствую себя скверно. Ах, любимый, ужасно — быть так

далеко и не иметь возможности видеть друг друга, когда речь идет о таких важных вещах. Ты чувствуешь, что говорить правду — это любовь, более высокое выражение любви, нежели простое „я тебя люблю“? Чувствуешь, что я хочу заслужить твою любовь точно так же, как хочу обладать ею? Ты должен прочитать это письмо сердцем, полным любви, и почувствовать, как я прислоняюсь головой к твоему плечу».

Альгрен отвечает в тот же день. Он думал посвататься к ней при следующей встрече, но теперь, после этого письма, этих мыслей, этих вопросов, приходит в себя. Для них обоих брак означал бы отрыв от дома, от Чикаго, от Парижа — вырвать себя с корнем! — и не стал ли бы такой отрыв духовным и творческим самоубийством?

Они договариваются о некой общности, она приедет к нему, он, по возможности, приедет к ней, а потом они вернутся к себе домой, чтобы затем встретиться снова. Они создают собственные правила для своей трансатлантической любви, вне условностей и права.

Август

Франкфурт-на-Майне

Мир все больше распадается. Во многих местах, одновременно, возникают мысли о третьей силе, объединенной Европе, возникает идея взорвать национальную границу и все же сохранить ее.

Может получиться. Должно получиться. Другой возможности нет. Если национализм был взрывчаткой, которая запалила Первую мировую войну, то теперь постановка под вопрос самого национализма представляется возможным путем к настоящему миру. Главное слово дня — универсализм. Эпоха национальных государств миновала. Европа должна объединиться или погибнуть.

Тут и там, сперва хаотично, но уже вскоре организованно, создаются объединения и сообщества. Публикуются тексты, обдумываются политические идеи, строятся экономические планы. Соединенные Штаты Европы?

Федерация? Координация? Беспошлинная торговля? Упразднение границ? С Великобританией? Без Великобритании? Единая Европа как мечта. Никто не может уверенно сказать что, кто и как. Никто не знает когда. Но в бывшей Германии эти мечты оборачиваются ураганом, становятся целостной визионерской картиной. Объединившись, все немецкие сообщества, разделяющие эту мечту, пишут 1 августа в совместном документе:

«Духовная жизнь Европы сможет развиваться, только если европейцы преодолеют ограничения и эгоизм национального государства. Все народы Европы, особенно немецкий, обязаны готовиться к такому развитию Европы, какое ждет нас впереди. <…> Экономические проблемы, проблемы коммуникации во всех европейских государствах, планы таможенного союза, идея общей европейской валюты — все указывает в одном направлении».

Ничего пока не произошло, путь пока не выбран, решения не сформулированы, не приняты, не ратифицированы, но все это вопрос ближайшего времени.

Манчестер, Ливерпуль, Глазго,

Лондон, Гулль, Плимут

В тот же день, 1 августа, «Дейли экспресс» публикует фотографию двух британских солдат — мертвые тела, висящие на эвкалипте.

Фото никого не оставляет равнодушным.

Несколькими неделями раньше два сержанта, Клиффорд Мартин и Мервин Пейс, были похищены в Палестине террористической группировкой «Иргун» в отместку за то, что трех членов «Иргун» приговорили к смерти за антибританские действия с применением силы.

Семьи похищенных солдат обращаются в комиссию, которая должна разрешить палестинский вопрос, с просьбой сделать что-нибудь, попытаться освободить парней, но получают отказ — все это вне ее компетенции. Отец Мервина Пейса пишет напрямую лидеру «Иргун» Менахему Бегину, умоляет сохранить жизнь его сыну, но Бегин через собственную радиостанцию «Иргун» отвечает, что все просьбы о милосердии надо направлять тем, кто жаждет нефти и крови, — британскому правительству. Ответственность и вина за происходящее целиком лежат на британцах. Когда троих еврейских террористов казнят через повешение, «Иргун» убивает своих британских заложников и минирует участок вокруг эвкалипта, на котором висят их тела.

Как тут не вспомнить прежние юдофобские выступления — например, в Лимерике в 1904 году, когда евреев забрасывали камнями, избивали, вели враждебную пропаганду и бойкотировали в течение двух лет, в результате чего, к ликованию антисемитов, множество семей уехали из города? Или бурные события 1911 года в Тредигаре, Южный Уэльс, когда шахтеры перешли к насилию и городские евреи стали козлами отпущения за царящую безработицу? Или летние ночи в еврейском квартале Лидса в 1917-м, когда заявившиеся туда молодые парни били стекла и угрожали населению? Разве здесь не просматривается хорошо знакомый образец, чуть ли не британская традиция?

В тот же день, когда первые сообщения о гибели сержантов достигают Великобритании, советы британских евреев выступают в прессе с заявлением, где решительно отмежевываются от еврейского терроризма. Вероятно, они хотят предотвратить ненависть, но их заявление не производит сколько-нибудь значительного воздействия.

Бурные события начинаются в Ливерпуле, где местные мясники объявляют, что не станут производить кошерное мясо, пока в Палестине не прекратится еврейский террор. Затем начинаются нападения на евреев и еврейскую собственность. За первые два дня в окрестностях Ливерпуля отмечено около 200

инцидентов.

В Глазго нападают на еврейские магазины, в Манчестере — на магазины и на фабрики, которыми управляют евреи. На третий день беспорядков в Четам-Хилле, Манчестер, собирается около 1000 человек, они сыплют угрозами, разгоняют еврейскую свадьбу и разбивают витрины восьми еврейских магазинов. Происходят поджоги, наряды полиции охраняют еврейские дома. Несколько полицейских получают травмы.

В Девенпорте к мастерской еврея-портного подкладывают муляж бомбы. В Плимуте и Лондоне вандалы размалевывают синагоги краской, в катфорд-хиллской синагоге на юго-востоке Лондона камнями выбивают шесть окон, а деревянную синагогу в Ливерпуле сжигают дотла. Об антисемитских инцидентах сообщают из Гулля, Брайтона и Лестера, из Лондона, Плимута, Бирмингема, Бристоля, Кардиффа, Суонси, Девенпорта и Ньюкасла. В Ливерпуле наносят еврею-адвокату тяжкие побои. В Лондоне мародеры грабят еврейские магазины, многим евреям по телефону угрожают смертью.

На четвертый день в Глазго избивают еврея, а по Манчестеру шатаются толпы. В Экклсе круглым счетом 700 человек собираются на антиеврейскую демонстрацию — в результате нанесен ущерб на многие тысячи фунтов. На пятый день бесчинства и уничтожение еврейской собственности продолжаются в Экклсе и Ливерпуле. В Бирмингеме на стене размером в полквартала огромными буквами написано: «Неевреи, соединяйтесь! Бойкотируйте еврейские предприятия!»

В Ливерпуле хозяева магазинов вывешивают таблички с надписями «Мы не евреи», чтобы воспрепятствовать мародерству. Фашисты Мосли проводят собрания и вербуют членов. Свыше 1000 человек полиция сажает под арест. Одного из них — Уильяма Ллойда — за то, что подстрекал толпу из 300 человек, выкрикивая: «Вперед! Нам не нужны здесь эти свиньи!»

Майора Джона Ригана в Экклсе арестуют за то, что он подначивал сборище из 600 человек, скандируя: «Гитлер был прав — надо уничтожить всех евреев: мужчин, женщин и детей».

Пройдут недели, прежде чем британские евреи рискнут вернуться к прежней жизни. В центре Манчестера, в районе Коллихёрст, еврейская семья выставляет перед своим магазином табличку. Текст ее гласит, что все члены семьи участвовали в операциях британских войск в Северной Африке. Они отмежевываются от еврейского террора в Палестине и добавляют: «Мы все родились в Коллихёрсте».

Число подобных табличек растет. В Ливерпуле один из торговцев информирует о своем родстве с известным

методистским пастором. Его магазин не трогают, но все остальные в округе разносят. Другие торговцы тоже оставляют четкие послания: «Успокойтесь. Это британская собственность», «Не ошибитесь снова, ребята. Владельцы этого магазина, дирекция и весь штат — стопроцентные британцы».

Нож, вонзенный в британскую общественность, без наркоза перерезает связь между «мы» и «они». Еврейский коммерсант выставляет в разбитое окно табличку с вопросом: «Это плата за то, что мой сын погиб в сражении за свою родину?»

Копенгаген

Дания — маленькая тихая страна, где ничего не случается и людям почти нечего делать, пишет Симона де Бовуар из Копенгагена 3 августа. Поэтому самое незначительное событие вырастает до огромных размеров. Самое лучшее в датской столице — гавань с ее выпивкой, танцами, барами, матросами и здоровыми, весьма пригожими девушками.

Женева

У комиссии ООН есть еще несколько недель, чтобы разрешить палестинский конфликт. В конце августа все должно быть завершено.

Шестого августа они начинают с самого простого в этом ворохе очень непростых нитей — с британского мандата над Палестиной. Надо положить ему конец. Все согласны.

Прояснив этот вопрос, делегаты переходят к обсуждению альтернативы британскому мандату, и теперь речь идет о возможных и невозможных вариантах, категоричных и противоречащих один другому. Часто звучит слово «самостоятельность». Но чья? И какая? Звучит и понятие «самоопределение», с тем же знаком вопроса.

Австралиец и чех говорят о временной опеке над территорией, впредь до новой оценки ситуации. Голландец говорит о переходном периоде. Они сомневаются, тревожатся, хотят еще немного выждать. Швед и канадец, напротив, решительно выступают за идею разделить Палестину на два государства, хотя на управление смотрят по-разному. Эмиль Сандстрём, председатель, действительно имеет в виду два отдельных национальных государства, тогда как Айвен Ранд из Канады ратует за два государства, связанных между собой

экономически и социально, но управляемых совместно евреями, арабами, а также сторонами, находящимися за пределами конфликтной территории. Дальше в этот день не продвинулись. Сделали достаточно большой шаг? Или недостаточно большой? Кто знает.

На следующий день обстановка накаляется. Обсуждается то, что они называют «экстремальными решениями». Неожиданно все делегаты единодушны: самое горячее желание каждой из сторон — арабов и сионистов — исполнять нельзя. Остаются три варианта с болезненными компромиссами: бинациональное государство, федерация двух самостоятельных субъектов, раздел.

Еще один человек старается завязать контакт с комиссией и ее председателем Эмилем Сандстрёмом, чтобы пробить брешь в блокаде и отыскать разумное решение неясной судьбы палестинцев, — Муса аль-Алами. Несмотря на свое положение в Высшем мусульманском совете, аль-Алами отрицательно относится к верховному муфтию и его взглядам.

Но слух о назначенной секретной встрече доходит до верховного муфтия, и он немедля переходит в контратаку. По его наущению арабская пресса утверждает, будто аль-Алами втайне поддерживает план раздела Палестины и даже сотрудничает с сионистами. Вместо беседы с Сандстрёмом Муса аль-Алами вынужден вернуться домой, чтобы защитить свою честь. Однако он все-таки пишет меморандум, где разъясняет арабскую позицию не только комиссии ООН, но и всему миру, — «Будущее Палестины». Позднее ее опубликует арабское представительство в Лондоне.

Муса аль-Алами полагает, что хотя еврейские переселенцы окультуривают пустыню и строят новую инфраструктуру, арабов это не воодушевляет. Экономика развивается, но люди не становятся от этого меньшими националистами и не проявляют большего интереса к политике. Наивно думать, что по экономическим причинам они с готовностью откажутся от своей земли и прав.

И ООН, и сионисты, подчеркивает он, совершенно не учитывают подлинную причину сопротивления палестинских арабов, а именно их глубокое ощущение, что происходит несправедливость. После долгих лет британского мандата и угнетения они жаждут самостоятельности, и мысль, что родная земля опять окажется под чужим управлением, причиняет им огромную боль. Никакие экономические преимущества, никакой прогресс не могут свести на нет это глубокое и сильное коллективное чувство.

Муса аль-Алами предлагает англичанам взять на себя

ответственность за нынешнюю ситуацию и выработать компромиссное решение, приемлемое для остальных арабских государств, — тогда он сам сможет отстранить верховного муфтия от политической власти. Но сигналы об альтернативных решениях необходимо подавать с большой осторожностью. Все критики верховного муфтия хаджи Амина аль-Хусейни действуют очень осмотрительно, поскольку открытое противодействие грозит смертью.

На самом деле усилия Мусы аль-Алами никак не повлияют на будущее Палестины.

Как они выглядят, эти десятеро мужчин за столом в Женеве? Канадец Айвен Ранд, Карел Лисицки из Чехословакии, индиец сэр Абдур Рахман, Хорхе Гарсиа Гранадос из Гватемалы, иранец Насролла Энтезам, голландец Николаас Блом, Альберто Ульоа из Перу, Энрике Фабрегат из Уругвая, Владимир Симич из Югославии и швед, председатель Эмиль Сандстрём. Они торжествуют, огорчаются, смеются? Одиннадцатый их коллега, австралиец Джон Худ, разъезжает по европейским лагерям беженцев. Они сожалеют, что взялись за такую задачу, эти люди, которым поручено разрешить палестинский конфликт? Без малого через месяц они должны представить свое решение.

Идею бинационального государства поддерживают лишь четверо. Еще меньше одобряют федерацию. Только швед-председатель считает, что предпочтение надо отдать большому самостоятельному еврейскому государству, хотя раньше выступал за федерацию.

Перуанский делегат, разумеется, поддерживает идею самостоятельного государства, однако при условии, что оно будет маленьким, что дальнейшая еврейская иммиграция прекратится и что в пределах еврейского государства ни в коем случае не останется арабского меньшинства. В совокупности его условия совершенно неприемлемы для сионистов, да он и сам не верит в свое предложение.

По мнению одних делегатов, большой плюс, если регионом сообща с арабами и сионистами будет управлять ООН или некая третья сторона. Другие же полагают оптимальным вариантом федерацию — дескать, пусть локальные проблемы и решаются локально.

Может быть, оставить Палестину на десять лет под опекой ООН, ограничить еврейскую иммиграцию, и тогда все закончится созданием единой самостоятельной страны? Так считают индийский и иранский делегаты.

Пора формулировать предложения, но еще совершенно неясно, какой именно путь выберет комиссия ООН по

разрешению палестинского конфликта. Иные секретари и помощники из ее окружения имеют доступ к материалам обсуждений. Не определились пока, говорит один. Все расплывчато, говорит другой. Обсуждение ходит кругами, подытоживает третий.

Америка

Последний опрос Гэллапа показывает, что в настоящее время девять из десяти американцев знают о летающих блюдцах. Половина знает о плане Маршалла.

Щурово

Двенадцатого августа Михаил с предельным вниманием следит за последними испытаниями. Из всех участников конкурса, объявленного Сталиным, остались только он и еще двое конструкторов. Их изобретения швыряют на цементный пол, топят в болоте, зарывают в мелкозернистый песок, так что каждая щелка, дуло, каждая полость забиваются грязью и пылью.

Его оружие не проходит испытания, но и другие тоже не проходят. Поэтому он вряд ли догадывается, что это изобретение прославит его имя на весь мир.

Германия

Комиссия ООН по разрешению палестинского конфликта случайно разделяется. Одни делегаты обсуждают решение в Женеве, тогда как другие 8 августа уезжают в Германию. В монастыре Индерсдорф они посещают 175 еврейских детей, в большинстве из Польши. В Ландсберге живет 5000 еврейских беженцев, в большинстве из Польши. В Бад-Райхенхалле — 5500 еврейских беженцев, в большинстве из Польши.

Далее Австрия. В венской больнице Ротшильд-шпиталь находятся 4000 еврейских беженцев из Румынии. В соседней школе — еще 2250 еврейских беженцев, тоже из Румынии.

Далее Берлин. В Дюппель-центре живут 3400 еврейских беженцев, в большинстве из Польши.

В лагере Хоне близ Берген-Бельзена находятся 9000 беженцев, в большинстве из Польши.

Делегаты расспрашивают 100 из этих изгнанных, отринутых и

перемещенных. Проводят своего рода опрос. Никто не хочет возвращаться туда, откуда они приехали.

Стремятся только в США? Может быть, в Великобританию? Но поскольку ни одна из этих великих держав не желает пускать беженцев, остается лишь один ответ.

В о п р о с. Как вы стали беженцем?

О т в е т. С 1941 года до июля 1944-го я находился в варшавском гетто. Потом меня отправили в Дахау. Потом Дахау освободили, и меня послали в Ландсберг, в лагерь для беженцев.

В о п р о с. Вы хотите вернуться в Польшу?

О т в е т. Нет. Там были убиты мой отец, братья и сестры. Ненависть к евреям растет, и погромы становятся все более обычным делом.

В о п р о с. Хотите эмигрировать в другую страну?

О т в е т. Да. Но только в мою собственную, в Палестину.

В о п р о с. Почему?

О т в е т. Когда сидел в концлагере, я понял, что мое будущее только в *моей* стране, и это стало единственным поводом, чтобы выжить. Иначе в моей жизни нет смысла. Если я не попаду в Палестину, лучше умереть.

В о п р о с. Вы подавали до войны прошение об эмиграции в Палестину?

О т в е т. Нет.

В о п р о с. До войны вы считали Палестину своей страной?

О т в е т. Я всегда думал прожить свою жизнь там, где хорошо и свободно, но в последние годы понял, что ни в какой другой стране, кроме Палестины, это невозможно.

Представители комиссии ООН ошеломлены условиями, в каких живут почти 10 000 беженцев, находящихся в Вене, — нищетой, грязью и скученностью. Власти больше не принимают людей, но и не берут на себя ответственность за их переселение в другое место. Невозможно, бесчеловечно, проблема, срочно требующая решения. Будто сейчас, спустя два года после войны, война все еще продолжается.

Проведя целую неделю среди беженцев от геноцида, делегаты возвращаются в Женеву и заявляют Эмилю Сандстрёму и другим делегатам: *cul-de-sac*[50]. Выхода нет.

В это время они получают также трехстраничный документ от ливанского контактного лица, посредника между Лигой арабских государств и комиссией ООН по палестинскому вопросу. Он посетил верховного муфтия, просил о хоть какой-нибудь надежде на перемену, но верховный муфтий непоколебим. И контактное лицо берет ручку и бумагу и записывает от руки результаты своих усилий. Этот документ станет последней попыткой арабской

стороны отвергнуть сионистское требование о собственном государстве, три самых сильных аргумента таковы.

Раздел полностью противоречит праву палестинских арабов на самоопределение и вообще их демократическим правам.

Бинациональное государство или федерация двух государств никоим образом не отвечают воле народа.

Палестинские арабы не виноваты в гитлеровском геноциде, почему же они должны за него расплачиваться?

Документ завершается пророчеством: если что-либо из вышеназванного все же произойдет, есть серьезные причины для страха, ибо реакция будет весьма опасной.

Контактное лицо доверительно сообщает одному из делегатов комиссии ООН, что он весьма удручен, поскольку не может воздействовать на комиссию. Если никто не лишит верховного муфтия власти и не изменит арабскую позицию, дело палестинцев проиграно.

Карачи[51] & Дели

Полночь. Великая минута. Пакистан и Индия становятся двумя независимыми самостоятельными государствами. Более 10 миллионов человек вынуждены сняться с места, мусульмане направляются в одну часть континента, индусы — в другую.

Если бы эта минута существовала. В Пакистане полночь наступает на полчаса раньше, чем в Индии. И хотя все происходит одновременно, две новые нации празднуют свою самостоятельность в разные дни.

Лос-Анджелес

«Я сознаю тот факт, что пройдет не одно десятилетие, прежде чем можно будет ожидать понимания моей работы, — утверждает композитор Арнольд Шёнберг. — Восприятие и у музыкантов, и у слушателей должно созреть».

Мир вступил в атомную эпоху, чей саундтрек звучит диссонансом и заряжен идеологией. Американцы трактуют музыку Шёнберга как большевизм, им не по нраву, что все звуки независимы друг от друга и равноценны.

Теперь Арнольд Шёнберг применяет свой композиторский метод — не допускающий никаких предпочтительных гармоний и аккордов, явственно созвучный новому времени — и соединяет его со свидетельствами о восстании евреев в Варшаве. Сводит

воедино сопротивление, унижение и смерть и сочиняет кантату «Уцелевший из Варшавы» для рассказчика, хора и оркестра. Произведение длится шесть минут, с английским текстом, и пишет он его за одиннадцать августовских дней. Встречающиеся там немецкие реплики, по замыслу Шёнберга, должны произноситься с прусским акцентом, как встроенное обвинение.

Газовые камеры вторгаются в классическую музыку, насилие сталкивается с мольбами, смерть с восстанием, угнетатели с угнетенными. Восставшим евреям пришлось уйти в систему варшавской канализации, чтобы скрыться от своих преследователей.

Женева

Одиннадцать человек сидят за столом. Федерация? Раздел? Границы? Самоопределение? Опека? Шестнадцатого августа дискуссия о Палестине опять ничуть не приближает их к решению.

Нью-Йорк

Тьма внутри него истекает во тьму окружающего мира. В линованном блокноте Рафаэль Лемкин снова и снова карябает: *Quo vadis?* — Камо грядеши? Разный почерк, разный нажим, в разных оттенках черного. Десять, пятнадцать, двадцать вариантов: *Quo vadis?* А вперемежку вопрос: «Почему?» Он спрашивает, но ответа не получает.

Лемкин заболевает, оттого что западный мир без слова протеста допустил геноцид. А значит, убитые люди убиты дважды — и не только они, убивают и правду. Некоторые называют его безумцем. Да, мир сводит его с ума. Но это уже не имеет значения. Ничто не имеет значения, ни финансовое положение, ни честь, ни материальные ценности, ни хорошая жизнь, все становится прахом, пустяком, суетной мелочью. Можно ли сетовать на болезнь, бессонницу, кошмары, можно ли утверждать, что августовская жара в Нью-Йорке невыносима, когда никакую жару не сравнить с печами Дахау и Освенцима? Поскольку у него нет денег на врача, он сам ставит себе диагноз: геноцидит. Болезнь от геноцида.

Стокгольм

А шведы, пишет 17 августа Симона де Бовуар, скучнейший из народов. Они до того скучны, что не живут, а зевают, им так скучно, что они развлекаются, наводя скуку на других.

Джура

Жить Джорджу Оруэллу остается недолго, и, возможно, он об этом догадывается. Но ни капли страха не проникает через перо в дневник. Даже когда он простыми словами описывает происшествие 19 августа, когда лодка с ним самим, его трехлетним сыном и двумя друзьями попадает в водоворот. Мотор обрывается и тонет в глубинах Атлантики, они на веслах идут к Илен-Мору, необитаемому острову, а затем водоворот — мужчины в воде, лодка с трехлетним малышом вертится в воронке. Они успевают выхватить мальчика. Весла, провиант, груз — все пропало. На острове, где они спасаются, нет деревьев, но они собирают траву, с помощью зажигалки Оруэлла разводят костер и сушат одежду. Через три часа мимо случайно проплывают рыбаки и отвозят их домой, в дом на Джуре. Если мысли о конце жизни и пугают Оруэлла, дневник этого не выдает. «Все чуть не утонули», — пишет он. Не больше и не меньше.

Нюрнберг

Повсюду в Европе параллельно проходят судебные процессы — в Кракове, Нюрнберге, Гамбурге, Венеции. Измеряется и записывается размах жестокого насилия. Юристы и все более равнодушная общественность собираются вокруг черных дыр морали, пытаются нащупать дно. В этом году начинаются, продолжаются или заканчиваются нижеследующие судебные разбирательства.

› Процесс против генерал-фельдмаршала Эрхарда Мильха, обвиняемого в военных преступлениях и преступлениях против человечности.

› Процесс против 16 юристов и судей, ответственных за законы, допустившие убийство по соображениям «расовой гигиены».

› Процесс против Освальда Поля и других офицеров СС за их активное участие и организацию так называемого «окончательного решения».

› Процесс против Фридриха Флика и других, в частности за использование рабского труда на их промышленных

предприятиях.

› Процесс против руководства «ИГ Фарбен»[52], в частности за использование рабского труда на предприятиях и за изготовление смертоносного газа «циклон-Б».

› Процесс против 12 генералов, в частности за массовое убийство гражданских лиц в Греции, Югославии и Албании.

› Процесс против 14 офицеров, ответственных за этническую чистку через насильственные аборты, похищение детей и изгнание населения.

› Процесс против директоров концерна «Крупп»[53] за использование рабского труда.

› Процесс против 14 высокопоставленных военных, обвиняемых в преступлениях против мира, военных преступлениях и преступлениях против человечности.

› Процесс против врачей и медсестер центра Хадамар, виновных в убийстве тысяч людей с пороками развития и душевнобольных.

› Процесс против охранников Освенцима.

› Процесс против Рудольфа Хёсса, коменданта Освенцима.

› Процесс против айнзацгрупп.

Двадцатого августа выносят приговор 23 врачам, обвиняемым в медицинских опытах на узниках лагерей. Кое-кто из них защищается, говоря, что их эксперименты не отличаются от аналогичных опытов, проводимых американскими и немецкими докторами. По их мнению, не существует международного закона, который разграничивает законные и незаконные опыты на людях.

Эти заявления тревожат двух врачей, прикомандированных к обвинению, и они формулируют условия проведения экспериментов на людях таким образом, чтобы они были совместимы с врачебной этикой. Прежде всего они устанавливают, что опыты на людях должны быть добровольны. Исследования должны иметь для общества положительные последствия, а риски для испытуемых должны быть минимальны. *Нюрнбергский кодекс* становится частью приговора, будущей исследовательской этики и Декларации о правах человека, которая пока только формулируется. Аморальность надлежит победить моралью.

Становится ли мир в этот день чуточку лучше?

Мальмё

Пер Энгдаль — худой, фигурой похожий на птицу. Картины

его воображения огромны, словно дворцы. Из-за плохого зрения он освобожден от воинской службы, но оружием ему служат слова — он собирает их, использует, вострит. Когда Пер Энгдаль выступает перед публикой, слушателей охватывает странное возбуждение, словно он — это центр, а все остальное — периферия, он притягивает их к себе.

У него есть мечта, и следующие двадцать лет своей жизни он посвятит ее осуществлению. И мечта растет, паучья сеть растет, растет и слава Пера Энгдаля. Разговоры о «националистическом взаимодействии», ведущиеся в переписке, по телефону и через посланцев Пера Энгдаля, учащаются, набирают энергии. Скрытые, без свидетелей, никто не докажет, что они были.

То, что занимает его в эти дни, принесет плоды. Первым зримым камнем постройки, первой манифестацией, которая всего лишь тремя годами позже повергнет в ужас окружающий мир, становится большая конференция в Риме. Первого октября 1950 года нацистские лидеры из Италии, Великобритании, Испании, Португалии, Франции, Швейцарии, Австрии, Германии, Голландии, Бельгии и Швеции соберутся на конференцию. Черный цветок распускается.

Меж тем как демократически настроенные люди преисполняются идеей универсализма, фашизм мутирует от национализма к международному национализму. К идее о растворении всех в общем белом теле с общим черным сердцем.

Итальянское социальное движение продолжает идеи Муссолини, несет их, словно негасимый факел. Вокруг него существует сеть, нити которой протягиваются к фашистам и нацистам в Австрии, Швейцарии, Великобритании, Франции, Бельгии, Нидерландах, Скандинавии, Испании, Латинской Америке и на Ближнем Востоке.

Вокруг лидера шведских фашистов Пера Энгдаля тоже сплетена сеть, как и вокруг британца Освальда Мосли. Вскоре эти сети соединяются, все идет по плану создания третьей Европы, не капиталистической и не коммунистической, — бастиона, который будет строить свою экономику на сырье промышленности африканских колоний и оставит демократию на произвол ее немощной судьбы.

Итак, конференция в Риме, 22–25 октября 1950 года. Перед поездкой туда Энгдаль учит итальянский, что принесет и результаты, и авторитет. Трудно сказать почему, то ли из опасения, что его остановят или забросают грязью, то ли из тщеславия и тоски по легитимности, — так или иначе он завязывает контакт с высокопоставленным чиновником из американского министерства обороны. И в одном из писем

подчеркивает антикоммунистические цели Римской конференции. В ответ приходят пожелания удачи, написанные на официальном бланке Пентагона. В боях холодной войны враг врага становится другом.

Освальд Мосли, лидер английских фашистов, тоже присутствует на конференции. Как и Карл-Хайнц Пистер, выходец из верхушки гитлерюгенда, который заявляет:

«В то время как Россия пытается большевизировать Европу, Запад пытается колонизировать нас. <…> Надо встретить угнетателей Германии и Европы сопротивлением, поэтому фронтовое поколение протягивает руку всем национальным силам во всех странах, чтобы в сотрудничестве сделать Европу третьей мощной силой во всем мире. Фронтовое поколение во всех странах сможет достичь этого, если уничтожит препятствия вроде провинциального национализма и чуждых демократических принципов».

Пер Энгдаль подхватит заявление Пистера и изложит свой план структуры и администрации, которые сделают все это возможным. Аплодисменты. Целостная централизованная Европа с сильным руководителем.

Далее конференция решает установить контакт с *Asociación Argentina Europa*[54], комитетом, который возглавляет один из лучших пилотов нацистской Германии, Ханс-Ульрих Рудель. Он принадлежит к числу тех, кто вместе с Ватиканом организует для нацистов пути бегства.

Римская конференция 1950 года станет успехом правых экстремистов, а Пер Энгдаль — ее королем. Десять пунктов, которые он формулирует касательно европейского будущего, *Carta di Roma*[55], принимаются как официальный заключительный документ. Слово «демократия» там вообще не фигурирует.

Участники конференции намерены собраться вновь, и в скором времени. Но лучше в более тихом месте, нежели Рим, где-нибудь, где нацистская оккупация не омрачила образ авторитарного будущего, сборный пункт на периферии, подальше от глаз антинацистского мира. Ответ приходит от Пера Энгдаля и звучит так: Мальмё.

Придет день, когда национал-социализм восстанет в новой форме и вновь будет маршировать, говорит Пер Энгдаль. Первым шагом станет его Мальмёская конференция в мае 1951 года. Участников приглашают со всех концов Европы. Пер Энгдаль связывается со шведским премьер-министром Таге Эрландером, и тот обещает, что ходатайства зарубежных гостей о визах будут рассматриваться в срочном порядке.

Но все идет не вполне так, как планировалось. В последнюю

минуту Освальд Мосли сообщает, что не сможет присутствовать, вероятно по причине разгорающегося конфликта с Карлом-Хайнцем Пристером.

В ходатайствах о визе приглашенные немцы указывают личные причины поездки в Мальмё. Один пишет, что хочет повидать родственников, другой намерен выступить с лекциями по радиотехнике, третий хочет съездить в Швецию, чтобы «встретиться и поговорить лично после переписки». Однако шведское Бюро по делам иностранцев получает от западногерманской полиции секретную информацию о нацистской деятельности гостей. В частности, один из приглашенных представляет нацистский журнал «Дер вег». Ему и еще шестерым немцам в шведских визах отказано. В том числе Карлу-Хайнцу Пристеру с супругой.

Что касается грозного полковника Отто Скорцени, проживающего пока что в Мадриде, то Пер Энгдаль очень хочет, чтобы он смог участвовать. Скорцени приобрел широкую известность, поскольку по личному желанию Гитлера выкрал Муссолини из плена. После войны он был арестован в Дармштадте, где получили информацию о том, что он организует агентурную сеть для вывоза нацистов из страны. На первых порах эта сеть носит название «Братство», затем, кажется, «Одесса»[56], но подтверждений тому найти так и не удалось. По слухам, он также создал в Германии сеть надежных укрытий для белых беглецов, под названием «Шпинне» («Паук»). Но что здесь правда, что тайна, что миф, а что чистейшая выдумка, неясно. При невыясненных обстоятельствах Скорцени удается бежать из-под ареста в Испанию.

Шведская тайная полиция очень обеспокоена тем, что Энгдаль поддерживает связь с такой «опасной» персоной. Теперь этот человек включен в список участников конференции в Мальмё, и Пер Энгдаль обращается к шведским властям с особой просьбой принять ходатайство о визе для Скорцени.

Но происходит нечто неожиданное. Другие немцы решительно протестуют против присутствия Скорцени. Энгдаль вынужден дать полный отбой, звонить ответственному чиновнику Бюро по делам иностранцев и просить его отклонить ходатайство Скорцени.

Кстати, премьер-министр Таге Эрландер держит свое обещание о быстром реагировании: отказы приходят уже через неделю.

Тем не менее в 1951 году в Мальмё, в гостинице «Крамер» на площади Стурторгет, встречаются около 60 европейских нацистов и фашистов, они строят планы. Так рождается Европейское, или

Мальмёское, социальное движение. Эта сеть намерена построить новую Европу без чужеродных элементов, без коммунистов, без феминизма и без демократии.

Центром движения становится Мальмё, руководство осуществляет совет четырех, куда вошли лидер Итальянского социального движения и фашист Аугусто де Марсанич, немецкий нацист Карл-Хайнц Пристер и мсье Морис Бардеш. Возглавляет четверку швед Пер Энгдаль, паук в большой паутине, корреспондент в большой корреспондентской сети, идеолог, который вместе с ближайшими сподвижниками опутывает своими идеями всю Европу, словно добычу.

В проекте резолюций и в предложениях можно вычитать их тон, мечты и амбиции:

«После тысячелетних раздоров между европейскими народами и полувековой уничтожительной войны, которая подорвала мировую экономику и повлекла за собой несказанное обнищание, западноевропейские народы и их культура оказались на краю пропасти. Чтобы не допустить окончательной гибели, необходимо оставить проторенные дороги мировой политики и начать новую эпоху человеческого прогресса».

До нового мира рукой подать. Его построит фронтовое поколение. Основу заложат десять пунктов, собранные в документе, который заканчивается такими словами:

«Материальный уровень жизни зависит от уровня морального. Социальный и экономический прогресс невозможен без прогресса морального. Европейское обновление должно одновременно быть духовным обновлением человека, общества и государства».

Необходимо затронуть и расовый вопрос. Можно ли использовать это слово в Европе после… ну да, все знают. Швейцарские нацисты четко видят:

«Под „культурой“ мы понимаем самое для себя святое. Культура есть выражение расы. Она исчезнет, если исчезнет раса. Вот почему главная наша цель — сохранение нашей культуры — включает и защиту нашей расы. Поскольку с точки зрения расы европейские народы родственны друг другу, существует европейская культура. Для защиты европейской культуры мы создадим континентальное единство».

Пер Энгдаль и Морис Бардеш — оба поэты, журналисты, словесники. Они знают, что язык — носитель ценностей и оценок. Невозможно установить, кому первому приходит мысль, откуда идет влияние, но начинается сдвиг, от одного к другому. От расы к культуре.

Позднее Бардеш заявит, что именно это — замена идеи

наследственности идеей культуры — намного облегчает развитие правоэкстремистского движения. Ведь можно «признавать, даже утверждать расовые различия, но одновременно называть себя противником расизма».

Немецкие фашисты хотят накопить денег на помощь нацистским военнопленным. Итальянские фашисты утверждают, что конституция «государства Европа» будет органическим выражением европейской души, и подчеркивают принцип неоспоримого культурного превосходства Европы над всем остальным миром.

Знаменательные дни, знаменательные мысли. Штурмовик Херберт Бёме сообща с эсэсовцем Артуром Эрхардтом, служившим под началом Гиммлера, учреждают ежемесячный иллюстрированный журнал. В редакционный совет из пяти человек входит — разумеется — Пер Энгдаль. А труд его жизни, книга под названием «Обновление Запада», принимается за идеологическую основу движения.

Идеи распространяются быстро, сети ширятся. Присоединяются около сорока движений по всей Европе. Одно из них — венгерское, под руководством генерала Арпада Хеннеи. Его организация считается продолжательницей нацистских и глубоко антисемитских «Скрещенных стрел». Он также возглавляет военную боевую организацию и состоит в редакционном совете газеты «Út és Cél» («Цель и путь»), которую в Австрии запрещают по причине крайне антисемитского содержания и откровенно нацистского характера. Редакция переезжает в Западную Германию.

Все это произойдет в ближайшие годы. Шаг, который Пер Энгдаль предпринимает сейчас, в 1947-м, слова, которые произносятся громко и шепотом, планы, которые получают одобрение, все ведут вперед, в общее фашистское будущее. Произойдет еще много всего.

Пор-де-Бук

Больше так нельзя. Беженцы на борту британского корабля в Пор-де-Буке просто не могут там оставаться, неделя за неделей жаркого августа. Некоторые называют британский военный корабль плавучим концлагерем. Может быть, лояльный друг Великобритании, Дания, все-таки примет этих людей?

Вопрос осторожно направляют датскому правительству, оно отвечает отказом. Дании и без того нелегко, ведь она уже приняла 250 000 немцев, бежавших от Красной армии из Восточной

Пруссии и других районов Восточной Германии.

У Великобритании остается только один выход.

Когда до американского Госдепартамента доходят слухи о том, что́ задумали англичане, они категорически не советуют. Общественное мнение, пишут они британцам. Чувства. Вы же все-таки не всерьез? Это может даже повлиять на американо-британские взаимоотношения, пишут они.

Но британцы тверды в своем решении. Они не могут допустить, чтобы евреи нелегально пробрались в Палестину, так как действующее соглашение с арабами допускает ежемесячно только 1500 иммигрантов. Кроме того, аргументируют британцы, они не хотят рисковать, не хотят воздействовать на комиссию ООН по палестинскому вопросу. Но, как выяснится, именно их решение вскоре толкнет мировые симпатии в сторону сионистов.

Двадцать второго августа решение сообщают беженцам с «Исхода», а тем самым и всему миру. Более 4000 человек, размещенных сейчас на борту трех британских кораблей, должны в течение суток сойти на берег во Франции. Иначе их отвезут назад, в Германию.

Мир изумлен. В Германию? Во прах Европы, прямо на место убийств? Пор-де-Бук полон журналистов, которые рассылают новость во все концы, а осуждение в кругах общественности между тем набирает силу. Это же триумф Гитлера — демократические страны заставляют евреев вернуться в Германию, откуда их только что вызволили. Протесты продолжаются, когда беженцев силой заставляют сойти на берег в Гамбурге. Великобританию обвиняют в жестокости, бесчеловечности и называют варварской, холодной, слепой и бескомпромиссной.

Только автор передовой статьи в «Нью-Йорк таймс» обращает взгляд к собственному правительству и его политике и констатирует, что, если бы США открыли после войны свои границы, эти измученные беженцы были бы сейчас полезными для общества американскими гражданами. Расточительство, увы.

Женева

Комиссия ООН собирается в Женеве, чтобы проголосовать по палестинскому вопросу. Прямого пути нет. Выработано два варианта. Один — федерация двух провинций, еврейской и арабской, где иммиграция ограничивается так, чтобы еврейское население не оказалось в большинстве. Второй — создание двух самостоятельных государств в экономическом союзе, план, не

детализированный касательно границ и касательно Иерусалима. Возникают раздоры. Делегаты меж двух огней. Мотивы меняются.

В первой половине дня перуанский делегат заявляет, что, поскольку в плане раздела отсутствуют важные детали, он поддержит предложение о федерации.

Швед, канадец и делегаты Гватемалы и Уругвая ратуют за решение в пользу двух государств, однако не согласны касательно проведения границ.

Неожиданно для всех австралиец говорит, что им надо поставить точку и передать все в Генеральную Ассамблею ООН. Голландец и чех рады возможности избежать голосования, тогда как председатель Эмиль Сандстрём никоим образом не может согласиться, что комиссия так и не выполнит свою задачу, то есть не представит предложение по разрешению проблемы. Тупик, застой, порочный круг. Осталось всего три дня, чтобы дать миру ответ на вопрос о Палестине.

Однако затем приверженцы федерации предлагают вынести на обсуждение Генеральной Ассамблеи ООН оба варианта — федерацию и раздел, независимо от того, как проголосует комиссия. Страсти унимаются, можно перейти к голосованию.

Перуанец сообщает, что изменил свою позицию и может проголосовать за раздел Палестины, если Иерусалим останется под международным контролем. Австралиец от голосования воздерживается. Трое делегатов голосуют за федерацию. Семеро — в пользу двух государств. Теперь в их распоряжении два дня, чтобы подробно сформулировать два предложения, которые будут вынесены на голосование Генеральной Ассамблеи. Некоторые работают 24 часа без отдыха.

Тридцать первого августа одиннадцать делегатов собираются на первом этаже женевской штаб-квартиры ООН, чтобы окончательно завершить работу над решением палестинской проблемы. Свой доклад члены комиссии подписывают в алфавитном порядке. За минувшие три месяца они получили свыше 27 000 писем, открыток, звонков, памятных записок и коммюнике. Они устали.

Совсем недавно вопрос о Палестине и будущем был открытым. Теперь одиннадцать человек из нейтральных стран сформулировали свой ответ и скрепили его подписями.

Ровно 49 лет и 364 дня прошло с тех пор, как Теодор Герцль организовал в Базеле сионистский конгресс, а потом записал в дневнике: «В Базеле я основал еврейское государство. Если бы я громко заявил об этом сегодня, ответом мне был бы общий смех. Но через пять и, уж во всяком случае, через пятьдесят лет это признают все».

Сирия

Ровно 300 участников ассоциации «Братья-мусульмане» проходят военную подготовку в сельскохозяйственной школе в Латакии. В учебный план включены также спортивные занятия и лекции руководителей движения.

Хасан аль-Банна публикует в еженедельнике «Аль-ихван аль-муслимун» («Братья-мусульмане») статью под названием «Пусть дует райский ветер». Если евреи готовятся к войне, мусульмане поступят так же.

Сентябрь

Стокгольм

В комнате, окно которой выходит во двор, сидит женщина и пишет. Крошечная кухня, на веревке сушится белье, рукава, пустые объятия от стены до стены. Жилище, сердце, нутро. Помещение словно вывернуто наизнанку, в нем есть все, кроме него самого.

Она пишет ночами. Так спокойнее всего, в тишине, в одиночестве. Слышно только дыхание матери да хрипы труб в стене, приветы из другого мира, который быстро становится враждебным. Она пишет ночь. Или ночь пишет ее?

Чтобы не разбудить мать, она не зажигает свечи. Слова ложатся на слова, тьма на тьму. Текст наслаивается сам на себя, когда она заполняет те же листы бумаги новыми стихами, мыслями и зачеркиваниями. Ночь за ночью, стих за стихом. Нелли Закс. Звезд не видно.

Баннвальдзее

Журнал «Дер руф» мертв, но Ханс Вернер Рихтер и его друзья-писатели намерены продолжать. Как-то раз в выходные они собираются у озера Баннвальдзее, где у одного из них есть летний домик. Всем семнадцати велено захватить с собой продуктовые карточки. Они встают в четыре утра, выплывают в лодке на озеро — к завтраку будет жареная рыба. Роскошь и чудо среди разрухи, которую они зовут родиной.

Вокруг вонючие развалины, они хотят описать их и одновременно отстроить заново. Не оглядываясь назад, не ища виновных — рассказать об осколках неба, что виднеются сквозь пробитую крышу, а еще о людской надежде и безнадежности и о собственной вере, что может возникнуть нечто иное. Генрих Бёлль и Гюнтер Грасс — среди тех, что будут участвовать, читать друг другу свои тексты, отображать собственное творчество и творчество друг друга, принимать почести, а потом оставят ее позади, «Группу 47»[57].

Кембридж, Массачусетс

Есть тысячи причин вскрыть механизм часов.

Измерение времени подчинено механизму. А он состоит как минимум из шести зубчатых колесиков, которые приводят друг друга в движение, так что каждая стрелка движется с точно надлежащей скоростью. Еще там есть заключенная в коробку плоская пружина. И связанный с нею зубчатый обод. Маятник качается туда-сюда — тик-так, тик-так. А колебания между тиканьями называются временем.

Грейс Хоппер интересуется вычислениями. В семь лет она вскрывает все семь часов в доме. После чего родители определяют ее учиться физике и математике. Через всю ее дальнейшую жизнь проходит вереница безымянных задач, потому что придумывает их она сама. Грейс Хоппер все больше вбирает в себя будущее.

Сейчас она в Гарвардском университете, куда ее направили для прохождения добровольной военной службы в должности математика ВМФ, хоть она и женщина. (Ее начальник, блестящий мистер Эйкен, не перестает подчеркивать сей факт.)

Электромагнитная вычислительная машина «Марк-II» огромная, занимает целую комнату. На часах примерно 15:25–15:45, 9 сентября, «Марк-II», по обыкновению, опять не действует. Грейс Хоппер знает «Марк-II» не хуже, чем его предшественника «Марк-I», оно и неудивительно: после долгих дежурств, когда приходилось тщательно отмечать в журнале все поломки и все успехи. Сейчас она влезает в ЭВМ, отработанными приемами ищет дефект. Тропинки внутри машины прекрасно ей известны. И все же: сбой, аномалия.

В панели F, реле № 70, она находит причину: сбой вызвала ночная бабочка. Грейс Хоппер записывает в рабочем журнале: «First actual case of bug being found»[58].

Джура

Одиннадцатого сентября Джордж Оруэлл записывает, что ему нужно купить тачку и что тираж «Скотного двора» полностью распродан. В общей сложности за это лето он и его сестра Аврил собрали 777 яиц.

Вестерос

Возможность для кого угодно стать кем угодно называют американской мечтой, будто все люди теперь мечтают стать

другими, более значительными и богатыми, чем они есть, мечтают о жизни как в цветном кино. Только вот Европа — черно-белая фотография. Неудивительно, что Эрлинг Перссон едет за вдохновением в Нью-Йорк.

На 37-й улице расположен дешевый универсальный магазин «Лернер» с модной дамской одеждой, которую можно быстро изменить, когда меняется тренд. Низкая стоимость изготовления, маленькие склады. Идея ему нравится, и он берет ее на вооружение.

Дома в Вестеросе отец Эрлинга закрывает собственное дело и вкладывает средства в проект сына. Старый рыбный магазин перестраивают в четырехэтажный магазин готового платья, мода — такой же скоропортящийся товар, как свежевыловленный лосось. Пятнадцатого сентября местная «Вестманландс ленс тиднинг» пишет, что сегодня на Стурагатан в Вестеросе открывается «очаровательный магазинчик». Впервые в стране городские модницы могут теперь постоянно обновлять свой гардероб в «дамском раю», причем не разоряясь. Магазин «Хеннес» («Все для нее»), позднее «H&M» («Хеннес & Мауриц»), имеет огромный успех.

Голливуд

Пора разобраться с коммунизмом в Голливуде. Киноиндустрия издавна слывет местом сбора левых симпатизантов, а поскольку кино как таковое — мощный инструмент пропаганды, чрезвычайно важно очистить его от антиамериканских элементов. Пора принять меры.

Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности, HUAC[59], выезжает в Голливуд и опрашивает 41 так называемого добровольного свидетеля. Эти люди называют определенные имена — режиссеров, сценаристов, актеров. Имена записываются. Один из таких подозреваемых в коммунизме — режиссер Герберт Биберман, который снимает фильм «Новый Орлеан» с Билли Холидей. Он окажется так называемым враждебным свидетелем.

Буэнос-Айрес

«Птица феникс» — повторяющаяся метафора в идейном мире Пера Энгдаля, возрождение одержимости. Сразу после войны он меняет название своей фашистской организации на

«Новошведское движение». Новые времена, новые названия, старые мечты.

Он, конечно же, будет сотрудничать в нацистском журнале «Дер вег», тем более что его давний контакт Йоханн фон Леерс переехал в Буэнос-Айрес и сильно влияет на направленность журнала. В первой своей статье Пер Энгдаль описывает свое движение изнутри:

«Эта группа не была партией. Это была боевая антикоммунистическая организация, открыто заявившая о своей солидарности с военными действиями немцев на Восточном фронте. Поэтому демократическая пресса мгновенно объявила ее национал-социалистической. В мае 1945-го состоялось испытание огнем. Те, что были попутчиками по экономическим причинам, бесследно исчезли. Те, что были больше немцами, чем сами немцы, спешно канули на дно. Осталось крепкое новошведское ядро. Со всех сторон умники-друзья нашептывали: „Угомонитесь! Ничего не предпринимайте! Подождите, когда ветер переменится!“ Но товарищи переглядывались и отвечали: „Нет“. Кто-то должен держать знамя. Все бегут, но мы останемся. Лишь те, кто, расправив плечи, стоит на ветру, заслуживают доверия в солнечную погоду. Уже летом 1945 года состоялись первые публичные митинги на площадях Мальмё. Местное отделение социал-демократической партии, насчитывающее 40 000 членов, в ярости писало шведскому правительству: „Мальмё сейчас — единственный город во всем мире, где может происходить подобное“. Эти слова товарищи из Новошведского движения никогда не забудут, и из всего, что о них писали до сих пор, именно эти слова, пожалуй, пробуждают огромную гордость».

Длинный текст Пера Энгдаля публикуется в «Дер вег», № 7/1953. Энгдаль среди друзей, может формулировать свободно и гордо, воссоединившись с другом Йоханном фон Леерсом, который печатается в том же номере.

Из других его знакомых и единомышленников, которые пишут в «Дер вег» в том же году, можно назвать основателя журнала и бессменного редактора, Эберхарда Фрича — товарища Фрича, как почтительно зовет его Адольф Эйхман, — знаменитого гитлеровского летчика Ханса-Ульриха Руделя и, конечно, Мориса Бардеша.

Под влиянием Йоханна фон Леерса культурный журнал становится откровенно юдофобским, отрицающим геноцид и все больше поворачивается лицом к арабскому миру. В первом номере 1953 года «Дер вег» публикует в виде факсимиле читательское письмо от верховного муфтия Амина аль-Хусейни, датированное 11 сентября 1952 года:

«С большим удовольствием я регулярно читал Ваш журнал, „Дер вег“, с его отличными статьями и иными публикациями. <…> Вашу работу я считаю очень важной и полезной для традиционно дружеских связей между Германией и арабским обществом и желаю Вам и в дальнейшем больших успехов».

В «Дер вег» живут все те же нацистские идеи и та же картина мира, но именно так и задумано. В первые годы существования журнала авторы его представляют поколение, принадлежавшее к верхушке нацистской власти, как, например, Лутц Шверин фон Крозиг, министр финансов и последний рейхсканцлер нацистской Германии, и Отто Эрнст Ремер, офицер вермахта, сыгравший решающую роль в предотвращении покушения на Гитлера в 1944 году и до последнего своего дня отрицавший нацистский геноцид.

Затем следуют другие: фашистский лидер Освальд Мосли, член Шведской академии и поклонник Гитлера Свен Хедин, нацистский писатель Ханс Гримм, ну и сам Йоханн фон Леерс, который бойко пишет под собственным и под вымышленными именами. А также те, кто возобновляет работу: принцесса Элизабет фон Изенбург, основательница и руководительница «Тихой помощи», экономической поддержки бегству и выживанию нацистов, Карл-Хайнц Пристер, один из лидеров Мальмёского движения, и шведский миллионер Карл-Эрнфрид Карлберг.

Редактор «Дер вег», Эберхард Фрич, не просто журналистский мотор «Дер вег», он еще и важный узел в организованном потоке белых беглецов из Европы.

В Стокгольме финансист Карлберг финансирует оснащение судна «Фалькен» («Сокол»), которое нынешней весной под руководством Людвига Линхарда повезет нацистов с фальшивыми паспортами в Аргентину. Когда «Фалькен», покинув Швецию, на время исчезает, редактор «Дер вег» просит своего коллегу из британской фашистской газеты «Индепендент нейшнлист» разыскать судно. Британский фашист Грин выполняет просьбу и сообщает обо всем в письме другу. Секретное невзначай оказывается на виду, совсем ненадолго, словно подводное существо, которое на несколько секунд поднимается к поверхности вдохнуть воздуху, а затем возвращается в океанские глубины.

«Фрич попросил меня разыскать небольшое парусное судно, „Фалькен“, покинувшее Швецию … с 21 немцем на борту. Догадайся, как и почему. <…> Я, конечно, уже связался со шведами, и они занимаются поисками…»

В конце концов «Фалькен» со своим человеческим грузом прибывает в Буэнос-Айрес. А несколько месяцев спустя Людвиг Линхард описывает в «Дер вег» это плавание. Статья длинная, с

множеством фотографий, звучит как описание викингского похода, как сага, как сказка.

Позднее журнал будет неоднократно писать о верховном муфтии и цитировать его. После 1952 года печатается в «Дер вег» и президент Египта Гамаль Абдель Насер. Вновь публикуется и Пер Энгдаль. Освальд Мосли называет «Дер вег» путеводной звездой в европейском мраке, немецким голосом из Аргентины, который дарит своим читателям бодрость и надежду.

Атлантический океан

Талия должна быть очень-очень тонкой, говорит Кристиан Диор. Пышная юбка, волной ниспадая с подчеркнутых бедер, будет мягко колыхаться при каждом движении женщины.

Миру нравится его «Нью-Лук», навеянный началом века, женскими телами, затянутыми в корсет и задрапированными в огромное количество ткани. Первый из французских дизайнеров он награжден премией «Ниман-Маркус»[60]. И должен поехать в Даллас, в США.

Кристиан не очень любит путешествовать. С тяжелым сердцем и «уймой дорожных сумок с самым необходимым» он поднимается в Шербуре на борт теплохода «Куин Элизабет».

Однако же далеко не все — гипюровые цветы и хмель от шампанского. Его головокружительный успех во Франции сопровождают обвинения, что он-де в сговоре с ткацкой промышленностью, что его платья и юбки, на которые уходит 30, а то и 40 метров ткани, просто способ поднять после войны промышленность страны. Он все это отрицает, с обидой.

Путешествие приятнее, чем ожидалось. Намного приятнее, чем прием.

Вашингтон

День ото дня разграничительные линии в мире прочерчиваются все явственнее. На карте холодной войны только два цвета — черный или белый. Сила против силы, свет против тьмы, тьма против света. Серой шкалы не существует. Как и сомнений, компромиссов, знаков слабости.

Восемнадцатого сентября в США вступает в силу *National Security Act*[61]. Одним из его последствий становится создание разведслужбы, к которой многие — и в правительстве США, и в Пентагоне — относятся весьма критически: ЦРУ.

Будущий госсекретарь Дин Ачесон предостерегает президента Трумэна: новое ведомство построено так, что никто — ни президент, ни Совет национальной безопасности — не будут знать, что, собственно, происходит, и не смогут контролировать ЦРУ. Но президент словно и не слышит предостережений. Согласно инструкциям, новое ведомство будет увязывать, оценивать и распространять разведданные, а также выполнять «иные функции и обязанности, связанные с разведданными о ситуациях, угрожающих национальной безопасности».

Несколько слов, которые станут очень удобной лазейкой для проведения сотен секретных операций.

Нью-Йорк

В тот же день Кристиан Диор сходит на берег в Нью-Йорке, где его встречают громкоговорители, орущие: «Диор! Диор!»

Облегчение быстро оборачивается полным замешательством, когда модельера приводят в особое помещение, где его встречают вспышки фотоаппаратов и наглые вопросы. У них это называется пресс-конференцией, но сам он считает, что происходящее больше смахивает на судилище. Преступление? Он же норовит спрятать святое — ноги американских женщин! Толпы мужей и супругов протестуют против длинных юбок Диора, которые теперь вытесняют короткие, до колен, юбки времен войны. Дальше становится еще хуже.

В Лос-Анджелесе он получает сотни анонимных писем от возмущенных критиков, которые не одобряют то, что они называют «освобожденным бюстом». В Чикаго его встречают, как он сам говорит, суфражистки-домохозяйки, вооруженные критикой и плакатами:

«Сжечь мсье Диора!», «Долой „Нью-Лук“!», «Кристиан Диор, убирайся домой!»

Начиная с февраля его обвиняют в аморальности, в том, что он показывает слишком много, что он антифеминист и женоненавистник.

Кристиановы женщины-цветы с зашнурованными талиями создают всевозможные проблемы. В Великобритании корсеты по-прежнему под запретом по причине карточной системы. Разрешены только корсеты по предписанию врача, так что британским женщинам трудно одеваться в диоровские платья. Ну а теперь, когда его успех славят на страницах каждого модного журнала, встревожилось и британское правительство. Слишком большой спрос на ткани внутри страны может серьезно навредить

слабому торговому балансу, рассуждают они, поэтому Торговая палата попросту запрещает британскому журналу «Вог» вообще упоминать имя Диора.

На улицах Парижа скромно одетые женщины нападают на носительниц «Нью-Лук», кромсают платья на ленточки. Злобу вызывает не только расточительность, хотя ткани после войны в большом дефиците, а тут вдобавок многослойные нижние юбки. Злобу вызывает еще и шаг назад, непрактичность, туго стянутое тело. Коко Шанель, создающая одежду прямо противоположного стиля, не стесняется открыто критиковать своего конкурента: «Элегантность предполагает свободу двигаться без помех».

А мсье Диор?

Свобода здесь совершенно ни при чем, полагает он. Как и нехватка тканей. Как одержимый, он делает все новые наброски. И в осенне-зимней коллекции этого года, ни секунды не сомневаясь, демонстрирует еще одно творение в духе своего счастливого стремления к гиперженственности: платье «Диорама». Черная шерсть, просто, но элегантно, с широкой мягкой юбкой. Шестнадцать метров в окружности.

Вашингтон

Президент Трумэн ясно видит свое будущее, так ясно, что ему достаточно одной фразы, чтобы 21 сентября подытожить ситуацию: «Передо мной все возможные дела».

Это правда.

Шклярска-Поремба

В горах, в замке на польском курорте Шклярска-Поремба, собираются высокопоставленные лидеры коммунистических партий Советского Союза, Югославии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Чехословакии, Польши, Франции и Италии. Осенний воздух прозрачен, как стекло, задача собрания — акроним.

Мир изменился за те два года, что минули после войны. Мирное сотрудничество между странами-победительницами остыло до холодной стратегии. Европа лежит меж ними, как шахматная доска, и каждый ход одной стороны вызывает ответный ход другой. План Маршалла не составляет исключения.

Коммунистические лидеры, собравшиеся в горном городке, едины во взгляде на будущее: две диаметрально противоположные политические линии разделяют мир. С одной

стороны Советский Союз и другие демократические страны, которые хотят уничтожить империализм и усилить демократию. С другой стороны — США и Англия, стремящиеся укрепить империализм и раздавить демократию.

Вот почему на компартии возложена особая задача — защищать независимость своих стран, по возможности бесстрашно защищать демократию и свободу своих стран. Отныне они будут сотрудничать, обмениваться информацией, культурой и разведданными.

Из замка в городке Шклярска-Поремба совещание направляет европейским компартиям две директивы: вести борьбу против плана Маршалла и борьбу против социал-демократических партий, принимающих этот план. Под этими словами кроются другие, вполне понятные тем, кому они адресованы: требование более жесткой, чистой и суровой политики в Восточной Европе. Создается Коммунистическое информационное бюро, Коминформ[62].

Под руководством Советского Союза цель этой организации так же очевидна, как граница меж черным и белым: «…каждая коммунистическая партия ответственна перед Коминформом». И: «Коминформ есть партийно-политическая основа объединенного международного фронта. Каждое политическое отклонение от него ведет к предательству».

Белград

В здании на углу улиц Московской и Йована Ристича оборудуют штаб-квартиру Коминформа. Окна двух нижних этажей закрашены. Работают там не менее 362 чиновников: 211 русских, 17 поляков, 9 сербов, 4 чеха, 3 болгарина и т. д., сообщает швейцарская ежедневная газета «Журналь де Женев». Официальный язык — русский. Ко всем сотрудникам приставлены агенты, как защита и надзор. Несмотря на роскошные виллы и роскошные автомобили, пишет газета, персонал Коминформа живет как под арестом.

Кембридж, Массачусетс

Грейс Хоппер балансирует на границе двух языков. Общение меж машиной и человеком — вот где она находит себе поле деятельности.

Она слишком много пьет, слишком много курит, слишком

много работает. Ей одиноко. Порой хочется все бросить, но она остается, трезвеет и возвращается к работе, которую сама себе и придумала.

ЭВМ — ее товарищи по работе, огромные зверюги, которых надо приручить, и она становится дрессировщицей. Грейс Хоппер задумывается не столько о том, что машины делают, сколько о том, что они должны уметь. Кто бы знал. А ты подумай. Она уверена, что могут меняться изнутри.

Именно в этом году взблескивают открытия: полароидная фотокамера, транзистор, беспроводной телефон. Грейс Хоппер думает, что вместо множества разных аппаратов все должен бы делать один-единственный — при правильном программировании. Но чтобы заставить машину выполнить точный приказ, требуются часы кодирования. Вот если б был язык, который переводил бы машине человеческие приказания, если б машина могла самопрограммироваться, все бы упростилось.

Она часами сидит за столом, склонясь над расчетами. Позднее, когда каждый новый компьютер потребует собственного языка-посредника и потому ширящаяся компьютерная империя рискует фрагментизироваться, Грейс Хоппер руководит работой по созданию единого языка программирования, COBOL.

> «Я могу заставить ЭВМ делать именно то, что я хочу, главное — сформулировать задачу».

Есть тысяча причин вскрыть механизм часов. В семь лет Грейс Хоппер вскрывает семь механизмов, а стало быть, причин тому может быть семь тысяч. Теперь она использует цифры, чтобы создать язык для общения с машиной.

Буэнос-Айрес

Один из тех, кто в 1947 году приезжает в Буэнос-Айрес, — шведский нацист и доброволец СС Ханс-Каспар Кройгер. Сейчас он работает инструктором в аргентинской армии. И тоже напишет статью в «Дер вег», но в первую очередь занимается переброской нацистов из Европы. С этой целью он открывает маленькое бюро путешествий, «Вианорд», совместно с Турольфом Хилльбладом, тоже шведским нацистом.

Ханс-Каспар Кройгер дает в «Дер вег» рекламное объявление, откуда следует, что скандинавское бюро путешествий дает консультации по иммиграции — «*Beratungen in Einwanderungsangelegenheiten*» — и что расположено оно по

известному адресу: Суйпача, 156.

На той же улице, что и шведское посольство, в том же доме, где располагается первая редакция «Дер вег». Но никакой таблички на двери. Бюро путешествий «Вианорд» — тайна, работает оно на втором этаже.

Молодой швед, Рагнар Хагелин, случайно устраивается на работу в это бюро летом 1951 года. Его задача — бронировать места для немецких пассажиров на судах, идущих из северной Испании в Буэнос-Айрес. Исключительно для пассажиров-немцев. Каждый день заходит аргентинский полицейский комиссар, записывает Хагелин, но никаких выводов не делает. А какие выводы можно сделать?

Только когда у молодого Рагнара Хагелина случается спор с одним из сотрудников бюро — бывшим спортсменом, выступавшим за Гитлера на Олимпийских играх 1936 года, — он понимает, куда попал. Они сравнивают французский и немецкий языки, Хагелин заявляет, что предпочитает французский, цитирует Наполеона и говорит, что немецкий — язык для болванов. Тогда коллега, схватив Рагнара за рубашку, прижимает его к стене. Потом Хагелин обсуждает этот инцидент со знакомым из шведского посольства, и тот подтверждает, что «Вианорд» принадлежит нацистам, это же всем известно. Рагнар Хагелин немедленно увольняется.

Находятся ли бюро путешествий «Вианорд» и редакция «Дер Вег» по одному адресу одновременно или сменяют друг друга?

Точно известно одно: адрес Суйпача, 156 на протяжении многих лет является центром «белого бегства» из Европы.

Впоследствии у Рагнара Хагелина родится дочь, Дагмар. В семнадцать лет девушка «исчезнет», похищенная теми аргентинскими военными, что в 1947 году проходили подготовку, в частности, под руководством двух нацистов, у которых работал Хагелин.

Стокгольм

Поэтесса Нелли Закс живет в Стокгольме уже семь лет. Жизнь беженки, нежизнь, жизнь. В одном стихотворении она пишет:

«Мы изранены до того, что нам кажется смертью, если улица вслед нам бросает злое слово»[63].

В мае 1940-го сорокавосьмилетняя Нелли Закс приехала из Берлина в Стокгольм вместе со своей семидесятилетней матерью. Позднее бегство. Польша погибла, Дания оккупирована, в Норвегии шли последние бои, прежде чем оккупация стала

страшной реальностью. Немецкая армия направлялась во Францию.

Почему Нелли Закс выбирает Швецию? Ответ — Сельма Лагерлёф.

В пятнадцать лет Нелли Закс получила в подарок роман «Сага о Йёсте Берлинге» и с той минуты мечтала и сочиняла в духе нобелевской лауреатки. Даже написала своему шведскому кумиру и получила ответ.

В Германии Нелли и ее мать преследовали — по всем правилам, типичным для подготовки геноцида: определенную группу людей изолируют от остального населения, отнимают всякую возможность заработать на жизнь и кусок хлеба. Вскоре остаются лишь два последних этапа: уничтожение как таковое и, наконец, грабеж всего имущества.

Поэтому в ноябре 1938 года Нелли послала письмо состарившейся и больной Сельме Лагерлёф:

«Можно ли мне и моей маме приехать в Швецию и отдохнуть у добрейшего из сердец? За самую малую возможность жить я буду благодарна всеми фибрами моего существа».

Ответа не пришло.

Подруга семьи Закс поехала в Вермланд, чтобы лично просить Лагерлёф о помощи, но, к несчастью, попала под автобус. Время шло. В январе 1939-го Нелли Закс написала еще одно письмо. Просила, умоляла, взывала, надеялась.

Ответа не было.

Пострадавшая подруга выписалась из больницы и наконец отправилась в усадьбу Сельмы Лагерлёф, но великой писательнице докучали шумные строительные работы на чердаке. Ни слова в ответ. Подруга подождала еще день и сделала последнюю попытку, на сей раз она запаслась бумагой и ручкой, чтобы крупными буквами записать свою просьбу о помощи для Нелли Закс. И неожиданно Сельма согласилась выслушать ее и обратиться с ходатайством к шведскому правительству:

«Для меня важно, чтобы Швеция приняла мадемуазель Закс».

Один шаг вперед. Подруга искала поддержки у шведского принца Евгения и нашла поручителей, которые могли гарантировать, что Нелли и ее мать не станут шведскому обществу обузой. Швеция не хотела их приезда, не хотела еврейских интеллектуалов, не хотела евреев. Швеция предпочитала быть лишь транзитной страной, по крайней мере на время, отчасти, и в эту узкую щелку проскользнули Нелли и ее мать.

Сейчас они здесь. Однокомнатная квартирка с кухонным уголком, окнами во двор.

Ночами она пишет стихи. Слово за словом, прах за прахом, слой за слоем. Она кладет стихи на стихи, громоздит башни из зыбких ночей.

Амритсар

Сикхи, вооруженные винтовками, мечами и копьями, нападают на семь поездов с мусульманскими беженцами. Мужчины, женщины, дети — 3000 убитых. Пакистанское правительство останавливает железнодорожное сообщение между Пенджабом, принадлежащим Индии, и Пенджабом, принадлежащим Пакистану.

Париж

Кристиан Диор прибывает в США, а Симона де Бовуар через несколько дней уезжает оттуда.

Она задержалась в Америке и провела со своим горячо любимым Нельсоном Альгреном целых две недели. Они вместе бродили по Нью-Йорку, а затем вернулись в Чикаго, пили кьянти в итальянских кварталах, посетили тюрьму штата, слушали музыку, ели ромовый пирог, пили виски и гуляли по улицам, о которых окружающий мир словно забыл. Нельсон говорил о книге шведа Гуннара Мюрдаля «Американская дилемма», советуя Симоне непременно ее прочитать.

В Париже она только спит и плачет. Двадцать седьмого сентября, утром третьего дня, выходит за покупками и встречает Альбера Камю. Он видит ее опухшее лицо и спрашивает, уж не беременна ли она.

Нюрнберг

В этот день, 27 сентября, начинается и крупнейший судебный процесс столетия.

Тридцатишестилетний главный обвинитель Бенджамин Ференц произносит вступительную речь, открывающую девятый нюрнбергский процесс — процесс по делу айнзацгрупп, — и говорит о *геноциде*, хотя с юридической точки зрения это понятие как термин пока не существует. Впоследствии он скажет, что сделал это из симпатии к человеку, из уважения к мятущемуся духу справедливости, по имени Рафаэль Лемкин.

«Со скорбью и с надеждой мы разоблачаем здесь убийство более миллиона невинных и беззащитных мужчин, женщин и детей. <…> Наша цель не месть, и мы стремимся не только наказать виновных. <…> Совесть человечества есть основа всякого закона. И мы постараемся вынести приговор, который станет выражением этой совести и посредством законов укрепит основополагающие права человека».

Бенджамин Ференц гордится, что завершил процесс всего за два дня. Свидетели не нужны, коль скоро документы говорят таким ясным языком. Кроме того, есть показания, запротоколированные ранее. На первом большом Нюрнбергском процессе дал показания Отто Олендорф, один из пяти руководителей айнзацгрупп.

Нужно ли что-то еще? Нет, не нужно.

О л е н д о р ф. За год — с июня 1941-го по июнь 1942-го — айнзацкоманды отчитались в ликвидации 90 000 человек.

О б в и н и т е л ь. В это число входят мужчины, женщины и дети?

О л е н д о р ф. Да.

О б в и н и т е л ь. На чем основываются эти цифры?

О л е н д о р ф. На донесениях, которые айнзацкоманды посылали в айнзацгруппу.

О б в и н и т е л ь. Эти донесения поступали к вам?

О л е н д о р ф. Да.

О б в и н и т е л ь. И вы лично видели их и читали?

О л е н д о р ф. Да.

О б в и н и т е л ь. И на этих донесениях базируются цифры, которые вы сообщаете суду?

О л е н д о р ф. Да.

О б в и н и т е л ь. Вам известно, как эти цифры соотносятся с числом ликвидированных людей, указанным другими айнзацгруппами?

О л е н д о р ф. Известные мне данные по другим айнзацгруппам были значительно выше.

О б в и н и т е л ь. Чем это обусловлено?

О л е н д о р ф. Думаю, большая часть цифр, представленных остальными айнзацгруппами, была завышена.

О б в и н и т е л ь. Вы периодически видели донесения о ликвидациях, представленные другими айнзацгруппами?

О л е н д о р ф. Да.

О б в и н и т е л ь. И эти донесения указывают большее количество ликвидаций, чем произведено группой «D», так?

О л е н д о р ф. Да.

О б в и н и т е л ь. Вы лично наблюдали за массовыми

казнями этих людей?

О л е н д о р ф. С целью инспекции я присутствовал на двух массовых казнях.

О б в и н и т е л ь. Вы можете подробно рассказать суду, как происходила такая казнь?

О л е н д о р ф. Местная айнзацкоманда старалась посредством регистрации собрать вместе всех евреев своего района. Регистрацию проводили сами евреи.

О б в и н и т е л ь. Под каким предлогом, коль скоро он вообще был, устраивали облаву?

О л е н д о р ф. Под предлогом переброски в другое место.

О б в и н и т е л ь. Продолжайте.

О л е н д о р ф. После регистрации евреев собирали на площади. А оттуда вывозили затем на место казни, как правило это был окоп или естественный овраг. Казни проводились по-военному, расстрельной командой.

О б в и н и т е л ь. Каким образом их доставляли к месту казни?

О л е н д о р ф. К месту казни их перевозили на грузовиках, всегда ровно в таком количестве, какое можно было сразу же подвергнуть казни. Это была попытка максимально сократить временной промежуток от той минуты, когда жертва осознáет, что произойдет, до фактической казни.

О б в и н и т е л ь. Это была ваша идея?

О л е н д о р ф. Да.

О б в и н и т е л ь. А что происходило с телами после расстрела?

О л е н д о р ф. Их хоронили в окопе или в овраге.

О б в и н и т е л ь. Какие меры предпринимались, коль скоро таковые были, чтобы удостовериться, что жертвы действительно мертвы?

О л е н д о р ф. Командир расстрельной команды имел приказ проконтролировать это и при необходимости лично прикончить еще живых.

О б в и н и т е л ь. Кто этим занимался?

О л е н д о р ф. Либо сам командир расстрельной команды, либо кто-то им назначенный.

О б в и н и т е л ь. В какой позиции находились жертвы во время расстрела?

О л е н д о р ф. Стояли во весь рост или на коленях.

О б в и н и т е л ь. Что делали с личными вещами и одеждой казненных?

О л е н д о р ф. Все ценное конфисковали при регистрации или при облаве и сдавали в министерство финансов либо через

РСХА[64], либо непосредственно. Поначалу одежду раздавали местным жителям, но зимой 1941/1942 сбором и раздачей стала заниматься «НСФау»[65].

О б в и н и т е л ь. Все их вещи в то время регистрировались?

О л е н д о р ф. Нет, не все. Регистрировались только ценности.

О б в и н и т е л ь. Что происходило с одеждой, какую жертвы имели на себе, когда их везли к месту казни?

О л е н д о р ф. Непосредственно перед казнью им приказывали снять верхнюю одежду.

О б в и н и т е л ь. Всю одежду?

О л е н д о р ф. Всю верхнюю одежду.

О б в и н и т е ль. А как обстояло с остальной одеждой, которая была на них?

О л е н д о р ф. Она оставалась на трупах.

О б в и н и т е л ь. Так происходило и в других айнзацгруппах, не только в вашей?

О л е н д о р ф. В моей айнзацгруппе действовал такой приказ. Как было в других айнзацгруппах, я не знаю.

О б в и н и т е л ь. Как они производили казни?

О л е н д о р ф. Некоторые команды производили казни не по-военному, а убивали жертв поодиночке, стреляли каждому в спину или в затылок.

О б в и н и т е л ь. А вы отказались от такого подхода?

О л е н д о р ф. Да. Я был против такого подхода.

О б в и н и т е л ь. По какой причине?

О л е н д о р ф. Это создавало огромную психологическую нагрузку и для жертв, и для тех, кто производил казни.

О б в и н и т е л ь. Так что же происходило с вещами, собранными айнзацкомандами?

О л е н д о р ф. Все ценное отправляли в Берлин, в РСХА или в министерство финансов. Вещи, которые могли оказаться полезными на месте, там и использовались.

О б в и н и т е л ь. Что происходило, например, с золотом и серебром, изъятым у жертв?

О л е н д о р ф. Как я только что сказал, их отправляли в Берлин, в министерство финансов.

О б в и н и т е л ь. Откуда вам это известно?

О л е н д о р ф. Я помню, как это было в Симферополе.

О б в и н и т е л ь. Как поступали, например, с часами, изъятыми у жертв?

О л е н д о р ф. По настоянию армии часы отсылали в войска, на фронт.

Если айнзацгруппа «А», согласно донесению от января 1942

года, уничтожила 963 человека в Эстонии, 35 238 — в Латвии, 136 421 — в Литве, 41 828 — в Белоруссии, 3600 — в России…

Если айнзацгруппа «B», согласно донесению от декабря 1942 года, в совокупности уничтожила 134 298 человек, а две команды из айнзацгруппы «C», согласно донесению от декабря 1941 года, — 95 000 человек…

Если айнзацгруппа «D», согласно донесению от апреля 1942 года, уничтожила 91 678 человек, а Гиммлер, кроме того, доложил Гитлеру в декабре 1942-го, что на Украине, в южной России и в Белостоке уничтожено 363 211 человек…

То в общей сложности это составляет 902 237 человек.

Если эта цифра составляет две трети еврейских жертв айнзацгрупп, поскольку оставшаяся треть была убита другими военными подразделениями или умерла в гетто, лагерях смерти, в лесах или в чистом поле…

Сколько же это будет наручных часов?

Париж

По утрам Симона страдает от того, что, проснувшись, не находит рядом Нельсона. Все кажется пустым. Она работает над своими текстами в кафе «Дё маго». Ее и Жан-Поля Сартра навещает писатель Артур Кёстлер. Она чувствует сексуальное притяжение, но, проведя вместе одну ночь, она и Кёстлер увязают в бесконечных спорах, поскольку он считает ее недостаточной антикоммунисткой.

Нельсон говорил, что она может хранить верность, только если хочет, и она разделяет его позицию. Но с грустью пишет, что не в состоянии делить постель с другим мужчиной, ей невыносима мысль о руках или губах другого, когда она так отчаянно тоскует по губам и рукам Нельсона. Она превратилась в обычную верную жену, пишет Симона, но иначе не может.

Тридцатого сентября Симоне де Бовуар никак не удается сосредоточиться на работе. В кафе приходит Жан Жене, мешает шутками и болтовней. Она уходит домой, в свою комнату, где стены розовые, как зубная паста, и продолжает работу. В глубине души она потрясена. Никогда раньше она не позволяла себе настолько зависеть от другого человека, как зависит от Нельсона Альгрена.

«Собственно говоря, меня не интересует ничто, кроме тебя. <…> Поездка в Канаду, в Нью-Йорк, визиты к друзьям — я могла бы наплевать на все это, лишь бы провести больше времени с тобой. Я могла бы снять себе комнату, чтобы ты спокойно там

работал, когда угодно. И я вполне бы могла мыть посуду, и протирать пол, и ходить в магазин за яйцами и ромовым пирогом, и не прикасаться без разрешения к твоим волосам, щеке или плечу, и постаралась бы не обижаться, когда ты в дурном настроении из-за чего-то прочитанного или из-за чего-нибудь еще… Я не стану посягать на твою свободу. <…> Мой Нельсон, мой дорогой Крокодил, быть может, ты смеешься над моей серьезностью, быть может, воспринимаешь мои слова как кваканье лягушонка, и, быть может, ты прав. Вот почему любовь пугает меня. Она делает меня глуповатой».

Октябрь

Каир

Первого октября Хасан аль-Банна рассылает во все отделения «Братьев-мусульман» циркуляр, просит готовить джихад. Телеграфирует министру по делам религий и просит напомнить имамам, чтобы на следующей пятничной молитве они говорили о необходимости джихада.

Далее он телеграфирует генеральному секретарю Лиги арабских государств и заявляет, что «Братья-мусульмане» не видят для Палестины иного выхода, кроме как взяться за оружие. И предлагает Лиге арабских государств 10 000 вооруженных, готовых к бою мужчин. Затем «Братья» организуют несколько вербовочных пунктов для защиты Палестины, и за два дня записываются более 2000 человек.

Москва

Советский Союз секретничает, также и внутри страны. Бюрократия распространяет дезинформацию среди властей разных уровней, и лишь немногие точно знают, чем заняты другие. Еще меньше знают посторонние, так называемый Запад. И ошибочно полагают, что Советский Союз еще очень далек от создания собственной атомной бомбы.

Внутри страны тяжелейшие времена наконец начинают меняться. Голод, унесший в 1946 году более миллиона жизней советских граждан, отступил. Продуктов питания, пожалуй, недостаточно, но они есть. Сталин стоит на высоком пьедестале, ни перед кем не преклоняются так, как перед ним.

Тысяча девятьсот сорок седьмой — год поворота. Не только потому, что скоро оружие Михаила будет в руках каждого воина, но и потому, что теперь Советский Союз имеет мощности для производства атомных бомб. Дебютная бомба РДС-1 называется «Первая молния»[66].

Десятого октября Михаил получает из советского Генерального штаба официальный отзыв. Его оружие выбрано для продолжения разработок, наряду с двумя другими моделями.

Михаил упрощает и модифицирует конструкцию. Автомат становится легче, состоит из меньшего количества деталей, выдерживает более серьезные и продолжительные нагрузки.

Оружие для армии не слишком образованных солдат. Легкое оружие, которое никогда не отказывает, сколько ни стреляй, сколько ни пачкай его и ни подвергай нагрузкам. Оружие, дешевое в производстве. Не всегда самое меткое, но достаточно меткое, стреляющее как одиночными, так и очередями.

В конце концов это и становится решающим фактором. Конструкцию, носящую имя Калашникова, запускают в массовое производство на советских оружейных заводах и принимают на вооружение в Советской армии. В будущем оно украсит флаг одной из стран, свыше 50 миллионов людей воспользуются им в освободительной борьбе и в террористических актах. Во всем мире имя Михаила Калашникова станет самым известным русским словом, наравне с водкой.

Турин

Жизнь итальянского химика Примо Леви как будто бы меняется, становится к нему благосклонна.

Во-первых, Лючия, его серьезная невеста, месяц назад стала его любимой женой. Затем в его жизни появляется Франко Антоничелли, антифашист, туринский поэт, возглавляющий маленькое издательство «Франческо де Сильва».

Будет выпущена и книга Примо Леви, рассказ о нескольких годах рабского труда на «ИГ Фарбен» в Моновице, Освенцим. Значит, дни станут светлее, неволя покинет его тело, и сам он наконец обретет свободу? Ему двадцать восемь лет, и, пожалуй, он даже счастлив.

Издатель Антоничелли меняет название рукописи Примо Леви на «Se questo è un uomo»[67] и отправляет ее в печать. Одиннадцатого октября книга напечатана тиражом 2500 экземпляров. Дешевая бумага, никакой рекламной кампании, но тем не менее.

Средний класс в Турине проявляет легкий интерес, выходят несколько рецензий. Это все. Ничего больше. Текст исчезает. Свидетельство остается неуслышанным.

Стокгольм

Нелли Закс дебютирует как поэт в пятьдесят шесть лет.

Новый и одновременно древний поэт. Новый, потому что раньше никто не писал так, как пишет Нелли Закс, в том числе и она сама. Древний, потому что в новой своей работе она вне того,

что называется Здесь, Сейчас, Тогда и Вскоре. «Жить под угрозой», пишет она, означает «быть в открытой могиле без смерти».

Безродность. Не немка и не шведка, не иудейка и не христианка, не одинокая и не с кем-нибудь вместе, то и другое, не что-то одно, а рядом со всем этим течет смерть. Нелли Закс создает свою родину на языке ночи, место, где ни история, ни география не образуют границ и где живые и мертвые бродят вокруг друг друга, подле друг друга и обмениваются безмолвиями.

Кто-то должен поднять голос от имени того, чего больше нет. Кто-то должен наделить словом бессловесное и плотью — бесплотное. В маленькой квартирке в нижнем этаже дома с хрипящими трубами и свистящими кранами живет Нелли со своей матерью. Две женщины, младшая ухаживает за старшей, а одновременно ловит сигналы отсутствия и передает их дальше, как стихи. Поэт памяти? Память ощущений. Память истребления.

Ночью душа свободна от влияния окружающего мира, ночью влияют звезды, и наши сны отражают иной мир, в другое время незримый. На Бергсундсгатан, 23, под меридианом бельевой веревки, она соединяет себя с тем, чего больше нет, но что все-таки существует. Сидит, хрупкая, как воспоминание, и призывает тени мертвых, вбирает в себя, сгущает, делает зримыми, точно дым.

Она исполняет скорбный труд немецкой литературы, сказал кто-то. Первая претворяет отсутствие в искусство, говорит второй. Доказывает необходимость писать стихи после Освенцима[68], говорит третий.

Тринадцатого октября в «Стокгольмс-тиднинген» выходит рецензия на ее немецкоязычный дебютный сборник, «In den Wohnungen des Todes»[69]. Там ее именуют сестрой Франца Кафки, четвертой, духовной сестрой, наряду с тремя биологическими сестрами, убитыми нацистами.

«Сопровождаемое чем-то вроде холодной улыбки Франца Кафки, безымянное страдание обретает имя и форму. Автор как бы отходит назад от своих черно-белых образов, позволяя человеческому и ограниченному занять свое место в неограниченном и непостижимом…»

Однако Нелли Закс не сестра Францу Кафке. Ее братьями-поэтами станут совсем другие — шестнадцатью годами младший Гуннар Экелёф и двадцатью девятью годами младший Пауль Целан. У них она найдет единодушие, бессловесное и взрывающееся словами. Это она, это они — и молнии, дыхание, соль, скорбь. Глаз, рука, горло, дым и пепел.

Бегство становится преображением, рождающим поэта Нелли Закс. При свете звездного затмения[70] она выводит «первую букву бессловесного языка». Вскоре последуют другие, но сейчас это она, она одна.

Роджерс-Драй-Лейк

Над высохшим озером взрывается звуковой барьер. Мало кто из летчиков верит, что такое возможно, человек не приспособлен к скоростям, превышающим скорость звука. Но пилот Чак Йегер доказывает, что они ошибаются, а вдобавок взрывает барьер сознания. Кое-что еще становится возможным. Что? Да все. Сверхзвуковые самолеты, прогресс, завоевание.

Польша

Бывший премьер-министр и лидер Крестьянской партии Станислав Миколайчик бежит из страны, чтобы спастись от тюрьмы и смертного приговора по обвинению в антикоммунистической деятельности.

Каир

Хасан аль-Банна приказывает своим «братьям-мусульманам» готовить джихад. Уже в понедельник 20 октября первый батальон отбывает на палестинскую войну.

Аль-Банна и верховный муфтий сообща анализируют палестинскую проблему: отдельные государства и их правительства должны заниматься только политической и дипломатической деятельностью. Если возникнет необходимость в войне, воевать будут сами палестинцы. Народы Лиги арабских государств согласно кивают и готовы платить. Они призывают по всему региону еще больше добровольцев, обучают их и вооружают.

Кашмир

Двадцать второе октября. Разгорается первая война между Индией и Пакистаном.

Голливуд

Режиссера Билли Холидей, Герберта Бибермана, допрашивает Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности (HUAC). Он состоит в коммунистической партии? В определенном профсоюзе?

Вместе с девятью коллегами Биберман ссылается на свое конституционное право не отвечать. Десятеро мужчин не желают ни подтверждать, ни отрицать. Не в пример другим подозреваемым кинематографистам принимают бой. В ходе публичного допроса они обвиняют в антиамериканской деятельности саму Комиссию. Согласно Конституции, каждый гражданин имеет право по собственному выбору принадлежать к любой политической партии, утверждают они, и вообще сама суть работы Комиссии противоречит гражданским правам.

Эти десятеро мужчин получают известность как «The Hollywood Ten», «голливудская десятка», и привлекают огромное внимание. Всех их заносят в черный список и впредь запрещают им работать в Голливуде. Всех десятерых приговаривают к тюремному заключению.

Билли Холидей сомневается в виновности Герберта Бибермана. Она считает, ему следовало показать Комиссии фильм «Новый Орлеан». В нем столько китча а-ля дядя Том[71] — чем не доказательство, что Биберман благонадежный американец.

Ноябрь

Париж

Альберто Джакометти уничтожает все сделанное за два года, потому что это никуда не годится. Друзья глубоко возмущены его поступком, а Симона де Бовуар в восхищении. У него есть идея скульптуры, и он должен достичь ее, вот и пытается снова и снова, вечно недовольный.

Четвертого ноября Симона заходит в его мастерскую и, пока идет дождь, внимательно разглядывает своего друга. Джакометти грязный, волосы и руки перепачканы гипсом, одежда замызганная, похоже, он вообще не моется. Сад в запустении. Возле мастерской расположено большое пустое подсобное помещение, вроде ангара. Крыша в дырах. На полу кастрюли и горшки, чтобы собирать дождевую воду, но и они дырявые, так что вода растекается вокруг ручейками и лужами.

Нельсону она пишет, что книга о днях, проведенных в Америке, закончена и что она читает «Американскую дилемму» Гуннара Мюрдаля. К сходствам в положении афроамериканцев и женщин Симона вернется в работе над книгой, которую давно хотела написать о втором поле. Ей хочется, чтобы книга получилась такая же большая и значительная, как у Мюрдаля.

Джура

В спальне на втором этаже Джордж Оруэлл непрерывно стучит на пишмашинке, пишет как заведенный, без конца курит, без конца кашляет. Температура поднимается. Августовское происшествие, когда он с сыном и двое друзей едва не утонули в холодной Атлантике, еще больше подкосило его и без того слабый организм. Работать приходится в постели. Но к врачу он не идет, нет времени, книга продвигается, ее надо закончить. Он подгоняет сам себя: разрозненные листы, дополнения, вычеркивания — работа растет, чтобы стать одним из самых пугающих текстов, какие доводилось читать его издателю.

Седьмого ноября он завершает первый вариант книги, которая, как никакая другая, определяет его творчество, наше время и страх за наше будущее. Повествование о стране, где индивид всегда подчинен государству — *Big Brother is watching you*[72] — и где правящая партия меняет историю, доказывая, что

партия всегда права, породит кошмары и новые слова. Но пока что книга не опубликована. Пока что ему не поставили диагноз — туберкулез. Пока что Джордж Оруэлл жив. Он еще раз отшлифует рукопись, не подозревая о мощном воздействии, какое произведут его слова. Лежит в постели после весны, лета и осени на острове Джура, где убивал гадюк и считал яйца, записывал оттенки неба, количество дождевых осадков и дыхание моря. Лежит больной, записывает слова, которые станут его последним произведением, и дает книге название — «1984».

Нью-Йорк

Билл Готлиб публикует свою статью и провозглашает Телониуса Монка основоположником бибопа. И уже в скором времени Монка навещает белая супружеская пара, навещает у него на квартире в Сан-Хуан-Хилл. Они сидят на кровати, поставив ноги на пол, а Монк садится за фортепиано и играет, спиной к ним. Мелодию за мелодией. Слов сказано немного, но когда супруги Лайон уходят, в руках у Телониуса Монка договор с их компанией грамзаписи «Блю ноут».

Двадцать первого ноября его бенд состоит из Джорджа Тейта (труба), Сахиба Шихаба (альт-саксофон), Боба Пейджа (контрабас) и Арта Блейки (ударные). Фортепиано не вполне настроено, но звучит хорошо. В четырнадцати вариантах они исполняют в общей сложности четыре его композиции. «'Round midnight» записывают на первой репетиции.

Эту пьесу записывали и раньше, но без него самого. Так было и так будет — он пишет музыку, другие ее записывают. Только у одного из джазовых композиторов, Дюка Эллингтона, записано больше произведений, чем у Телониуса Монка, но он и создал круглым счетом тысячу композиций. А Монк — семьдесят.

Можно подумать, что фрагментарная игра, оборванные нити мелодий, что-то вроде сомнения, неожиданно создающее передышку, что все это от неловкости или неуверенности. Но в этом сам Монк, в этом сомнение и неровное сердцебиение эпохи. Он держит музыку в ладонях и лепит ее.

«Порой я играю вещи, которых даже сам никогда раньше не слыхал».

Никогда как другие, всегда сам по себе, неспособный быть никем, кроме как самим собой. Он играет, сочиняет, работает за фортепиано целую неделю напролет, почти без еды, настолько переполненный музыкальными идеями, что не успевает записывать, их уже сменяют новые. А потом спит несколько дней

кряду.

Продвижение первой пластинки Монка под его собственным именем создает миф о Телониусе Монке как своенравном гении и оригинале. До успеха наконец-то рукой подать, никто, кажется, не думает о биполярности, миф есть миф.

Когда несколько лет спустя его портрет появляется на обложке журнала «Тайм», заголовок гласит «The Loneliest Monk», «Самый одинокий Монк»[73].

Хусейния

Мерьям Отман десять лет, вместе с матерью, отцом и младшими братьями и сестрами она живет в деревне Хусейния, в районе Сафед в Палестине. В апреле пройдет дождь, а прямо на дороге взорвется бомба, зарытая мина, нацеленная на сионистов. Несколько человек — она не знает, кто именно, — увидят следы ног в мокрой глине, ведущие до самой их деревни. Сионистские солдаты поймут, что бомбу подложил кто-то из Хусейнии.

После семи дней дождя три дня тишины. Обитатели деревни ждут. Солдаты ждут. А потом атакуют с трех сторон — с юга, востока и запада, но север оставляют открытым. Почему Мерьям это запомнит?

Солдаты заходят к ним на скотный двор, убивают коров. Что делать семье? Отец Мерьям достает маленький пистолет и велит жене и детям приготовиться к смерти.

Мерьям Отман, ее маленький брат, маленькая сестренка и самый младший, младенец, ложатся на пол. Мать с отцом накрывают их матрасами. Дети слышат, как солдаты орудуют лопатами прямо у них перед дверью, роют яму, подкладывают бомбу под их дом. Родители Мерьям ложатся на матрасы, чтобы защитить детей своими телами. Потом дом взрывается.

На другой день приходит народ из соседних деревень, их откапывают. Мерьям тяжело ранена. Младший братишка погиб. Когда вытаскивают младшую сестренку, она видит местами кости. Младенец мертв, с камнем во рту.

Нью-Йорк

История словно совершает внезапные рывки, хотя на самом деле течет медленно и вяло.

Комиссия по решению палестинской проблемы представила свое предложение о разделе. Пора ставить его на голосование

Генеральной Ассамблеи ООН. 26 ноября. Все собрались в штаб-квартире ООН на Флашинг-Медоус в Куинсе, но уже в ходе заседания сионисты понимают, что число голосующих за раздел окажется недостаточным. Если голосование произойдет сегодня, еврейское государство не состоится.

Председатель Генеральной Ассамблеи, бразилец Освалду Аранья, советует сионистам затянуть заседание. Те упрашивают делегатов Уругвая и Гватемалы выступить, «читать вслух из Библии, петь псалмы или считать обеты пророка Исаии», лишь бы затянуть время, чтобы голосование не состоялось. Обструкционисты.

В результате минута, когда все изменится, отодвигается на 72 часа, с 26 ноября на 29-е.

Общественное мнение Америки поддерживает раздел. Американцы без еврейских связей и те демонстрируют с плакатами перед штаб-квартирой ООН. Веские голоса среди общественности открыто и энергично выступают за еврейское государство. Дороти Томпсон, одна из самых уважаемых в США журналисток и радиокомментаторов, тоже в их числе. Лишь одну женщину американский народ обожает еще больше — год за годом опросы Гэллапа дают один и тот же результат, — а именно Элеонору Рузвельт. Она тоже открыто поддерживает создание еврейского государства и использует свои связи, чтобы повлиять на голосование.

Под руководством верховного муфтия палестинские арабы при мощной поддержке остальных арабских государств аргументируют в пользу единого арабского государства с еврейским меньшинством. Иначе, твердят их представители, будет кровавая баня. Уже одиннадцать государств против предложения о разделе, им надо привлечь на свою сторону еще восемь, чтобы эффективно блокировать раздел. Проходит слух о взятках и покупке голосов.

А Трумэн? Он прислушивается к требованию палестинских арабов оставить южную пустыню Негев арабской. Но когда Хаим Вейцман, лидер сионистов, услышав об этом, приезжает в Вашингтон и встречается с президентом, тот немедля меняет свою позицию. Пустыня Негев станет частью будущего еврейского государства.

Дни и ночи между 26 и 29 ноября все используют для вербовки голосов. Применяются и высказываются вслух серьезные угрозы — национальные, экономические, дипломатические. Позднее посол Либерии жалуется, что США грозили прекратить экономическую поддержку многим странам, если они проголосуют против предложения о разделе Палестины.

Филиппины планировали голосовать против — было бы ошибкой отдавать чью-то страну другому, — однако после звонка из Вашингтона меняют свое решение.

Гаити обещан американский заем в размере пяти миллионов долларов, и Гаити голосует за раздел. Франция поначалу не желает сеять беспорядки в своих арабских колониях и планирует голосовать против раздела, но меняет позицию — возможно, чтобы не рисковать помощью по плану Маршалла. Хаим Вейцман связывается со старым другом, главой «Юнайтед фрут корпорейшн»[74], который в свою очередь оказывает нажим на Никарагуа и другие малые латиноамериканские страны. Голосование транслируют по радио в прямом эфире на весь мир.

Теперь большинство стран — членов ООН поддерживают предложение. Тридцать три страны голосуют за, 13 — против, 10 воздерживаются. Принимается резолюция о разделе Палестины на два государства — независимое арабское и независимое еврейское, с общим управлением Иерусалимом. Британские войска уйдут. Самое позднее 1 октября 1948 года оба государства уже будут существовать, экономически сотрудничать и защищать права религиозных меньшинств. Ликование и боль, глубокие и одновременные. Двадцать девятое ноября еще не закончилось.

Хасан аль-Банна заявляет, что ООН — заговор русских, американцев и британцев под влиянием евреев. Верховный муфтий призывает арабов сплотиться и уничтожить евреев в тот момент, когда британцы покинут Палестину. Высший мусульманский совет немедля объявляет трехдневную забастовку. В Иерусалиме нападают на шведское и польское консульства. Бунты, мародерство, избиения. Еврейские террористы из «Иргун» жгут арабскую собственность. Происходят нападения на Ромему и Силуан под Иерусалимом, а также на поселения в пустыне Негев, близ Кфар-Явеца, близ Хисаса и в Галилее. Британские солдаты не вмешиваются.

Одно из самых влиятельных семейств в Палестине, Нашашиби, как будто бы нашло иное решение. Они открыты для добрососедства, поэтому разделенная страна и сионисты ищут у них поддержки в надежде, что арабы восстанут против верховного муфтия, что раз и навсегда вырвут власть из его рук.

Но влияние хаджи Амина аль-Хусейни глубоко укоренено — в силу семейных уз, богатства, поддержки «Братьев-мусульман» и угроз насилия. Кроме того, многие считают его героем, единственным, кто всегда шел наперекор англичанам, никогда не сдавался. Лига арабских государств поддерживает семейство Хусейни, а он сам забирает всю власть, какая идет ему в руки. В чем же иначе смысл власти?

Дружба между людьми, еврейские школьники, посетившие школу в Хирбете и принятые дружелюбно, мирная встреча евреев и палестинцев в Самарии, поддержание сотрудничества, попытки остановить насилие прежде, чем оно началось, — все напрасно. Песчаные бури, шквалы ветра, унесенные прочь надежды.

В Яффе нет работы, зато сколько угодно страха. Грабежи и кражи. Двери распахиваются для бегства, широкого бегства на все четыре стороны, с тысячами шипов в сердце.

В Лифте еврейские террористы «Иргун» врываются в городское кафе, шестерых мужчин убивают, семерых ранят. Дети, как обычно играющие рядом, пока мужчины разговаривают и курят кальян, всё видят: убитых отцов, застреленных, в крови. После этого население Лифты тоже бежит, и каменные дома на обрыве стоят пустые, а колодцами никто не пользуется. Пока не возвращается «Иргун» и не взрывает все.

Париж

Французские почтальоны бастуют. Не приходят письма от Нельсона Альгрена Симоне де Бовуар и от нее к нему. Двадцать девятого ноября она телеграфирует: «Забастовка останавливает письма, но не мое сердце».

Араб-аль-Зубайд

Через несколько месяцев тьма накроет и деревню в галилейских горах — пыль, оружие, войска, первая бригада «Пальмах»[75] под командованием Йигала Алона.

В один из апрельских дней шестнадцатилетняя Хамде Джома, ее семья и все остальные жители деревни вынуждены бросить свои дома и уйти в другое место. Не куда-то, а прочь отсюда.

Нести свои вещи, идти. Нести свои пожитки, иметь лишь то, что несешь. Того, что было, уже нет. Оружие, поражение и утраты, покинутость. Предел подступил к Хамде Джома, настала ночь.

Все постройки в Араб-аль-Зубайде стерты с лица земли, так что панорама долины — река, источники, зелень и тени — остается в одиночестве, сама себе. В пещере, где Хамде пряталась в ту ночь, когда украла яйца, ни души, только эхо стрельбы. Мужчина с волшебным ящиком не возвращается, потому что возвращаться некуда.

Декабрь

Стокгольм

Немецкое издательство в эмиграции, «Берман Фишер», публикует немецкого писателя-эмигранта. Шестисотстраничная попытка Томаса Манна сформулировать итог нравственной катастрофы родной страны, роман «Доктор Фаустус», выходит в свет.

Томас Манн посылает экземпляр композитору Арнольду Шёнбергу, с посвящением: «Подлинному».

Втайне Манн на протяжении нескольких лет поддерживал связь с Шёнбергом, собирая материал и умения, чтобы выписать образ главного героя повествования — больного сифилисом композитора. Герой его романа создает метод композиции, подобный додекафонической технике Шёнберга, причем у Манна это результат сделки с дьяволом, метафора немецкого народа и его сделки с нацизмом.

Глубоко оскорбленный, Арнольд Шёнберг разрывает знакомство, однако их ссора становится достоянием публики. Стареющий композитор защищается от нападок на дело своей жизни и от его политизирования. Манн же называет Шёнберга современным композитором и надеется, что он примет роман как признание своей значимости для современной музыки. Но и это воспринято как обида: «Через два-три десятка лет мы увидим, кто из нас двоих современнее».

Второго декабря Шёнберг пишет, что, очевидно, можно трактовать искусство как фашистское, большевистское, левое или правое, но музыка есть музыка, искусство есть искусство, и к свободе, равенству и братству они имеют столь же мало отношения, как и к тоталитаризму.

Палестина

Первая волна. Можно и так описать множество людей, которые собирают свои пожитки под пулями и взрывами бомб, под крышами, где ожидают убийцы-снайперы с заряженными винтовками.

Дети и их школьные учебники, фотографии, украшения, трубка, бесконечная тяжесть прожитых дней, чувственные впечатления, сложившиеся в опыт. Ключи на шее — на шнурке, на

цепочке, ключи, оставляющие свои замки, дети, оставляющие игры под розовыми кустами, дети, оставляющие позади двери и замки, вешающие ключи в своей памяти. Ключи в руках, под одеждой, на цепочке вокруг шеи, холодный ключ на коже, невыразимый, как скорбь.

Халисса — 4 декабря это первое название в списке тех, что причиняют боль, в списке брошенных оливковых деревьев и дорожной пыли, в списке, высеченном в камне, в памяти примерно 750 000 беженцев. Далее следуют: Хайфа, Лифта, Масудия, Мансурат-аль-Хейт, Вади-Ара, Кесария, Аль-Харам, Аль-Мирр, Хирбет-аль-Манара, Аль-Мадахиль, Ульмания, Араб-аль-Зубайд, Хусейния, Тулейль, Кирад-аль-Ганнама, Эль-Убейдия, Кумия, Кирад-аль-Баккара, Маджаль, Гуайр-Абу-Шуша, Хирбет-Насир-ад-Дин, Тиверия, Кафр-Сабт, Ас-Самра, Самах, Мадхар, Хадатха, Улам, Сирин, Ат-Тира, Араб-ас-Субейх, Вифлеем, Умм-аль-Амад, Йаджур, Балад-аш-Шейх, Араб-Гауарина, Дейр-Мухейсин, Бейт-Джиз, Бейт-Сусин, Дейр-Аюб, Сарис, Аль-Касталь, Бейт-Наккуба, Калания, Эйн-Карем, Аль-Малиха, Дейр-Ясин; в Дейр-Ясине убили всех мужчин.

Названия, собранные за несколько месяцев: первая волна первой волны, прелюдия к прелюдии. Жители, бросающие все, кроме ключей, становятся первыми беженцами. Они бегут, но постоянно оглядываются назад. Постоянно.

Париж

Шестого декабря Симона де Бовуар впервые за несколько недель получает письмо из Чикаго от Нельсона Альгрена. Почтовая забастовка наконец-то закончилась, но то, что он пишет, огорчает ее. Его привлекла некая женщина, однако он не уступил влечению.

Де Бовуар в разладе с собой. Ведь он должен чувствовать себя свободным и делать что угодно, пока не предает их любовь. Симона полностью доверяет его любви, и он может спать с другими. С другой же стороны, ее физическая, сексуальная любовь к нему так сильна, что она ревнует. Но пытается урезонить себя, совладать с тем, что она называет животным инстинктом, инстинкт не должен ею командовать. Дать Нельсону свободу на другую женщину — это дар, и то, что он отказывается от него, тоже дар. Ничто не должно становиться обязанностью.

Дейр-Ясин

Несколько изолированных и уязвимых арабских деревень пытаются заключить с сионистским паравоенным движением «Хагана» соглашения о ненападении.

В деревне Аль-Шайх-Муаннис террористы из «Лиги Штерна» похитили деревенского лидера. Угроза насилия постоянна. Жители деревни ищут контакта с тель-авивской секцией «Хаганы»[76], чтобы достичь соглашения о двустороннем мире. Представители «Хаганы» освобождают похищенного и ведут переговоры с руководством деревни, но ничего не обещают. Деревня, расположенная на полоске побережья между Тель-Авивом и Хайфой, остается, где была, жители живут, где жили. Пока что.

И Дейр-Ясин. Тихая деревня, примерно 700 жителей, в нескольких километрах к западу от Иерусалима. С благословения «Хаганы» они заключают договор о мире и добрососедстве с двумя еврейскими поселениями — Гиват-Шаул и Монтефиори. А взамен обещают не защищать арабских бунтовщиков.

Но соглашение — ложь. На деревню нападают. 130 сионистских террористов, отколовшихся от «Иргун», нападают на деревню. При поддержке «Хаганы». Террористы получают оружие, боеприпасы и прикрытие; цель нападения — ускорить изгнание арабского населения. Как выясняется, убито по меньшей мере 110 человек, мужчин, женщин и детей, тела сброшены в колодцы, дома сожжены, все разграблено, уцелевшие жители лишены своего имущества.

Волны насилия шумят, ширятся. Слухи становятся правдой, а правда — слухами: беременным вспарывают животы, женщин и детей насилуют, подвергают издевательствам и забрасывают камнями, мужчин казнят прямо на месте, сотнями.

Расправа в Дейр-Ясине ждет впереди, до нее еще несколько месяцев. Название сохранится. *Накба*[77].

Москва

Снега на площадях Москвы еще нет, зато есть хорошие новости. Советские граждане, у которых есть деньги на кино, смотрят 14 декабря киножурнал, где их информируют о новой победе послевоенного мирного строительства: вводятся новые деньги и отменяются карточки. В киножурнале мужчины и женщины со счастливой улыбкой на лицах аплодируют. Голос диктора заявляет, что это решение наполняет сердца народа гордостью за могучую родную страну и демонстрирует миру огромные преимущества социализма перед капитализмом.

После войны инфляция быстро росла. И 15 декабря все деньги частных лиц, кооперативов, организаций и ведомств подлежат обмену. Пять старых рублей на четыре новых. Победа, говорит радостный голос в киножурнале. Последнее самопожертвование народа, гласит декрет Центрального комитета ВКП(б).

До сих пор советскому гражданину разрешалось на месяц 2 кг мяса, ½ кг сахара, 800 г пищевых жиров, 800 г хлеба и 1 кг крупы. Теперь карточная система отменена, и цена на хлеб, как обещано, будет по всей стране одинакова. Все продукты питания получат новую цену. Пшеничная мука и одежда подешевеют, цена на водку останется прежней. На рынке будет доступно неограниченное количество всевозможного мяса.

С новых сторублевых купюр за своим народом наблюдает Ленин.

Кобург

Журнал «Дер вег» — это одно. Но у европейских фашистов из Мальмёского движения есть собственная платформа, названная в честь идеи британского фашиста Освальда Мосли: «*Nation Europa*» («Нация Европа»).

Этот журнал, стало быть, учреждает в Кобурге бывший штурмбаннфюрер СС Артур Эрхардт. В редсовете заседает Пер Энгдаль вместе со швейцарским нацистом Хансом Элером и голландцем Паулом ван Тиненом, тоже бывшим эсэсовцем.

Вначале самым крупным акционером становится шведский миллионер Карл-Эрнфрид Карлберг. После него — Вернер Науман, бывший замминистра в министерстве пропаганды Йозефа Геббельса. Позднее же экономической поддержкой журнала занимается исключительно Освальд Мосли.

Мосли регулярно печатается в журнале и оказывает серьезное влияние на его направленность. Строится будущее, белый бастион мечтаний — Европа для европейцев.

Прошлое старательно отмывают, СС тщательно отбеливают, геноцид последовательно отрицают. По мнению британской секретной службы, журнал «Нацьон Ойропа» «имеет все предпосылки стать опаснейшей частью послевоенной неонацистской пропаганды».

Авторов у них много. Кое-кто из самых значительных печатается и в «Дер вег», и в «Нацьон Ойропа». Пишут Пер Энгдаль, Бардеш, Пристер, Ханс Гримм, Йоханн фон Леерс и Ханс Элер, Юлиус Эвола и Жан-Мари Ле Пен.

Так и продолжается. Если взять карту мира, пометить места проживания этих людей, а потом соединить линиями их имена, линий окажется так много, что получится густая сеть и карта мира почернеет, как фашистская рубашка, как погасшая звезда.

Вена

Семнадцатого декабря Пауль Анчел получает удостоверение, выданное сборным лагерем для беженцев в венской больнице Ротшильд-шпиталь. В Вене представители Международного комитета по делам евреев — узников концлагерей и беженцев констатируют, что рост его 168 см, вес 62 кг, что ему двадцать семь лет, волосы черные, глаза серые. Его подпись черными чернилами подтверждает все эти факты.

Он один из 3000 румынских евреев, бежавших из Бухареста от коммунистического режима, который становится все более юдофобским, все более опасно несвободным. Беженцы идут пешком, по дороге в Вену проходят мимо венгерской столицы Будапешта. Ночуют на заброшенных вокзалах, подкупают пограничников, идут вдоль железной дороги, которая всего несколько лет назад увезла на смерть их родных и друзей. В Австрии уже находится около 200 000 беженцев. Каждый рельс звенит. Все, что блестит, блестит от износа.

Пауль Анчел — одно из тысяч одиночеств, странствующих по Европе. Многие ищут дом, он ищет язык.

Родился он в Румынии, в немецкоязычной семье, говорит по-румынски, по-английски, по-французски, на идише и по-русски, но немецкий, на котором он пишет, думает, сочиняет стихи, все-таки не его язык. Он пережил годы рабского труда в армии, 18 месяцев пробыл узником трудового лагеря в Табарешти. Его родители, Лео и Фрицци, были депортированы за месяц до него, отец умер от тифа, а мать — от выстрела в голову. Он знает, что их нет, и носит это знание в себе. Пишет стихи, когда есть возможность. Но как писать на языке убийц? Как язык может быть и языком убийц, и его языком одновременно? Немецкий выстрел в голову его матери. Как писать? Сборник стихотворений становится для него попыткой ответить на этот вопрос.

«Сдается мне, я пытаюсь сказать вам, что нет на свете ничего такого, ради чего поэт откажется сочинять, пусть даже он еврей, а язык его стихов — немецкий».

В Берлине писатель Ханс Вернер Рихтер носится с идеей новой немецкой литературы, словно с охапкой кирпичей, готовый реставрировать руины. Хочет возродить немецкий язык, чтобы

дать голос тем, кто вырос при нацизме, воевал ради него, голодал, пытался выжить. Речь идет о новом реализме без прикрас, чтобы найти «за реальностью нереальное, за рациональностью иррациональное». Новая литература должна жить здесь и только здесь. Должна смотреть вперед. «Группа 47» открыта для обсуждений, чтений и новых голосов.

В Вене находится беженец Пауль Анчел, его немецкие стихи — языковая фуга смерти[78]. По-румынски фамилия пишется Анчел — Ancel, — теперь он переделывает ее, переставляет буквы, называет себя и так же, и по-новому. Таким же образом он подходит к немецкому языку, поворачивает слова, чтобы в нем можно было жить. Боль остается, но ему нужно найти другие способы выразить ее, точно так же, как нужно рассказать о плотском желании и отсутствии умерших как о басовом тоне, звучащем сквозь дни. Ему нужно говорить об этом, но новым, новоизобретенным способом. Анчел становится Целаном, его стихи выходят на ином немецком, он беженец, и он поэт.

Через несколько лет Пауль Целан встретится в Берлине с «Группой 47», будет искать разговора и единения, прочитает вслух Хансу Вернеру Рихтеру и остальным свои стихи, но уйдет с болью в ожесточенном сердце. Нет места для того, кто смотрит в себя и назад, нет единения с тем, кто ищет новых слов, оттого что старым нужно придать новый смысл, иначе все, что причиняло боль, причиняло ее напрасно.

Как пройти мимо случившегося? Как не слышать то, чего больше не говорят? Как смотреть в будущее, не внимая эху молчания? Это ведь все равно что снова убивать мертвых, снова убивать убитых. Руины Рихтера и руины Пауля Целана не одни и те же.

Каир

Сын часовщика способен уважать Запад за научный прогресс — но за все остальное? Непомерный индивидуализм противопоставил человека человеку и класс классу, говорит Хасан аль-Банна. Освобождение женщин подрывает семью. Демократия сплелась воедино с капитализмом и ростовщичеством и не сумела освободиться от своего прирожденного расизма. Коммунизм, с другой стороны, нелепо материалистичен при своих чисто мнимых правах на свободу слова, мысли и действий. Предсказуемые системы, без сокрытых пространств, где расцветает чудо жизни, без близости к творцу нашего мира. Системы, где люди слишком заняты вещами,

деньгами и плотью, чтобы посвятить себя чудесам и покорности.

Лидер «Братьев-мусульман» декларирует, что алчность, материализм и угнетение парализуют людей на Западе, подрывают общественный порядок и разрушают связи между разными нациями. Человечество измучено и убого, руководство следует еврейским пророкам, и для Востока пришло время подняться.

Восток есть Восток, Запад есть Запад, а меж ними лежит Палестина. Предложение разделить эту территорию на два государства заставляет Хасана аль-Банну назвать в первую очередь США империалистическим государством, купленным на еврейские деньги. Раньше он обрушивался с позиций антиимпериализма на британцев и французов, но отныне начинает нападки на США.

Помимо оружия есть слова. Аль-Банна и его последователи будут все острее оттачивать их в борьбе против самой идеи Запада, как они ее видят.

После смерти Хасана аль-Банны его дело продолжит Сайид Кутб, который возьмет на себя идеологическое руководство «Братьями-мусульманами».

«Культурное нашествие… оглупляет мусульман, лишает их знаний о своей вере и наполняет их умы мелочными истинами, сердца же оставляет пустыми», — пишет Кутб.

Он объявляет священную войну ментальному империализму, который, как он считает, опаснее империализма политического и военного, поскольку не вызывает сопротивления, проникает в умы людей и создает иллюзии о свободном мире. Кутб направляет свое оружие против ЮНЕСКО и других западных организаций, против «перьев и языков демократии».

Сайида Кутба казнят, он становится мучеником и находит преданных сторонников. Его идеи ведут дальше, действия, основанные на его идеях, ведут дальше. Имеющий уши слышит, как приверженцы насилия оправдывают убийства и по сей день пишут кровавую историю терроризма:

«Исламское государство — идея Сайида Кутба, обоснованная Абдуллой Аззамом, глобализированная Усамой бен Ладеном, осуществленная Абу Мусабом аз-Заркави и развитая Абу Бакром аль-Багдади».

Против перьев и языков демократии.

Буэнос-Айрес

Нацистский журнал «Дер вег» по-прежнему новый, еще не

вполне обретший форму. Но главный тон отчетливо звучит уже в самом первом номере 1947 года, и если проследить за журналом в последующие десять лет, то крепкая рука редактора Фрича уводит его все дальше в отрицание геноцида. Статья за статьей доказывают статистическими данными и опросами населения, что сейчас численность евреев куда больше, чем до войны. Пишут и о том, как названные поименно евреи устраивают заговор, чтобы добиться мирового господства.

После падения президента Перона атмосфера в Буэнос-Айресе становится менее дружелюбной к нацистам. Верховный муфтий хаджи Амин аль-Хусейни приглашает своего друга Йоханна фон Леерса в Египет, где возникла новая нацистская колония. Сообща они работают над третьим изданием книги верховного муфтия «Хака'ик ан кадийат филастин» («Правда о палестинской проблеме»). Книга выходит в Висбадене, издает ее Карл-Хайнц Пристер, ближайший сотрудник Пера Энгдаля и один из лидеров Мальмёского движения. При поддержке президента Насера фон Леерс получает работу. Согласно данным шведской полиции безопасности, он работает в министерстве пропаганды, руководит пропагандой против Израиля. Под надзором верховного муфтия Йоханн фон Леерс принимает ислам и арабское имя Омар Амин, в честь своего друга.

В номере, посвященном десятилетнему юбилею, «Дер вег» публикует большой репортаж с портретом верховного муфтия, который встречается с журналистами у себя дома, в «маленькой, изысканной вилле в фешенебельном предместье Каира Гелиополисе». Там же опубликовано письмо муфтия в редакцию, в виде факсимиле, с собственноручной подписью:

«Журнал „Дер вег“ выходит уже десятый год, что наполняет меня большим удовлетворением. На протяжении десяти лет вы без устали боролись за свободу, которая есть естественное право всех без исключения народов. „Дер вег“ всегда поддерживал арабов в их борьбе за свободу и в их справедливой борьбе против сил тьмы, которые, воплотившись в мировом еврействе, дерзнули отнять у палестинских арабов древнюю землю их предков и украсть их собственность. Уважаемые господа, я желаю вам и впредь с несокрушимой стойкостью продолжать борьбу за справедливость и надеюсь, что она увенчается успехом».

Нью-Дели

После вечерней молитвы перед Бирла-Хаусом люди собираются для духовного напутствия. Махатма Ганди опять

говорит о продолжающейся катастрофе, о боли Индии, о ее разделе и о насилии над женщинами. Он часто говорит о женщинах, которых похищают и насилуют до смерти. Сегодня вечером речь идет о тех, что были в рабстве, но выжили, о тех, что вернулись домой без носа, без рук, с унизительными надписями на лбу и на теле. Мы должны принять их, снова и снова повторяет он в этот жаркий вечер 26 декабря:

«Это проблема не десятка и не двух десятков девушек. Их сотни, а то и тысячи. Никто в точности не знает. Где все эти девушки? Индусских и сикхских девушек похитили мусульмане. <…> Я получил длинный список девушек, похищенных в Патиале. Некоторые из весьма состоятельных мусульманских семей. Когда их отыщут, им будет нетрудно вернуться к родителям. Что же до индусских девушек, то сомнительно, чтобы их снова приняли в семью. Это очень плохо. Если девушка потеряла родителей или мужа, это не ее вина. Тем не менее индусское общество смотрит на нее без всякого уважения. Но ошибка не ее, а наша. Даже если девушку силой заставили вступить в брак с мусульманином, даже если над нею совершили насилие, я бы все равно принял ее обратно с уважением. Я не хочу, чтобы хоть один индус или сикх считал, что если девушку похитили мусульмане, то ее более нельзя принять в индусское общество. Мы не должны ее ненавидеть. Мы должны проявить к ней сострадание и симпатию. <…> Эти девушки невинны».

Париж

Симона опасается, что сегодня, 30 декабря, почерк у нее менее разборчивый, чем всегда. Ручка с красными чернилами, подарок Нельсона, сломалась, пишет коряво, но она не хочет писать другой ручкой, только этой, подарком медового месяца.

«Второй подарок, самый бесценный, серебряное кольцо, в целости и сохранности. Я не снимаю его ни на минуту. Люблю этот тайный знак, свидетельствующий, что я принадлежу тебе».

Любовь Симоны де Бовуар и Нельсона Альгрена продолжится — еще несколько поездок, письма, встречи. Но, поняв, что она никогда не оставит Жан-Поля Сартра, Нельсон прекращает роман. Некоторый контакт они поддерживают, хотя Симона вскоре съезжается с семнадцатью годами младшим Клодом Ланцманом, а Альгрен снова вступает в брак со своей первой женой. Узы сохраняются.

Только когда из печати выходит ее автобиография «В расцвете сил», Альгрен обрывает контакт, обиженный тем, что́

она написала о нем. Молчание меж ними продолжается вплоть до его смерти в мае 1981 года.

Через несколько лет, 14 апреля 1986 года, Симону де Бовуар хоронят на парижском кладбище Монпарнас, в той же могиле, что и Жан-Поля Сартра. На пальце у нее серебряное кольцо Нельсона Альгрена.

Нью-Йорк

Рафаэль Лемкин.

Понимал ли он, что о нем надо помнить?

Понимал ли, что его забудут?

Он следит за судебным процессом по делу айнзацгрупп и одновременно ведет бумажную войну, добиваясь от стран — участниц ООН поддержки конвенции о геноциде. Прекрасный мир с прекрасным человечеством надо защитить от его же уродства.

Социально-экономические нападки на меньшинство, стремящиеся сделать невозможным само его существование, для Лемкина тоже форма геноцида. Но когда ООН наконец принимает Конвенцию о геноциде, туда включено физическое, биологическое уничтожение, но не культурное. Попытки ликвидировать группу людей путем насильственного переселения, создания гетто или принудительных работ тоже не учитываются. Как и запрет на использование собственного языка, принудительная ассимиляция такой группы или разрушение ее культурного наследия. Слишком много наций не желают учитывать эти критерии, слишком у многих есть слишком явные причины не объявлять подобные действия преступными.

Зато ООН придает очень важное значение работе Элеоноры Рузвельт, касающейся прав человека. Эти права связаны с каждым отдельным индивидом, и вкупе с Конвенцией по геноциду они обеспечат народам мира бóльшую защиту, нежели ранее. Но в конце концов документ о правах человека становится декларацией, то есть юридически ни к чему не обязывает.

Геноцид устроить легко, констатирует Рафаэль Лемкин, потому что, пока не становится слишком поздно, никто не верит, что такое возможно. Мир твердит свое «больше никогда». Но Лемкин знает историю геноцида, знает, что на самом деле логика гласит: «В следующий раз». Такое уже случилось и потому может случиться вновь.

Сейчас 1947 год. Лемкин еще не прочитал окончательную формулировку Конвенции о геноциде, которую в одиночку пробивает в ООН. Он не предполагает, что будет шесть раз

номинирован на Нобелевскую премию мира, но так и не получит ее. Он ничего не знает о своей безвременной смерти, не знает, что умрет в Нью-Йорке, на автобусной остановке, больной от изнеможения, держа в руке портфель с наброском автобиографии. На его похороны придут семь человек. Ничего этого он не знает.

Рафаэль Лемкин знает только одно: если закон о преступлении, которому он дал определение, найдет применение, если убийство многих людей будет вызывать такое же возмущение, как убийство одного человека, то мир станет лучше. И он в печали набрасывает свой портрет:

«Превыше всего парит прекрасная душа, любящая человечество и оттого одинокая».

Время асимметрично. Оно движется от порядка к хаосу, и вспять его не повернешь. Стакан, что падает на пол и разбивается, снова стать целым не может. И не найти мгновения, которое более Сейчас, нежели какое-либо другое.

Пожалуй, я хочу собрать вовсе не год. Я собираю самое себя. Собираю не время, а себя и разбитую боль, которая все усиливается. Боль от насилия, стыд за насилие, боль от стыда.

В этом и заключается мое наследие — в моей работе? В этом моя главная задача — в собирании дождя, в собирании стыда? Грунтовые воды отравлены насилием.

В движении часы идут медленнее, нежели в покое. Вследствие того, что время не абсолютно, понятие *одновременности* не имеет смысла. Дни идут, один за другим, и я следую за ними. События лежат одно подле другого, и я выбираю среди них. Собственно, получается простое уравнение: время, события плюс мой выбор. Результат — колючая проволока.

Часть последствий насилия — то, что людей, живших до меня, уже нет, что память уничтожается, что целая вселенная погребена под взорванными домами. Боль переходит по наследству, в постоянном течении от порядка к хаосу, вспять не повернешь. Вот они, воспоминания, я вижу их во тьме, в дожде. Они — моя семья. Тьма — мой свет.

Благодарности

Эта книга основана на множестве биографий и исторических источников, однако есть несколько авторов, чьи работы имели решающее значение.

Главный источник — работа Элада Бен-Дрора о деятельности Особой комиссии ООН по Палестине. Анализ Доналда Блоксхэма в книге «Геноцид под судом» лег в основу раздела о значении Нюрнбергских процессов для истории. В эпизодах, где речь идет о лорде Маунтбеттене в Индии, я обращалась прежде всего к книге Стэнли Уолперта «Позорное бегство». Раздел об антиеврейских беспорядках в Англии базируется на книге Тони Кушнера «Августовские беспорядки 1947 года». События вокруг голосования в ООН по Палестине основаны на «Бессмысленной, нелепой войне» Нормана Роуза, а изображение Телониуса Монка в значительной части опирается на его биографию, написанную Робином Д. Г. Келли.

Хочу выразить благодарность основателям Архива Накбы, в особенности Махмуду Зейдану из Бейрута, за помощь в использовании собранных ими материалов. Благодарю также Хенрика Крюгера, который помог с информацией касательно Вагнера Кристенсена, Йоханна фон Леерса и его встречи с Пером Энгдалем, а также Рагнара Хагелина и Бенджамина Ференца, которые любезно дали мне интервью.

Дополнительные данные об Особой комиссии ООН я разыскала в архиве ООН в Нью-Йорке, например цитату из дневника верховного муфтия, где он пишет о встрече с Адольфом Гитлером.

Информацию о том, как Великобритания действовала в кризисе с «Исходом» и вообще по вопросу о беженцах, я нашла в архиве американского Мемориального музея Холокоста в Вашингтоне.

В Немецкой национальной библиотеке в Лейпциге, а также в берлинском Центре исследований антисемитизма я изучила всю подшивку «Дер вег» за 1947–1956 годы и все номера «Нацьон Ойропа» за 1952–1957 годы.

Данные, касающиеся участников Мальмёского движения я отыскала прежде всего в архиве Шведской полиции безопасности, размещенном в Государственном архиве в Арнинге, а также в архиве Бюро по делам иностранцев в Государственном архиве в Мариенберге.

Информацию о лагере в Ансбахе, где в 1947 году находился мой отец, я получила из документов ЮНРРА в нью-йоркском

Архиве ООН, а также из материалов Яд Вашем в Иерусалиме.

В 1947 году происходит несколько решающих изменений в мировой экономике — например, начинает действовать Международный валютный фонд и формулируется Генеральное соглашение по таможенным тарифам и торговле, но я не стала о них упоминать.

Большое спасибо Карен Сёдерберг, Джохару Бенджелулу, Арису Фиоретосу, Юнасу Аксельссону, Ричарду Херолду и особенно Аннике Хультман Дёвендаль и Стивену Фарран-Ли за беседы и прочтение рукописи.

Хочу также поблагодарить моего отца, позволившего мне написать о нем. Спасибо и Юакиму, моему мужу, за разговоры о 1947 годе за завтраком, на прогулках и ночами.

Стокгольм и Копенгаген, июнь 2016 года

Элисабет Осбринк

The past is never dead.
It’s not even past[79].

William Faulkner

Библиография

Achar G. The Arabs and the Holocaust. The Arab-Israeli war of narratives. Picador, 2009.

Alami M. The future of Palestine. Hermon books, 1970.

Algren N. A walk on the wild side. Canongate, 2006.

Algren N. Nonconformity. Seven Stories Press, 1996.

Andersson Ch. Operation Norrsken. Norstedts, 2013.

Arnold A. Smertefælden. Aronsen, 2013.

The Anglo-Jewish Association. Germany's new Nazis. Philosophical library publishers, 1952.

Bardèche M. Souvenirs. Buchet/Chastel, 1993.

Barnes I. I am a fascist writer: Maurice Bardèche — Ideologist and defender of French fascism // The European legacy: toward new paradigms. Vol. 7. Issue 2. 2002.

Barrett J. Q. Raphael Lemkin and the «Genocide» at Nuremberg // The Genocide Convention: The legacy of 60 years. Martinus Nijhoff, 2012.

Beauvoir S. de. America day by day. University of California Press, 1999.

Beauvoir S. de. Beloved Chicago man. Victor Gollancz, 1998.

Beauvoir S. de. Letters to Sartre. Arcade Publishers, 2012.

Beauvoir S. de. Det andra könet. Norstedts, 1995 [Рус. изд.: **Бовуар С. де.** Второй пол. М.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017].

Ben-Dror E. The Arab struggle against partition // Middle Eastern Studies. Vol. 43. № 2. 2007. P. 259–293.

Ben-Dror E. Ralph Bunch and the Arab-Israeli conflict: Mediation and the UN, 1947–1949. Routledge, 2015.

Bergeron F. Bardèche. Qui suis-je? Pardès, 2012.

Beyer K. W. Grace Hopper and the invention of the information age. MIT Press, 2012.

Björk K. Kominform. Utrikespolitiska institutet, 1948.

Bloxham D. Genocide on trial. War crimes trials and the formation of the Holocaust history and memory. Oxford University Press, 2001.

Bokstäverna jag färdas i / ed. by A. Olsson. Themis förlag, 2001.

Boroumand L. & R. Terror, Islam and democracy // Islam and democracy in the Middle East. John Hopkins University Press, 2003.

Braham R. L. The Hungarian labor service system 1939–1945 // East European Quarterly. 1977.

Buruma I. Year zero. Atlantic Book, 2013.

Böttiger H. Die Gruppe 47. Deutsche Verlags-Anstalt, 2012.

Celan P. Andningsvändning, övers. Anders Olsson. Lublin Press,

2014.

Clarke D. How UFOs conquered the world. Aurum Press, 2015.

Cooper J. Raphael Lemkin and the struggle for the genocide convention. Palgrave Macmillan, 2015.

Danius S. En fantastisk svensk Mann // Dagens Nyheter. May 25th, 2015.

Dagens Nyheter. 1947.

Der Weg. 1947–1956.

Del Boca A. & G. M. Fascism today. Heinemann, 1970.

Dewhirst R. Encyclopedia of the United States congress (Facts on the file library of American history). 2006.

Dior Ch. Dior by Dior. V&A Publications, 2007.

Documents on the history of European integration / ed. by W. Lipgens, W. Loth. Walter de Gruyter & Co., 1988.

Earl H. Prosecuting genocide before the genocide convention: Raphael Lemkin and the Nuremberg trials 1945–1949. URL: www.akademia.edu

Earl H. The Nuremberg SS-Einsatzgruppen trial 1945–1958. Cambridge University Press, 2009.

El-Awaisi A. al-F. M. The Muslim brothers and the Palestine question 1928–1947. Taric Academic Studies, 1998.

Engdahl P. Fribytare i folkhemmet. Cavefors, 1979.

Feisst S. Schoenberg's new world. The American years. OUP, 2011.

Fioretos A. Flykt och förvandling. Ersatz, 2010.

Flanner J. Janet Flanner's world. Harvest/HBJ, 1979.

Flanner J. // The New Yorker. May 1947.

Glendon M. A. A world made new. Eleanor Roosevelt and the Universal Declaration of Human Rights. Random House, 2001.

The golden age of couture. Paris and London 1947–1957 / ed. by C. Wilcox. V&A Publications, 2007.

Goñi U. The real Odessa. Granta, 2002.

Halamish A. The exodus affair. Holocaust survivors and the struggle for Palestine. Vallentine Mitchell, 1998.

Hilberg R. The destruction of the European Jews. Vol. I–III. Yale University Press, 2003.

Hitchcock W. I. The bitter road to freedom: A new history of the liberation of Europe. Free Press, 2008.

Jacobsen J. Tour de France. Natur och kultur, 2014.

Judt T. Postwar. A history of Europe since 1945. Penguin Books, 2005.

Kelley R. D. G. Thelonius Monk. Free Press, 2009.

Khalaf A. Politics in Palestine: Arab fractionalism and social disintegration. State University of New York Press, 1991.

Khalidi W. Nakba 1947–1948. Institute of Palestine studies, 2012.

Klemperer V. The lesser evil. The diaries of Victor Klemperer 1945–59. Phoenix, 2003.

Krüger H. Nazismen genfødtes ved Danmarks grænse // Politiken. April 29th, 1994.

Krüger H. & F. H. Flugtrute Nord. Lynge: Bogan, 1985.

Krämer G. Hasan al-Banna. Oneworld Publications, 2010.

Kushner T. Anti-semitism and austerity. The August riots 1947 // Racial violence in Britain in the the nineteenth and twentieth century. Leicester University Press, 1996.

Küntzel M. Jihad and Jewhatred. Telospress Publishing, 2009.

Lagercrantz O. Den pågående skapelsen. Wahlström & Widstrand, 1966.

Levi P. Är detta en människa? Albert Bonniers förlag/Månpocket, 1990.

Levi P. Fristen samt De förlorade och de räddade. Albert Bonniers förlag, 2013.

Lipstadt D. Denying the Holocaust. Plume, 1994.

Lowe K. Savage continent. Penguin, 2013.

Macklin G. Very deeply dyed in black. I. B. Tauris, 1988.

Masalha N.-e. On recent Hebrew and Israeli sources for the Palestinian exodus, 1947–49 // Journal of Palestine studies. Vol. 18. № 1, 1988. Special issue. Palestine, 1948. P. 121–137.

Mazover M. Dark continent, Europe's twentieth century. Vintage books, 2000.

Mitchell R. P. The Society of the Muslim Brothers. Oxford University Press, 1993.

Morris B. The birth of the Palestinian refugee problem, 1947–1949. Cambridge University Press, 1987.

Nation Europa. Jahrgang 1951–54, 1955, 1957.

Nerman T. Kommunisterna. Tiden, 1949.

The New York Times. 1947.

Orwell G. The Orwell diaries. Penguin, 2009.

Orwell G. A life in letters. Penguin, 2010.

Orwell G. Politics and the English language. Penguin, 2013.

Patterson D. Encyclopedia of Holocaust literature. Greenwood, 2002.

Pettersson B. Handelsmännen. Så skapade Erling och Stefan Persson sitt modeimperium. Ekerlids, 2001.

Pochna M.-F. Christian Dior. The biography. Overluch Ducksworth, 2008.

Qutb S. Milestones // SIME Journal. 2005. URL: http:// majalla.org

Rose N. A senseless and squalid war. Pimlico, 2009.

Ross A. The rest is noise. Listening to the twentieth century. Picador, 2007.

Sachs N. Samlade dikter. Månpocket, 2001.

Sastamoinen A. Nynazismen. Federativs, 1966.

Sebald W. G. Luftkrig och litteratur // Dikt, prosa, essä. Bonniers, 2012.

Schön B. Där järnkorsen växer. Månpocket, 2002.

Shields J. The extreme right in France. From Pétain to Le Pen. Routledge, 2007.

Schönberg A. Is it fair? (1947) // Style and idea. University of California Press, 1992.

Spotts F. The shameful peace. How French artists and intellectuals survived the Nazi occupation. Yale University Press, 2010.

Stangneth B. Eichmann before Jerusalem. Knopf, 2014.

Stiller A. Denial of right to existence. Reassessing the Nuremberg military tribunals. Berghahn Books, 2014.

Strømmen Ø. Den sorte tråden. Cappelen Damm, 2013.

Szwed J. Billie Holiday. The musician and the myth. Viking Press, 2015.

Tauber K. P. Beyond eagle and swastica. German nationalism since 1945. Vol. I, II. Weleyan University Press, 1967.

Thomson I. Primo Levi. Vintage, 2002.

Tiden. № 4, 1956. Nynazismen och Sverige.

The Time. 1947.

Totally unofficial. The autobiography of Raphael Lemkin / ed. by D.-L. Frieze. Yale University Press, 2013.

Weiner T. Legacy of ashes. The history of CIA. Doubleday, 2007.

Weissberg A. Historien om Joel Brand. Natur och Kultur, 1958.

Williams K. B. Grace Hopper. Admiral of the cyber sea. Naval Institute Press, 2013.

Wolpert S. The shameful flight. The last years of the British empire in India. Oxford University Press, 2006.

Неопубликованные источники

György Fenyö. Imperfekt om mitt liv. 2014.

Мерьям Отман, свидетельство из: The Nakba archive.

Хамде Джома, свидетельство из: The Nakba archive.

Бенджамин Ференц, интервью с автором, май 2015 года.

Рагнар Хагелин, интервью с автором, сентябрь 2004 года.

Жан Самюэль, интервью с автором, март 2004 года.

Гарри Трумэн, дневник 1947 года. URL: www.trumanlibrary.org/diary

Eleanor Roosevelt. My day. 1947. URL: www.gwu.edu/~erpapers/myday

«Exodus 1947». Документальный фильм Элизабет Роджерс (Elizabeth Rodgers) и Робби Хенсона (Robby Henson).

Герберт Биберман, отрывок из показаний перед Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности 1947, Youtube.

Nina Ellis Frischmann, Christopher Hill. Silence revealed: Women's experiences during the partition of India, 2010. URL: www.academia.edu

Дополнительные источники

К с. 6

В австрийском городе Винер-Нойштадт… — Morgon-Tidningen. 9 juni 1947.

К с. 7

Цитата из Генриха Гиммлера и статистические данные. — Keith Lowe. Savage continent.

Январь

К с. 10

Шведская тайная полиция классифицирует его как нациста, и после визита к Видкуну Квислингу в Норвегию во время войны и последующей поездки в Финляндию, где он встречается с несколькими высокопоставленными представителями вермахта, загранпаспорт у него изымают. — SÄPO: s akt om Per Engdahl, Riksarkivet.

К с. 11–12

О встрече Вагнера Кристенсена и Йоханна фон Леерса с Пером Энгдалем. — Henrik Krüger. Politiken. 29 april 1994; а также: Flugrute Nord av Hardy Foged & Henrik Krüger.

К с. 12

«Уже перед войной он был известен как шведский нацист, имевший превосходные связи с международным нацизмом…» — SÄPO: s akt om Per Engdahl, PM Statspolisen 17 sep 1953 H2oB.

К с. 13

Уже сейчас они создают собственную хорошо организованную курьерскую службу, чтобы обходить паспортные, визовые и валютные ограничения. — Sverige och nynazismen. Tiden. № 4, 1956.

К с. 16

«Пока не повешен», — отмечает фон Леерс. — Dokument 018/260, Yad Vashem arkiv.

Февраль

К с. 21

«…из-за этой бессмысленной грязной войны с евреями, которая ведется ради того, чтобы в конечном счете отдать Палестину арабам или бог знает кому еще». — Уинстон

Черчилль, 12 марта 1947 года.

К с. 25

Об операции «Черный тюльпан». — Mark Mazover. Dark continent; а также http://expelledgermans.org/dutchgermans.htm

К с. 26

Персонал ЮНРРА озабоченно пишет в нью-йоркскую штаб-квартиру. Ведет с кибуцным руководством долгие беседы… — Архив ООН S-0437.13.3.

К с. 29

В документе под названием «Общие замечания и рекомендации касательно положения евреев в Центральной и Восточной Европе» один из сотрудников ООН подытоживает ситуацию. — Архив ООН S-0437.13.3.

Март

К с. 40

«Знак нашего времени — развалины». — Hans Werner Richter. Literatur im Interregnum. Der Ruf 15.03.1947: «Das Kennzeichen unserer Zeit ist die Ruine. <…> Die Ruine lebt in uns wie wir in ihr. Sie ist unsere neue Wirklichkeit, die gestaltet werden will».

К с. 41

О Бенджамине Ференце и донесениях айнзацгрупп. — Интервью с Бенджамином Ференцем, май 2015 года.

К с. 46

«Мы очень и очень хотим избежать серьезного разлада между британцами и арабами в ООН, — отмечают англичане после беседы с арабскими лидерами… — Верховный муфтий может отреагировать весьма резко». — FO 371/61802.

Апрель

К с. 48

Они находятся между вчера, при Гитлере, когда им «было не так уж и плохо», и завтра, которое, пожалуй, может оказаться иным, глядишь, и получше. — Germany (Territory under allied occupation, 1945–1955: U.S. Zone). Office of Military Government. Education and Cultural Division. German youth between yesterday and tomorrow, 1.04.1947 — 30.04.1948.

К с. 55

Британцы требуют, чтобы Франция приняла меры и

перекрыла поток беженцев со своего побережья, в частности остановила американский пассажирский пароход «Президент Уорфилд». — FO 371/61805.

…более 125 000 человек только в американской зоне Германии готовятся осуществить одно и то же — перебраться в Палестину, нелегально, по фальшивым документам. — FO 371/61806.

К с. 57

Выступление Уинстона Черчилля по радио, 24 августа 1941 года: «The aggressor <…> retaliates by the most frightful cruelties. As his Armies advance, whole districts are being exterminated. Scores of thousands — literally scores of thousands — of executions in cold blood are being perpetrated by the German Police-troops upon the Russian patriots who defend their native soil. Since the Mongol invasion of Europe in the Sixteenth Century, there has never been methodical, merciless butchery on such a scale, or approaching such a scale. <…> We are in the presence of a crime without a name».

К с. 59–60

Рафаэль Лемкин, цитата. — John Q. Barrett. Raphael Lemkin and «Genocide» at Nuremberg: «Indeed, we cannot keep telling the world in endless sentences: — Don't murder members of national, racial and religious groups; don't sterilize them; don't impose abortions on them; don't steal children from them; don't compel their women to bear children for your country; — and so on. But we must tell the world now, at this unique occasion, — don't practice Genocide».

К С. 60

В годы войны Карлберг собирал информацию и анонсировал выпуск двухтомного «шведского еврейского календаря», поименного списка всех шведских евреев и их жен… — SÄPO akt P 398 C E Carlberg.

К с. 61

В ходе сложной операции, действуя по поручению как шведского правительства, так и нацистской Германии, он якобы сумел вывезти несколько тысяч эстонских шведов, которым грозили советские репрессии, и с помощью Карла-Эрнфрида Карлберга спрятал их в Стокгольме. — Christoph Andersson. Operation Norrsken.

К С. 62

Эти списки отсылают в Буэнос-Айрес, а ответной почтой получают паспорта и разрешения на въезд. — Christoph Anderson. Sydsvenska Dagbladet. 4 januari 2010.

Нелегальный поток беглецов через границу меж

Германией и Южной Ютландией не иссякает, постоянный поток белых, образованных беглецов, которых через Данию переправляют в Швецию и дальше, в Латинскую Америку. — SÄPO akt P 398 C E Carlberg.

Май

К с. 63–64

Похищено и подвергнуто сексуальному насилию поменьшей мере 75 000 женщин… — Sciences Po, online encyclopedia of mass violence. The partition massacres 1946–1947.

К С. 64–65

М а й о р Т а ф т о н. Какие меры мы предпринимаем, чтобы прекратить… — FO 371/61806.

К с. 67

Благожелательность и благотворительность — идеалы одной, национальная независимость и исламское государство — задача второй. (с. 53) — URL: www.ikhwanweb.com/article.php?id=17065

К С. 68

После встречи хаджи Амин аль-Хусейни ровным, красивым почерком записал в дневнике, на бумаге в клеточку, что́ сказал его друг… — Факсимиле дневника верховного муфтия, переведено в мае 1947 года. Архив ООН S-0613.4.15.

К с. 69

…и всякий раз просил разбомбить евреев в Тель-Авиве и в Иерусалиме. — Архив ООН S-0613.4.14.

Или же пусть каждая десятая семья в Америке примет еврея-беженца, тогда проблемы тысяч евреев будут решены. — Abd Al-Fattah Muhammed El-Awaisi. The Muslim brothers and the Palestine question.

Речь А. А. Громыко в ООН. — Архив ООН 2/PV.77.

К с. 71

Великобритания обращается к ООН с призывом, Генеральный секретарь Трюгве Ли оглашает его на заседании Ассамблеи. — Послание ООН от 29 мая 1947 года. 120.D 28a-D 29. Udenrigsministeriet, Rigsarkivet.

Июнь

К с. 73

О, будь у нас средства на такую жизнь! — The Sidney Morning Herald. 3.06.1947.

К с. 77

Порой немцы не дотягивают даже до допустимой суточной нормы в 1550 калорий. — Dagens Nyheter. 23 februari 1947.

К с. 79

О Примо Леви и Жане Самюэле. — Интервью с Жаном Самюэлем, март 2004 года.

К с. 81

…ущерб, нанесенный атомными бомбами, не возмещается. — Morgon-Tidningen. 12 juni 1947.

К с. 88

Министерство иностранных дел обдумывает анонимную кампанию… — FO 371/61811.

Достойный пример и превосходное свидетельство дружеской лояльности… — FO 371/61814.

Ёста Энгцелль, советник министерства иностранных дел Швеции и глава юридического департамента, выражает опасение — «he rather fears»**, — что многие евреи в британской зоне Германии только и ждут оказии выехать в Швецию.** — Письмо британской миссии от 30 июня 1947 года. FO 371/81614.

К С. 89

Адрес редакции — Суйпача, 156. — Der Weg. № 1, Juni 1947.

Июль

К с. 116

Письмо Ральфа Банча от 17 июля 1947 года. — Архив ООН S-0605.4.5: «It might be a good idea for all the Committee members to get blessed at all the holy places and to kiss all the holy rocks from which the various gods ascended from time to time, since the Committee is expected to work a miracle. In my view the Committee will need to combine the intervention of Christ, Mohamed and God Almighty to do the job».

К с. 119

…поются песни об избавлении от страха смерти и погребении под сенью тени. — «Похороните нас под сенью тени… мы рады умереть как мученики…» («Bury us under an umbrageous shade… we are contented to die as martyrs…»). Текст песни цитируется в кн.: Abd al-Fattah Muhammed El-Awaisi. The Muslim brothers and the Palestine question.

К с. 120

Интервью ЮНСКОП с Джоном Стэнли Гроэлом. — Архив ООН S-0605.4.6., беседа от 28 июля 1947 года.

К с. 121

Цитата из бывшего французского премьер-министра Леона Блюма. — FO 371/61820.

Отвезите их в лагеря на Кипре, где другие евреи дожидаются визы в Палестину, или отправьте хотя бы в Северную Африку, пишут газеты. — FO 371/61816.

«Евреи находятся в опасном психическом состоянии», — докладывают в Форин-офис британские посланцы. — FO 371/61819.

К С. 122

«Евреи, как мне кажется, чрезвычайно эгоистичны». — Гарри Трумэн 21 июля 1947 года: «The Jews, I find are very, very selfish. They care not how many Estonians, Latvians, Finns, Poles, Yugoslavs or Greeks get murdered or mistreated as D[isplaced] P[ersons] as long as the Jews get special treatment. Yet when they have power, physical, financial or political neither Hitler nor Stalin has anything on them for cruelty or mistreatment to the underdog. Put an underdog on top and it makes no difference whether his name is Russian, Jewish, Negro, Management, Labor, Mormon, Baptist he goes haywire».

Август

К с. 131

В Плимуте и Лондоне вандалы размалевывают синагоги краской, в катфорд-хиллской синагоге на юго-востоке Лондона камнями выбивают шесть окон, а деревянную синагогу в Ливерпуле сжигают дотла. — Morgon-Tidningen. 3 augusti 1947.

К. с. 135

Опрос беженцев, проведенный ЮНСКОП. — Отчет ЮНСКОП Генеральной Ассамблее ООН, 3 сентября 1947 года, прилож. II. Архив ООН.

К с. 140

В линованном блокноте Рафаэль Лемкин снова и снова карябает: Quo vadis?.. — Бумаги Рафаэля Лемкина, New York public library.

К с. 144

1 октября 1950 года нацистские лидеры из Италии, Великобритании, Испании, Португалии, Франции,

Швейцарии, Австрии, Германии, Голландии, Бельгии и Швеции соберутся на конференцию. — Akt P5134 Europeiska Sociala rörelsen, SÄPO.

К с. 145

В ответ приходят пожелания удачи, написанные на официальном бланке Пентагона. — Архив Пера Энгдаля и Новошведского движения, письма Пера Энгдаля от 16 января 1951 года, а также от 5 ноября 1951 года касательно Эдварда Т. Дикинсона (Edward T. Dickinson, Director, Program Coordination Division, Economic Cooperation Administration. Office of the Secretary of Defence, Pentagon).

К с. 146

Слово «демократия» там вообще не фигурирует. — Akt P5134 Europeiska Sociala rörelsen, SÄPO.

В ходатайствах о визе приглашенные немцы указывают личные причины поездки в Мальмё. — SUK, hemliga arkivet vol. E 3:1.

К С. 147

Ему и еще шестерым немцам в шведских визах отказано. В том числе Карлу-Хайнцу Пристеру с супругой. — SUK, hemliga arkivet vol. E 3:1.

…Пер Энгдаль обращается к шведским властям с особой просьбой принять ходатайство о визе для Скорцени. — SUK, hemliga arkivet vol. E 3:1.

Другие немцы решительно протестуют против присутствия Скорцени. Энгдаль вынужден дать полный отбой, звонить ответственному чиновнику Бюро по делам иностранцев и просить его отклонить ходатайство Скорцени. — SUK, hemliga arkivet vol. E 3:1.

Кстати, премьер-министр Таге Эрландер держит свое обещание о быстром реагировании: отказы приходят уже через неделю. — SUK, hemliga arkivet vol. 3:1. В своем дневнике Таге Эрландер записывает 16 марта 1951 года: «Пер Энгдаль говорил о своем нацистском союзе, который не является нацистским. Хотя Англию представляет Мосли. Он хочет свободно пригласить кого угодно из Германии на свою Мальмёскую конференцию 9 апреля. Полагаю, это невозможно, сказал я. Необходима индивидуальная проверка».

К с. 149

«Под „культурой“ мы понимаем самое для себя святое. Культура есть выражение расы. Она исчезнет, если исчезнет раса. Вот почему главная наша цель — сохранение нашей культуры — включает и защиту нашей расы. Поскольку с точки зрения расы европейские народы родственны друг

другу, существует европейская культура. Для защиты европейской культуры мы создадим континентальное единство». — Akt P5134 Europeiska Sociala rörelsen, SÄPO.

«признавать, даже утверждать расовые различия, но одновременно называть себя противником расизма». — Морис Бардеш (Maurice Bardèche). Из кн.: James Shields. The extreme right in France. From Pétain to Le Pen: «[allow the right wing movement] to recognise and even to assert the divercity of races but at the same time being able to call itself anti-racist».

К С. 149–150

Об Арпаде Хеннеи и газете «Út és Cél» («Цель и путь»). — Akt P5134 Europeiska Sociala rörelsen, SÄPO.

К с. 150

Вопрос осторожно направляют датскому правительству, оно отвечает отказом. Дании и без того нелегко, ведь она уже приняла 250 000 немцев, бежавших от Красной армии из Восточной Пруссии и других районов Восточной Германии. — Протокол совещания скандинавских министров иностранных дел 28 августа 1947 года. 120 D28a — D29 Udenrigsministeriet, Rigsarkivet; а также: Aviva Halamish. The exodus affair.

К с. 152

За минувшие три месяца они получили свыше 27 000 писем, открыток, звонков, памятных записок и коммюнике. — Сообщение ЮНСКОП для прессы от 31 августа 1947 года.

Сентябрь

К с. 160

Людвиг Линхард о «Фалькене». — Lienhard Ludwig. Mit dem «Falken» auf Wikingerfahrt // Der Weg. № 10, 1948.

Вновь публикуется и Пер Энгдаль. — Der Weg. № 7, 1953; № 3, 1954.

К с. 162

«…иные функции и обязанности, связанные с разведданными о ситуациях, угрожающих национальной безопасности». — Закон о национальной безопасности 1947 года, пункт 5 о ЦРУ: «…other functions and duties related to intelligence affecting the national security».

К с. 167

…откуда следует, что скандинавское бюро путешествий дает консультации по иммиграции — «Beratungen in Einwanderungsangelegenheiten» **— и что расположено оно по**

известному адресу… — Der Weg. № 5, 1950.

К с. 167–168

О «Вианорде» и Рагнаре Хагелине. — Интервью с Рагнаром Хагелином от 4 сентября 2015 года.

К с. 170

3000 убитых. Пакистанское правительство останавливает железнодорожное сообщение между Пенджабом, принадлежащим Индии, и Пенджабом, принадлежащим Пакистану. — The Advertiser. Sept. 26th 1947.

К с. 170–171

О Бенджамине Ференце и процессе по делу айнзацгрупп. — Интервью с Бенджамином Ференцем, 2015 год.

К с. 171–174

Допрос Отто Олендорфа, МВТ. — URL: http://avalon.law.yale.edu/imt/01-03-46/asp#ohlendorf

К с. 175

Статистические данные о количестве убитых айнзацгруппами. — Raoul Hilberg. The destruction of the European Jews.

Декабрь

К с. 197

О денежной реформе в СССР. — The West Australian. 16.12.1947.

К с. 198

В редсовете заседает Пер Энгдаль вместе со швейцарским нацистом Хансом Элером и голландцем Паулом ван Тиненом, тоже бывшим эсэсовцем. — Nation Europa. № 9, 1951.

К с. 199–200

«…за реальностью нереальное, за рациональностью иррациональное». — Ханс Вернер Рихтер, из кн.: Aris Fioretos. Flykt och förvandling.

К с. 202

«Исламское государство — идея Сайида Кутба, обоснованная Абдуллой Аззамом, глобализированная Усамой бен Ладеном, осуществленная Абу Мусабом аз-Заркави и развитая Абу Бакром аль-Багдади». — Хасан Хасан (Hassan Hassan), специалист по Ближнему Востоку, писатель. BBC 4, «What is IS?», 2016. «The islamic state was drafted by Sayeed Qutb, thought be Abdullah Azzam, globalized by Osama bin Laden, transferred to reality by Abu Musab az-Zarqawi, implemented by Abu Bakr al-Baghdadi».

Книга выходит в Висбадене, издает ее Карл-Хайнц Пристер. — «Through the eyes of the Mufti: The essays of Hadj Amin», рецензия Вольфганга Шваница (Wolfgang Schwanitz) опубликована на spme.org, Scholars for peace in the Middle East.

К С. 203

Согласно данным шведской полиции безопасности, он работает в министерстве пропаганды, руководит пропагандой против Израиля. — SÄPO's akt om von Leers. PM 8/10 1956.

Десятилетие «Дер вег». — Der Weg. № 7/8, 1956.

К с. 160

Речь Ганди 26 декабря 1947 года. — Источник: Collected Works of Mahatma Gandhi, GandhiServe Foundation: «It is not a question of a mere ten or twenty girls. The number could be in hundreds or even thousands. Nobody knows. Where are all those girls? Muslims have abducted Hindu and Sikh girls. <…> I have received a long list of girls abducted from Patiala. Some of them come from very well-to-do Muslim families. When they are recovered it will not be difficult for them to be returned to their parents. As regards Hindu girls it is still doubtful whether they will be accepted by their families. This is very bad. If a girl has lost her parents or husband it is not her fault. And yet Hindu society does not look upon such a girl with respect any more. The mistake is ours, not the girl's. Even if the girl has been forced into marriage by a Muslim, even if she has been violated, I would still take her back with respect. I do not want that a single Hindu or Sikh should take up the attitude that if a girl has been abducted by a Muslim she is no longer acceptable to society. We should not hate her. We should sympathise with her and take pity on her. <…> These girls are innocent».

К с. 206

Рафаэль Лемкин, цитата. — «Above all that flies a beautiful soul who loves mankind and is therefore lonely».

Список имен

(Составитель Н. Федорова)

Аззам, Абдулла (Azzam, Abdullah, 1941–1989) — влиятельный палестинский теолог, известен пропагандой джихада, учитель и духовный наставник Усамы бен Ладена.

аз-Заркави, Абу Мусаб (az-Zarqawi, Abu Musab, 1966–2006) — международный террорист, иорданец по происхождению, руководитель созданной им организации «Армия единобожия и джихада».

Алон, Йигал (Allon, Yigal, 1918–1980) — государственный и военный деятель Израиля.

аль-Багдади, Абу Бакр (al-Baghdadi, Abu Bakr, p. 1971) — лидер международной исламистской террористической организации, известной с 2003 г. под различными названиями; позднее провозглашен «халифом» «Исламского государства».

аль-Банна, Хасан (al-Banna, Hassan, 1906–1949) — египетский политический деятель, исламский проповедник и реформатор; основатель партии и международной религиозно-политической ассоциации «Братья-мусульмане».

Альгрен, Нельсон (Algren, Nelson, 1909–1981) — американский писатель, лауреат Национальной книжной премии.

Альбенис, Исаак (Albéniz, Isaac, 1960–1909) — испанский композитор и пианист; основная область творчества — фортепианная музыка.

аль-Хусейни, Амин (al-Husseini, Amin, 1893/1895–1974) — верховный муфтий Иерусалима, лидер арабских националистов в Палестине.

Антоничелли, Франко (Antonicelli, Franco, 1902–1974) — итальянский политический деятель, антифашист, поэт, издатель.

Анчел, Пауль — см. **Целан, Пауль**

Аранья, Освалду (Aranha, Oswaldo, 1894–1960) — бразильский государственный и политический деятель, дипломат.

Армстронг, Луи (Armstrong, Louis, 1901–1971) — американский джазовый трубач и певец; организатор первых джаз-ансамблей в Новом Орлеане; автор блюзов и вокальных композиций.

Арнолд, Кеннет (Arnold, Kenneth, 1915–1984) — американский авиатор и бизнесмен; известен тем, что привлек внимание общественности к существованию НЛО.

Ачесон, Дин (Acheson, Dean, 1893–1971) — американский юрист и государственный деятель; являясь заместителем госсекретаря (1945–1947), был тесно связан с осуществлением

плана Маршалла.

Банч, Ральф Джонсон (Bunche, Ralph Johnson, 1904–1971) — американский дипломат, с 1947 г. в ООН; в 1949 г. добился перемирия между Израилем и арабскими странами, за что в 1950 г. был удостоен Нобелевской премии мира; заместитель Генерального секретаря ООН (1955–1971).

Барби, Николаус (Barbie, Nikolaus, 1913–1991) — нацистский военный преступник, эсэсовец, известный своими зверствами во Франции.

Бардеш, Морис (Bardèche, Maurice, 1907–1998) — французский писатель и биограф, защитник национал-социализма и один из основателей отрицания Холокоста во Франции.

Барух, Бернард (Baruch, Bernard, 1870–1965) — американский финансист, биржевик, политический и государственный деятель; советник при президентах В. Вильсоне и Ф. Д. Рузвельте; первый в официальной обстановке употребил термин «холодная война».

Бевин, Эрнест (Bevin, Ernest, 1881–1951) — один из лидеров Лейбористской партии Великобритании, член (1925–1940) и председатель (1937) Генерального совета Британского конгресса тред-юнионов; министр труда и национальной повинности (1940–1945), министр иностранных дел (1945–1951).

Бегин, Менахем (Begin, Menachem, 1913–1992) — политический деятель Израиля; премьер-министр (1977–1983); лауреат Нобелевской премии мира (1978); в 1940-х гг. руководил подпольной еврейской организацией «Иргун».

Бёлль, Генрих (Böll, Heinrich, 1917–1985) — немецкий писатель, поэт, переводчик, сценарист; лауреат Нобелевской премии по литературе (1972).

Бёме, Херберт (Böhme, Herbert, 1907–1971) — нацистский поэт, писатель, публицист; после войны — участник неонацистского движения.

бен Ладен, Усама (ben Laden, Osama, 1957–2011) — основатель и первый эмир международной исламистской террористической организации «Аль-Каида».

Блейки, Арт (Blakey, Art, 1919–1990) — американский джазовый барабанщик, работал в стилях бибоп, хард-боп.

Бернадот, Евгений (Bernadotte, Eugen, 1965–1947) — шведский принц; художник, коллекционер произведений искусства, меценат.

Бернадот, Фольке (Bernadotte, Folke, 1895–1948) — граф, шведский дипломат, один из руководителей Международного комитета Красного Креста; в 1948 г. был куратором

миротворческой миссии ООН в Палестине.

Биберман, Герберт Джордж (Biberman, Herbert George, 1900–1971) — американский сценарист, режиссер и продюсер.

Блэр, Эрик Артур — см. **Оруэлл, Джордж**

Блюм, Леон (Blum, Léon, 1872–1950) — французский политик, первый социалист и еврей во главе французского правительства.

Бовуар, Симона де (Beauvoir, Simone de, 1908–1986) — французская писательница, жена Жан-Поля Сартра.

Бодлер, Шарль (Baudelaire, Charles, 1821–1867) — французский поэт, предшественник символизма.

Борман, Мартин (Bormann, Martin, 1900–1945) — ближайший советник Гитлера и руководитель его партийной канцелярии с 1941 г.; в мае 1945 г. исчез. На Нюрнбергском процессе заочно приговорен к смертной казни как один из главных военных преступников.

Бразийяк, Робер (Brasillach, Robert, 1909–1945) — французский писатель и журналист, известен прежде всего как редактор националистической газеты, симпатизировавшей фашистским движениям; казнен по приговору суда.

Бьюкенен, Джеймс (Buchanan, James, 1791–1868) — 15-й президент США (1857–1861).

Вайль, Курт (Weill, Kurt, 1900–1950) — немецкий композитор, сотрудничал с драматургами Г. Кайзером, Б. Брехтом; в 1935 г. эмигрировал в США; создал новый тип злободневной сатирической драмы с музыкой.

Валери, Поль (Valéry, Paul, 1871–1945) — французский поэт и мыслитель.

Вейцман, Хаим (Weizmann, Chaim, 1874–1952) — первый президент Израиля с 1948 г.; один из лидеров сионистского движения.

Вьетто, Рене (Vietto, René, 1914–1988) — французский велогонщик, неоднократно выступавший в шоссейной гонке «Тур де Франс».

Гай, Джо (Guy, Joe, 1920–1962) — американский джазовый трубач, выступал в известных джаз-оркестрах.

Ганди, Мохандас Карамчанд (Gandhi, Mohandas Karamchand, 1869–1948) — широко известен как Махатма Ганди, один из лидеров и идеолог индийского национально-освободительного движения, по образованию юрист.

Геббельс, Йозеф (Goebbels, Joseph, 1897–1945) — идеолог фашизма, с 1933 г. глава пропагандистского аппарата фашистской Германии; после вступления советских войск в Берлин покончил жизнь самоубийством; на Нюрнбергском

процессе признан одним из главных нацистских преступников.

Гейдрих, Рейнхард (Heydrich, Reinhard, 1904–1942) — шеф политической полиции Германии с 1936 г., с 1941 г., исполняя обязанности «имперского протектора» Богемии и Моравии, организовал массовое уничтожение мирного населения Чехословакии; убит участниками движения Сопротивления.

Георг VI (1865–1952) — английский король с 1936 г., из Виндзорской династии, отец Елизаветы II.

Геринг, Герман (Göring, Hermann, 1893–1946) — министр авиации в правительстве фашистской Германии, непосредственный организатор поджога рейхстага в феврале 1933 г., инициатор создания гестапо и концлагерей; на Нюрнбергском процессе приговорен к смертной казни как один из главных военных преступников; покончил жизнь самоубийством.

Герман, Вуди (Herman, Woody, 1913–1987) — американский джазовый кларнетист, руководитель джаз-оркестра.

Герцль, Теодор (Herzl, Theodor, 1860–1904) — еврейский общественный и политический деятель, основатель Всемирной сионистской организации, провозвестник еврейского государства и основоположник идеологии политического сионизма.

Гиллеспи, Джон Бёркс «Диззи» (Gillespie, John Birks «Dizzy», 1917–1993) — американский джазовый музыкант, трубач; внес значительный вклад в разработку ряда джазовых стилей.

Гиммлер, Генрих (Himmler, Heinrich, 1900–1945) — руководитель СС с 1929 г., с 1936 г. шеф гестапо, один из инициаторов создания системы немецко-фашистских концлагерей, с 1943 г. министр внутренних дел фашистской Германии; в 1945 г. покончил жизнь самоубийством. На Нюрнбергском процессе признан одним из главных нацистских военных преступников.

Голль, Шарль де (Gaulle, Charles de, 1890–1970) — генерал, президент Франции в 1959–1969 гг.; в 1940 г. основал в Лондоне патриотическое движение «Свободная Франция», примкнувшее к антигитлеровской коалиции; позднее глава Временного правительства Франции (1944 — янв. 1946).

Грасс, Гюнтер (Grass, Günter, 1927–2015) — немецкий писатель, скульптор, художник и график; входил в объединение немецких писателей «Группа 47», лауреат Нобелевской премии по литературе (1999); международное признание получил своим романом «Жестяной барабан» (1959).

Греко, Жюльетт (Gréco, Juliette, p. 1927) — французская актриса и певица.

Гримм, Ханс (Grimm, Hans, 1875–1959) — немецкий писатель и публицист; название его романа «Народ без

пространства» стало в фашистской Германии лозунгом, оправдывавшим ее экспансионистскую политику.

Гроэл, Джон Стэнли (Grauel, John Stanley, 1917–1986) — американский методистский пастор и лидер американских сионистов.

Делакруа, Эжен (Delacroix, Eugène, 1798–1863) — живописец и график, глава французского романтизма.

Де Хэвилленд, Оливия (de Havilland, Olivia, p. 1916) — американская киноактриса, лауреат премии «Оскар» (1946, 1949).

Джакометти, Альберто (Giacometti, Alberto, 1901–1966) — швейцарский скульптор, живописец, график.

Джексон, Роберт Хьюаут (Jackson, Robert Houghwout, 1892–1954) — генеральный прокурор США (1940–1941), судья Верховного суда США (1941–1954); главный обвинитель от США на Нюрнбергском процессе.

Джинна, Мухаммед Али (Jinnah, Mohammad Ali, 1876–1948) — лидер Мусульманской лиги (с 1934 г.), партии, потребовавшей создания отдельного мусульманского государства Пакистан; первый генерал-губернатор Пакистана (1947–1948).

Диаконеску, Ион (Diaconescu, Ion, 1917–2011) — румынский антикоммунистический активист и политик; в годы коммунистического режима в Румынии 17 лет (1947–1964) провел в заключении; позднее стал лидером Христианско-демократической национальной крестьянской партии.

Диор, Кристиан (Dior, Christian, 1905–1957) — французский модельер одежды, в 1946 г. открыл в Париже фирму «Кристиан Диор», ставшую символом французской моды.

Дюшан, Марсель (Duchamp, Marcel, 1887–1968) — французский художник, один из лидеров дадаизма, теоретик и практик «антикультуры».

Жене, Жан (Genet, Jean, 1910–1986) — французский писатель.

Жид, Андре (Gide, André, 1869–1951) — французский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1922).

Жуков, Георгий Константинович (1896–1974) — маршал Советского Союза, четырежды Герой Советского Союза, сыграл важнейшую роль в разгроме немецко-фашистских войск в годы Великой Отечественной войны.

Закс, Нелли (Sachs, Nelly, 1891–1970) — немецкая поэтесса, в 1940 г. эмигрировала в Швецию; в трагически-пронзительной лирике — плач о судьбе жертв геноцида.

Зивар Паша, Ахмед (Ziwar Pasha, Ahmed, 1864–1945) — премьер-министр Египта в 1924–1926 гг.

Изенбург, Элизабет фон (Isenburg, Elisabeth von, 1900–

1974) — нацистская деятельница, с 1951 г. руководила помощью нацистским преступникам — организацией «Тихая помощь».

Иосиф II (1741–1790) — австрийский эрцгерцог с 1780 г., соправитель своей матери Марии Терезии, император «Священной Римской империи» с 1765 г.; проводил политику так называемого просвещенного абсолютизма.

Йегер, Чарльз «Чак» (Yeager, Charles «Chuck», p. 1923) — американский летчик-испытатель, в 1947 г. стал первым человеком, превысившим скорость звука в управляемом горизонтальном полете; впоследствии генерал ВВС США.

Калашников, Михаил Тимофеевич (1919–2013) — конструктор стрелкового оружия, дважды Герой Социалистического Труда, создал автоматы АК и АКМ, пулеметы РПК, ПК и др.

Камю, Альбер (Camus, Albert, 1913–1960) — французский писатель и философ-экзистенциалист.

Карлберг, Карл-Эрнфрид (Carlberg, Carl-Ernfrid, 1889–1962) — шведский офицер, инженер, финансист; до и после Второй мировой войны финансировал распространение нацистской пропаганды в Швеции.

Кауард, Ноэл Пирс (Coward, Noel Pierce, 1899–1973) — английский актер, драматург, композитор и продюсер; автор оперетт, ревю и кинофильмов.

Кафка, Франц (Kafka, Franz, 1883–1924) — австрийский писатель; в его произведениях — художественное предвидение жестоких изломов истории, трагедия одиночества и бессилия современного человека.

Квислинг, Видкун (Quisling, Vidkun, 1887–1945) — норвежский политический и государственный деятель, национал-социалист, глава норвежского правительства после оккупации Норвегии германскими войсками в период Второй мировой войны.

Кёстлер, Артур (Koestler, Arthur, 1905–1983) — британский писатель, уроженец Венгрии; наиболее известен по роману «Слепящая тьма» (1940) об эпохе «большого террора» в СССР второй половины 1930-х гг.

Кифер, Ансельм (Kiefer, Anselm, p. 1945) — немецкий художник, главная тема творчества — Холокост как воплощение германской катастрофы.

Клодель, Поль (Claudel, Paul, 1868–1955) — французский писатель-католик.

Ковач, Бела (Kovács, Béla, 1908–1959) — венгерский политик, лидер Партии мелких сельских хозяев (ПМСХ).

Кокто, Жан (Cocteau, Jean, 1889–1963) — французский

писатель, художник, театральный деятель, киносценарист и режиссер.

Колетт (Colette; полное имя Sidonie-Gabrielle Colette, 1873–1954) — французская писательница, одна из звезд Прекрасной эпохи, член Гонкуровской академии с 1945 г.

Крамер, Йозеф (Kramer, Josef, 1906–1945) — гауптштурмфюрер СС, комендант лагеря Берген-Бельзен; казнен по приговору суда.

Кутб, Сайид (Qutb, Sayeed, 1906–1966) — египетский писатель и философ, идеолог ассоциации «Братья-мусульмане».

Лагерлёф, Сельма (Lagerlöf, Selma, 1858–1940) — шведская писательница, лауреат Нобелевской премии (1909).

Лайон, Альфред (Lion, Alfred, 1908–1987) — основатель компании грамзаписи «Блю ноут рекордс», которая в 1940–1960-х гг. выпустила записи крупнейших мастеров джаза.

Ланцман, Клод (Lanzmann, Claude, 1925–2018) — французский журналист и кинорежиссер-документалист.

Леви, Примо (Levi, Primo, 1919–1987) — итальянский поэт, прозаик, эссеист и переводчик.

Леерс, Йоханн фон (Leers, Johann von, 1902–1965) — немецкий нацист, в 1945 г. бежал в Аргентину, где продолжал пропаганду нацизма; перешел в ислам.

Ле Корбюзье [Le Corbusier; настоящее имя: Шарль Эдуар Жаннере (Charles Edouard Jeanneret), 1887–1965] — французский архитектор, теоретик архитектуры, живописец, дизайнер; один из создателей современных течений архитектуры (рационализма, функционализма).

Лемкин, Рафаэль (Lemkin, Raphael, 1900–1959) — юрист, автор термина «геноцид» и проекта Конвенции ООН о предупреждении и наказании преступления геноцида.

Ли, Трюгве (Lie, Trygve, 1896–1968) — норвежский политик, один из лидеров Норвежской рабочей партии; первый Генеральный секретарь ООН в 1946–1953 гг.

Липпман, Уолтер (Lippman Walter, 1889–1974) — американский публицист и социолог, журналист-обозреватель, автор ряда книг.

Манн, Томас (Mann, Thomas, 1875–1955) — один из крупнейших немецких писателей XX в., с 1933 г. жил в антифашистской эмиграции, сначала в США, затем в Швейцарии.

Манштейн, Эрих фон (Manstein, Erich von, 1887–1973) — немецкий генерал-фельдмаршал; во Вторую мировую войну, в частности, командовал группами армий «Дон» и «Юг»; приговорен британским военным трибуналом к 18 годам тюрьмы, в 1953 г. освобожден.

Марсанич, Аугусто де (Marsanich, Augusto de, 1893–1973) — крайне правый итальянский политик, председатель, а затем почетный председатель Итальянского социального движения.

Маршалл, Джордж Кэтлетт (Marshall, George Catlett, 1880–1959) — генерал, военный и политический деятель США; во время Второй мировой войны планировал все основные операции войск союзников; будучи госсекретарем (1947–1949), предложил план восстановления экономики Европы; лауреат Нобелевской премии мира (1953).

Маунтбеттен, Луис Фрэнсис Альберт Виктор Николас Джордж (Mountbatten, Louis Francis Albert Victor Nickolas George, 1900–1979) — английский адмирал и политический деятель, последний вице-король Индии и первый генерал-губернатор Индийского доминиона; автор плана о разделе Индии.

Миколайчик, Станислав (Mikołajczyk, Stanisław, 1901–1966) — премьер-министр польского эмигрантского правительства в Лондоне (1943–1944), с 1945 г. член Временного правительства Польши, с 1947 г. в эмиграции.

Мильх, Эрхард (Milch, Erhard, 1892–1972) — генеральный инспектор люфтваффе; ответствен за опыты люфтваффе на людях, проводившиеся в концлагере Дахау; осужден на пожизненное заключение, однако уже в 1954 г. освобожден.

Монк, Телониус «Сфер» (Monk, Thelonious «Sphere», 1917–1982) — американский джазовый пианист и композитор, один из создателей стиля бибоп.

Моргентау, Генри (Morgenthau, Henry, 1891–1967) — американский государственный деятель, министр финансов США (1934–1945); президент, затем почетный президент американской общественной организации «Объединенный еврейский призыв» (1945–1953).

Мориак, Франсуа (Mauriac François, 1885–1970) — французский писатель, участник движения Сопротивления; лауреат Нобелевской премии по литературе (1952).

Мосли, Освальд (Mosley, Oswald, 1896–1980) — лидер фашистской партии Великобритании; во время Второй мировой войны находился в тюрьме.

Мулен, Жан (Moulin, Jean, 1899–1943) — герой французского движения Сопротивления; погиб под пытками гестаповцев.

Муссолини, Бенито (Mussolini, Benito, 1883–1945) — основатель и лидер фашистской партии Италии; фашистский диктатор Италии (1922–1943); в 1945 г. захвачен итальянскими партизанами и казнен.

Мэн-цзы (ок. 372–289 до н. э.) — древнекитайский философ, последователь Конфуция; сформулировал тезис о незыблемости

деления людей на правящих и управляемых.

Мюрдаль, Гуннар (Myrdal, Gunnar, 1898–1987) — шведский экономист; лауреат Нобелевской премии по экономике (1974, совм. с Ф. Хайеком).

Насер, Гамаль Абдель (Nasser, Gamal Abdel, 1918–1970) — египетский государственный деятель, президент Египта с 1956 г.

Науман, Вернер (Naumann, Werner, 1909–1982) — государственный деятель Германии, журналист, бригадефюрер СС, работал в геббельсовском министерстве пропаганды.

Неру, Джавахарлал (Nehru, Jawaharlal, 1889–1964) — индийский политический деятель, премьер-министр и министр иностранных дел Республики Индии с 1947 г.; один из лидеров партии Индийский национальный конгресс.

Олендорф, Отто (Ohlendorf, Otto, 1907–1951) — политический деятель нацистской Германии, группенфюрер СС; начальник айнзацгруппы «D», действовавшей на Украине; в мае 1945 г. арестован английской военной контрразведкой, решением военного трибунала признан виновным в уничтожении почти 100 000 мирных граждан на территории Польши и Украины и приговорен к смертной казни; приговор приведен в исполнение.

Оруэлл, Джордж (Orwell, George, 1903–1950) — английский писатель и публицист, участник Гражданской войны в Испании 1936–1939 гг.

Паркер, Чарли «Бёрд» (Parker, Charlie «Bird», 1920–1955) — американский джазовый музыкант, исполнитель на альт-саксофоне; играл в различных джаз-оркестрах; один из основоположников джазового стиля бибоп.

Перон, Хуан Доминго (Perón, Juan Domingo, 1895–1974) — президент Аргентины в 1946–1955 гг. и в 1973–1974 гг., генерал.

Перссон, Эрлинг (Persson, Erling, 1917–2002) — шведский коммерсант, основатель компании «H&M».

Петков, Никола (1893–1947) — болгарский политический деятель, один из лидеров Болгарского земледельческого народного союза; был обвинен коммунистами в контрреволюционной деятельности и организации заговоров против республики; казнен 23.09.1947; в январе 1990 г. посмертно реабилитирован.

Пикассо, Пабло (Picasso, Pablo, 1881–1973) — французский живописец; один из крупнейших художников XX в.

Поль, Освальд (Pohl, Oswald, 1892–1951) — обергруппенфюрер СС, начальник Главного административно-хозяйственного управления СС, в ведении которого находились концлагеря и предприятия системы СС; казнен по приговору суда.

Пристер, Карл-Хайнц (Priester, Karl-Heinz, 1913–1960) —

руководитель пропаганды в гитлерюгенде; после Второй мировой войны играл важную роль в европейских движениях крайне правого толка.

Радклифф, Сирил (Radcliff, Cyril, 1899–1977) — британский юрист и лорд-судья, известен своей ролью в разделении Британской Индии на территории Индии и Пакистана.

Ракоши, Матьяш (Rákosi, Mátyás, 1892–1971) — в 1945–1948 гг. генеральный секретарь ЦК КП Венгрии, в 1948–1956 гг. возглавлял ЦК Венгерской партии трудящихся, 1952–1953 гг. председатель совета министров Венгрии.

Ремер, Отто Эрнст (Remer, Otto Ernst, 1912–1997) — военачальник в нацистской Германии, генерал-майор; в мае 1945 г. капитулировал перед американскими военнослужащими, жил в Западной Германии, затем эмигрировал в Египет.

Риббентроп, Иоахим фон (Ribbentrop, Joachim von, 1893–1946) — министр иностранных дел Германии в 1938–1945 гг.; как один из главных нацистских военных преступников казнен по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге.

Рихтер, Ханс Вернер (Richter, Hans Werner, 1908–1993) — немецкий писатель, глава объединения западногерманских писателей «Группа 47»; публицист.

Розенберг, Альфред (Rosenberg, Alfred, 1893–1946) — один из идеологов немецкого фашизма; как один из главных нацистских военных преступников казнен по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге.

Роллинс, Теодор «Сонни» (Rollins, Theodore «Sonny», р. 1930) — американский джазовый музыкант, саксофонист, композитор.

Рудель, Ханс-Ульрих (Rudel, Hans-Ulrich, 1916–1982) — немецкий летчик, самый результативный пилот пикирующего бомбардировщика Ю-87 в годы Второй мировой войны; убежденный национал-социалист.

Рузвельт, Франклин Делано (Roosevelt, Franklin Delano, 1882–1945) — 32-й президент США (1933–1945), от Демократической партии.

Рузвельт, Элеонора (Roosevelt, Eleanor, 1884–1962) — жена Франклина Д. Рузвельта; была представителем США в ООН (1949–1952), способствовала принятию Всеобщей декларации прав человека (1948).

Сандстрём, Эмиль (Sandström, Emil, 1886–1962) — шведский юрист, председатель Особой комиссии ООН по Палестине (1947), в 1950–1959 гг. президент Международной федерации Красного Креста и Красного Полумесяца.

Сартр, Жан-Поль (Sartre, Jean Paul, 1905–1980) —

французский писатель, философ и публицист, глава французского экзистенциализма.

Сассен, Виллем (Sassen, Willem, 1918–2002) — голландский журналист, нацист, эсэсовец; в 1947 г. был переправлен в Аргентину.

Сидки Паша, Исмаил (Sidki Pasha, Ismail, 1875–?) — египетский государственный деятель, финансист, укреплял британское господство в Египте.

Скорцени, Отто (Skorzeny, Otto, 1908–1975) — сотрудник службы безопасности (СД), создатель немецких коммандос, оберштурмбаннфюрер СС; в 1843 г. провел операцию по освобождению итальянского диктатора Б. Муссолини и вывез его в Вену, а затем в Берлин; в мае 1945 г. сдался американцам, в сентябре 1947 г. был оправдан Американским военным трибуналом и освобожден; сотрудничал с разного рода пронацистскими организациями, с 1950 г. жил в Испании.

Тейлор, Телфорд (Taylor, Telford, 1908–1998) — известный американский юрист, профессор права; обвинитель (совместно с Б. Ференцем) на 9-м малом нюрнбергском процессе 1947 г.

Тинен, Паул ван (Tienen, Paul van, 1921–1996) — голландский нацист, эсэсовец, после войны участвовал в нацистском движении Пера Энгдаля.

Томпсон, Дороти (Thompson, Dorothy, 1893–1961) — известная американская журналистка, считалась «первой леди американской журналистики».

Трумэн, Гарри (Truman, Harry, 1884–1972) — 33-й президент США, от Демократической партии; в 1945 г. отдал приказ об атомной бомбардировке японских городов Хиросима и Нагасаки; в 1948 г. ввел в действие план Маршалла; в 1950 г. отправил американские войска в Корею для участия в боевых действиях.

Ференц, Бенджамин (Ferencz, Benjamin, р. 1920) — американский юрист, расследовал преступления нацистов во Второй мировой войне, был обвинителем на процессе по делу айнзацгрупп (9-й малый нюрнбергский процесс).

Флик, Фридрих (Flick, Friedrich, 1883–1972) — один из крупнейших германских промышленников и предпринимателей, имел огромное влияние на Гитлера, особенно в экономических вопросах; на предприятиях Флика широко использовался труд иностранных рабочих и узников концлагерей; в декабре 1947 г. приговорен к семи годам лишения свободы, в январе 1951 г. освобожден.

Форд, Генри (Ford, Henry, 1863–1947) — американский автопромышленник, известен как один из богатейших и наиболее удачливых бизнесменов США; проповедовал антисемитизм.

Франк, Ханс (Frank, Hans, 1900–1946) — нацистский партийный деятель, обергруппенфюрер СС; организатор ряда крупнейших операций по депортации еврейского населения Польши, поддерживал идею превращения оккупированных польских территорий в единый концлагерь; в качестве одного из главных военных преступников привлечен к суду Международного военного трибунала и приговорен к смертной казни через повешение.

Фрич, Эберхард (Fritsch, Eberhard, 1921–1974) — немецкий издатель («Дюрер-ферлаг»), нацист аргентинского происхождения.

Хедин, Свен (Hedin, Sven, 1865–1952) — шведский путешественник, исследователь Тибета, Китая, Монголии, Восточного Туркестана; придерживался крайне правых взглядов.

Хейуорт, Рита (Hayworth, Rita, 1918–1987) — американская киноактриса, звезда Голливуда 1940-х гг.

Хеннеи, Арпад (Henney, Árpád, 1985–1980) — венгерский политик, офицер, в 1944–1945 гг. министр без портфеля в нилашистском правительстве Ф. Салаши.

Хёсс, Рудольф (Höss, Rudolf, 1900–1947) — комендант лагеря смерти Освенцим, казнен по приговору суда.

Хилльблад, Турольф (Hillblad, Thorolf, 1917–2012) — шведский журналист, доброволец СС.

Хокинс, Коулмен «Бин» (Hawkins, Coleman «Been», 1904–1969) — американский джазовый музыкант, один из известнейших тенор-саксофонистов.

Холидей, Билли (Holiday, Billie, 1915–1959) — американская джазовая певица с ярким стилем исполнения; ранняя смерть вызвана употреблением наркотиков.

Хоппер, Грейс (Hopper, Grace, 1906–1992) — американская ученая, контр-адмирал ВМФ США, прославилась изобретениями в области компьютерной индустрии.

Хорти, Миклош (Horthy, Miklós, 1868–1957) — правитель Венгрии в 1920–1944 гг; в октябре 1944 г. передал власть нилашисту Ф. Салаши и выехал за границу.

Целан, Пауль (Celan, Paul, 1920–1970) — австрийский поэт, с 1948 г. жил в Париже; в творчестве доминируют темы Холокоста, символы соскальзывания в небытие.

Чаплин, Чарлз Спенсер (Chaplin, Charles Spencer, 1889–1977) — американский киноактер, режиссер, сценарист, композитор, продюсер; всемирную известность приобрел, создав трагикомический образ Чарли — «маленького человека», затерянного во враждебном мире.

Черчилль, Уинстон Леонард Спенсер (Churchill, Winston

Leonard Spencer, 1874–1965) — британский государственный деятель, премьер-министр Великобритании в 1940–1945, 1951–1955 гг., один из лидеров Консервативной партии; выступил одним из инициаторов создания антигитлеровской коалиции с США и СССР, но стремился ограничить влияние СССР в послевоенной Европе.

Шамир, Ицхак (Shamir, Yitzhak, 1915–2012) — израильский политик, восьмой и десятый премьер-министр Израиля; до 1948 г. один из руководителей подпольной террористической организации «Лехи»; работал на высоких постах в «Моссаде».

Шверин фон Крозиг, Лутц (Schwerin von Krosigk, Lutz, 1887–1952) — немецкий политический и государственный деятель, юрист; в 1932–1945 гг. министр финансов Германии.

Шёнберг, Арнольд (Schönberg, Arnold, 1874–1951) — австрийский композитор, музыкальный теоретик, дирижер, педагог; представитель музыкального экспрессионизма, основоположник метода додекафонии, оказал значительное влияние на музыкальное искусство XX в.; в 1933 г. эмигрировал в США.

Ширах, Бальдур фон (Schirach, Baldur von, 1907–1974) — нацистский партийный деятель, руководил гитлерюгендом; в 1946 г. приговорен Международным трибуналом в Нюрнберге к 20 годам лишения свободы, освобожден в 1966 г.

Шихаб, Сахиб (Shihab, Sahib, 1925–1989) — американский джазовый саксофонист и флейтист.

Штрейхер, Юлиус (Streicher, Julius, 1885–1946) — немецкий политический деятель, с 1923 г. издавал нацистскую газету «Дер штюрмер», которая пропагандировала антисемитизм; приговорен Международным военным трибуналом в Нюрнберге к смерти через повешение.

Эвола, Юлиус (Evola, Julius, 1898–1974) — итальянский философ-эзотерик, писатель, художник, культуролог и политический деятель; как яркий представитель интегрального традиционализма оказал влияние на многие ультраправые идеологические движения.

Эйкен, Говард Хатауэй (Aiken, Howard Hathaway, 1900–1973) — американский пионер компьютеростроения, руководил работами по созданию первого компьютера «Марк-I» и др.

Эйнштейн, Альберт (Einstein, Albert, 1879–1955) — физик-теоретик, один из основоположников современной физики, создал частную (1905) и общую (1907–1916) теорию относительности; лауреат Нобелевской премии по физике (1921); в 1933 г. эмигрировал в США.

Эйхман, Адольф (Eichmann, Adolf, 1906–1962) — немецко-

фашистский военный преступник, возглавлял подотдел «по делам евреев» в имперском управлении безопасности; после разгрома фашистской Германии во Второй мировой войне бежал в Аргентину, откуда в 1960 г. вывезен израильской разведкой, отдан под суд и казнен за преступления против еврейского народа, человечества и военные преступления.

Экелёф, Гуннар (Ekelöf, Gunnar, 1907–1968) — шведский поэт, переводчик и критик.

Элер, Ханс (Oehler, Hans, 1888–1967) — швейцарский журналист пронацистской ориентации.

Эллингтон, Эдуард Кеннеди «Дюк» (Ellington, Edward Kennedy «Duke», 1899–1994) — американский джазовый пианист, композитор, руководитель джаз-оркестра.

Энгдаль, Пер (Engdahl, Per, 1909–1994) — шведский нацист, лидер неонацистского Новошведского движения, поэт.

Энгцелль, Ёста (Engzell, Gösta, 1897–1997) — шведский юрист и дипломат, в 1938–1947 гг. был советником по внешнеполитическим вопросам и возглавлял юридический отдел министерства иностранных дел.

Эрландер, Таге (Erlander, Tage, 1901–1985) — председатель Социал-демократической рабочей партии Швеции, премьер-министр в 1946–1969 гг.

Эрхардт, Артур (Ehrhardt, Arthur, 1896–1971) — штурмбаннфюрер СС, один из лидеров послевоенного неонацизма, учредитель газеты «Нацьон Ойропа».

Эттли, Клемент Ричард (Attley, Clement Richard, 1883–1967) — лидер Лейбористской партии Великобритании в 1935–1955 гг., премьер-министр (1945–1951).

Над книгой работали

Издатели
Александр Иванов
Михаил Котомин
Выпускающий редактор
Лайма Андерсон
Корректор
Юлия Кожемякина
Дизайн
ABCdesign
Арт-директор
Дмитрий Мордвинцев
Дизайн-макет
Даниил Бондаренко

Все новости издательства Ad Marginem на сайте: www.admarginem.ru

По вопросам оптовой закупки книг издательства Ad Marginem обращайтесь по телефону: +7 (499) 763 3227 или пишите: sales@admarginem.ru

ООО «Ад Маргинем Пресс»
Резидент ЦТИ «Фабрика»
Переведеновский пер., д. 18, Москва, 105 082
тел./факс: +7 (499) 763 3595
info@admarginem.ru

notes

Примечания

1

Перевод с немецкого Н. Колесниковой.

2

Клайдбанк-блиц — два разрушительных налета германского люфтваффе на шотландский городок Клайдбанк в марте 1941 года. — *Здесь и далее приводятся примечания переводчика*.

3

Рим. 12:21.

Бюро грез (*франц.*).

5

Конечно, разумеется (*франц.*).

6

Трансиордания — существовавший на Ближнем Востоке с 1921 года зависимый от Великобритании эмират; в 1946 году получил независимость, а после арабо-израильской войны 1947–1949 годов самопереименовался в Королевство Иордания.

7

ЮНСКОП (UNSCOP = United Nations Special Committee on Palestine) — Особая комиссия ООН по Палестине (*англ.*).

8

Скверно для нас, если новая разлука окажется тяжкой (*англ.*).

9

ЮНРРА (UNRRA = United Nations Relief and Rehabilitation Administration) — Администрация ООН по вопросам помощи и послевоенного восстановления.

10

Еврейское агентство (Jewish Agency) — международная организация содействия переезду евреев в Палестину (1929–1951).

11

«Ха-шомер Ха-цаир» — сионистская молодежная организация левой ориентации.

12

Парижские мирные договоры — подписанные 10 февраля 1947 года договоры между государствами — победителями во Второй мировой войне и бывшими союзниками фашистской Германии в Европе — Италией, Финляндией, Болгарией, Венгрией и Румынией; вступили в силу 15 сентября 1947 года.

13

Blues — меланхолия, тоска (*англ.*).

14

Айнзацгруппы — силы особого назначения СС, были сформированы для охраны правительственных документов и учреждений на оккупированных территориях; по приказу Гиммлера были наделены функциями эскадронов смерти, занимались, в частности, поиском и заточением евреев в гетто и концентрационные лагеря.

15

Мы не можем дать этим типам уйти от наказания (*англ.*).

Ну, вы же понимаете (*англ.*).

17

Дорогому Берти (*англ.*).

18

Последняя чукка в Индии — 12 пропущенных мячей (*англ.*). Чукка — период, тайм в конном поло (7 ½ мин.).

19

Совершенно секретно (*англ.*).

20

«Протоколы сионских мудрецов» — сфальсифицированный сборник текстов о вымышленном заговоре евреев (на русском языке впервые опубликован в 1903 году).

21

«Международное еврейство — первоочередная мировая проблема» (*англ.*).

22

Что ж (*англ.*).

23

Кстати, между прочим (*англ.*).

В 1947 году эта территория называлась Восточная Бенгалия.

25

Джура — один из Внутренних Гебридских островов.

Оруэлл Дж. Политика и английский язык / пер. В. П. Голышева. URL: www.orwell.ru/library/essays/politics/russian/r_polit

Имеется в виду статья «Ты и атомная бомба».

Липпман У. Холодная война. Исследование внешней политики США (*Walter Lippman*. The Cold War. A Study in U. S. Foreign Policy).

29

Имеется в виду покушение на Гитлера, предпринятое 8 ноября 1939 года, в день празднования годовщины «пивного путча», немецким антифашистом Георгом Эльзером.

30

Я напортачил (*англ.*).

31

Соединенные Штаты Америки против Билли Холидей (*англ.*).

32

Соглашение Хаавара — трансферный договор об экономическом сотрудничестве между сионистами и германскими национал-социалистами, подписан 28 августа 1933 года министерством экономики Третьего рейха и Еврейским агентством, занимавшимся колонизацией Палестины.

www.coldwar.ru/bases/marshall_plan.php

34

Белая книга Черчилля (1922) — первая из шести Белых книг, выпущенных британским правительством касательно подмандатной Палестины; именно в ней изложена главная мысль, которой руководствовалось британское правительство на протяжении следующих 30 лет до образования Государства Израиль: еврейскому народу было отказано в восстановлении собственной государственности.

35

Комиссия Вудхеда — работала в подмандатной Палестине с апреля до начала августа 1938 года, была направлена туда британским правительством с целью подготовить план новых политических мероприятий в Палестине.

36

Белая книга 1939 года — отчет министра колоний Великобритании М. Макдональда британскому парламенту о политике правительства в отношении Британского мандата в Палестине.

aforismo.ru/autor/Мэн-Цзы/

38

«Иргун Цвай Леуми» — еврейская подпольная организация в Палестине (1931–1948); руководил «Иргун» Менахем Бегин (1913–1992).

39

«Лига Штерна» («Лехи») — еврейское подпольное движение в Палестине (1940–1948), в руководстве которого состоял, в частности, Ицхак Шамир (1915–2012).

Само собой (*англ.*).

41

ДКВ (DKW = Dampfkraftwagen) — марка немецких автомобилей и мотоциклов (1916–1966).

42

«Скрещенные стрелы» — национал-социалистская партия в Венгрии, основанная в 1937 году, существовала до апреля 1945 года, когда была запрещена и распущена. В русской историографии ее сторонников называют нилашистами.

Пропустите этих евреев (*нем.*).

44

28 ноября 1942 года отправлен на принудительные работы на Украину и пропал без вести в Белгороде в феврале 1943 года (*англ.*).

45

«Виши» — общепринятое название фашистского коллаборационистского режима во Франции (июль 1940 — август 1944) в период оккупации страны фашистскими войсками; назван по городу Виши, где обосновалось правительство Петена.

Горизонтальный коллаборационизм (*франц.*).

47

Имеется в виду Версальский мирный договор 1919 года, завершивший Первую мировую войну и заключенный на унизительных для Германии условиях, что впоследствии способствовало усилению реваншистских стремлений германской военщины и использовалось нацистами в борьбе за власть.

Солонина (*англ.*).

49

Джазовый клуб в Нью-Йорке.

Тупик (*франц.*).

51

Автор ошибочно упоминает здесь Исламабад, нынешнюю столицу Пакистана, построенную в 1960 году. Первой столицей Пакистана (до 1958 года) был Карачи, затем Равалпинди.

52

«ИГ Фарбениндустри» — крупнейший германский химический концерн, который в годы Третьего рейха контролировал до 85 % производства основных химикатов, большей частью использовавшихся для производства боеприпасов и техники; в 1933–1945 годах на предприятиях концерна широко использовался труд заключенных концлагерей.

53

Концерн «Фридрих Крупп» — ведущий производитель вооружений в Третьем рейхе.

Ассоциация Аргентина — Европа (*исп.*).

Римская хартия (*ит.*).

56

Название не имеет отношения к городу; это аббревиатура от «Organisation der ehemaligen SS-Angehörigen — Организация бывших служащих войск СС»; организация была создана в 1945 году после капитуляции нацистской Германии с целью оказания помощи скрывающимся эсэсовцам, высшим нацистским партийным чинам и высшим офицерам вермахта, изготовления поддельных документов, переброски означенных лиц за границу и т. д.

57

«Группа 47» — объединение западногерманских писателей (названо по году создания); творчество ее членов (Х. В. Рихтер, Г. Бёлль, Г. Грасс, П. Шаллюк, А. Андерш, М. Вальзер, В. Йенс, Х. М. Энценсбергер и др.) способствовало укреплению антифашистских и социально-критических тенденций в литературе ФРГ, однако они не придерживались единой идейно-эстетической позиции; в 1972 году группа объявила о своем роспуске.

Первый реальный случай обнаружения жучка (*англ.*).

59

Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности (House Unamerican Activities Committee = HUAC) — комиссия палаты представителей конгресса США, созданная для борьбы с подрывной и антиамериканской пропагандой, действовала в 1934–1975 годах. В середине 1940-х годов преследованию подверглись многие известные деятели культуры (Чарли Чаплин, Поль Робсон и др.), в 1947 году началось преследование кинематографистов Голливуда.

60

Премия «Ниман-Маркус» — ежегодная американская премия в области высокой моды, вручается с 1938 года.

Закон о национальной безопасности (*англ.*).

62

Коминформ (Коминформбюро) — международная коммунистическая организация (1947–1956), первоначально включала компартии девяти упомянутых стран, к которым позднее присоединилась Албания.

63

Перевод С. Аверинцева.

РСХА (RSHA = Reichssicherheitshauptamt) — Главное управление имперской безопасности (*нем*).

65

«НСФау» (NSV = Nationalsozialistische Volkswohlfahrt) — «Национал-социалистическая народная благотворительность» (*нем.*).

66

«Первая молния» — кодовое обозначение испытаний первой советской атомной бомбы.

«Человек ли это?» (*ит.*).

68

Возражение Теодору Адорно, который писал: «После Освенцима нельзя писать стихов» (в статье начала 1950-х годов «Критика культуры и общество»).

«В жилищах смерти» (*нем.*).

70

Аллюзии на сборники стихов Нелли Закс «Бегство и преображение» (1957) и «Звездное затмение» (1949).

71

Дядя Том — основной персонаж романа американской писательницы Гарриэт Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» (1852), добрый негр-раб, с которым зверски обращается его хозяин; символ негра, покорно сносящего унижения.

Большой Брат наблюдает за тобой (*англ.*).

Или, если перевести фамилию: «Самый одинокий монах».

74

«Юнайтед фрут корпорейшн» — крупнейшая американская корпорация по экспорту тропических фруктов из стран третьего мира в США и Европу; образована в 1899 году, в начале и середине XX века сильно повлияла на экономическое и политическое развитие ряда стран Латинской Америки; в настоящее время после нескольких преобразований — «Чикита брендз интернэшнл».

75

«Пальмах» (1941–1948) — особые отряды «Хаганы», позднее — часть Армии обороны Израиля.

76

«Хагана» — еврейская сионистская подпольная организация в Палестине, существовала в 1920–1948 годах во время британского мандата, с образованием еврейского государства стала основой армии Израиля.

77

Накба — катастрофа (*араб.*); так назвали исход палестинцев в 1948 году, когда беженцами в один день стали свыше 700 000 людей.

78

Аллюзия на знаменитые стихи П. Целана «Фуга смерти» (1945).

79

Прошлое никогда не умирает. Оно даже не проходит (Уильям Фолкнер) (*англ.*).